Российская Коммунистическая Партия (большевиков).

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

ПРАВДА

Орган Центральн. Ком. и Московск. Ком. Р. К. П. (большевиков).

№ 251. 6—7 ноября 1921 г. ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА. № 251.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

СТАТЬИ: тт. Ленина, Зиновьева, Сталина, Радека, Покровского, Осинского, Преображенского, Смилга, Ларина и др.

РАССКАЗЫ И ВОСПОМИНАНИЯ: Под'ячева, Ольминского, Кольцова, Шатмана и др.

СТИХИ: Демьяна Бедного, Обрадовича, Александровского.

Нищая, оборванная, голодная, празднует трудовая республика великий день своего рождения.

Четыре года истекала она кровью, костями лучших людей уложила поля битв, последние крохи отдала для достижения победы.

Миллионы сынов ее—в костлявых лапах голода. Бездымны трубы сотен заводов. Гудки их молчат. Зачахли тысячи железных коней на далеких стальных путях.

Но твердой ногой стоит Красная республика на свободной земле, на своей земле, одолев несметные тучи врагов.

Смейтесь, враги! Пытайтесь накинуть на нашу шею старую петлю, вырезать из кожи нашей ремни в уплату старых долгов. Пытайтесь обойти нас с тыла, забрать в кабалу—раз мы и вас призвали восстанавливать хозяйство страны.

Железная машина власти в руках трудового народа. Оружие в руках Красной Армии рабочих и крестьян. Земля, все богатства страны под нашей властью. Не иссякли, сильны наши—воля, уменье, великое упорство в труде.

Будем строить—упорно, неутомимо—новую, крепкую Красную республику. Спорьте вы о прибылях, куйте оружие друг против друга, удесятеренным гнетом поднимайте против себя ваших рабов, наших братьев.

Смейтесь громче, враги! В день крушения вавилонского царства капитала, в первый день мирового восстания против вашей власти—посмеемся над вами и мы победным смехом!

О значении золота теперь и после полной победы социализма.

Лучший способ отпраздновать годовщину великой революции, это сосредоточить внимание на нерешенных задачах ее. Особенно уместно и необходимо подобное отпразднование революции в тех случаях, когда есть коренные задачи, еще нерешенные революцией, когда требуется усвоить нечто новое (с точки зрения проделанного революцией до сих пор) для решения этих задач.

Новым в настоящий момент является для нашей революции необходимость прибегнуть к «реформистскому», постепенному, осторожно-обходному методу действий в коренных вопросах экономического строительства. Эта «новизна» вызывает ряд вопросов, недоумений, сомнений и теоретических, и практических.

Теоретический вопрос: как об'яснить переход после ряда самых революционных [illegible] к крайне «реформистским» действиям на том же поприще, при условии общего победоносного хода всей революции в целом? Нет ли тут «сдачи позиций», «признания краха» или чего-либо подобного? Враги, конечно, говорят, что есть, начиная от реакционеров полуфеодального типа и кончая меньшевиками или другими рыцарями 2½ Интернационала. На то они и враги, чтобы выкрикивать заявления подобного рода по всем поводам и без всяких поводов. Трогательное единство в этом вопросе всех партий от феодалов до меньшевиков только лишний раз доказывает, что против пролетарской революции являются действительно «одной реакционной массой» все эти партии (как предвидел, в скобках сказать, Энгельс в своих письмах к Бебелю 1875 и 1884 годов).

Но некоторое... «недоумение» есть и [illegible]

...больше всего ломали себе шею, когда начинали писать «революцию» с большой буквы, возводить «революцию» в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому. Настоящие революционеры погибнут (в смысле не внешнего поражения, а внутреннего провала их дела) лишь в том случае,—но погибнут наверняка в том случае,—если потеряют трезвость и вообразят, будто «великая, победоносная, мировая» революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах во всех областях действия может и должна решать по-революционному.

Кто «вздумает» такую вещь, тот погиб, ибо он вздумал глупость в коренном вопросе, а во время ожесточенной войны (революция есть самая ожесточенная война) карой за глупость бывает поражение.

Откуда следует, что «великая, победоносная, мировая» революция может и должна применять только революционные приемы? Ниоткуда этого не следует. И это прямо и безусловно неверно. Неверность этого ясна сама собой на основании чисто-теоретических положений, если не сходить с почвы марксизма. Неверность этого подтверждается и опытом нашей революции. Теоретически: во время революции делаются глупости, как и во всякое другое время,—говорил Энгельс,—и говорил правду. Надо стараться поменьше их делать и [illegible]

[illegible]

...достаточный запас сил, чтобы неприятель не мог добить нас до конца. Продержаться в моральном смысле, это значит не дать себя деморализовать, дезорганизовать, сохранить трезвую оценку положения, сохранить бодрость и твердость духа, отступить хотя бы и далеко назад, но в меру, отступить так, чтобы во-время приостановить отступление и перейти вновь в наступление.

Мы отступили к государственному капитализму. Но мы отступили в меру. Мы отступаем теперь к государственному регулированию торговли. Но мы отступим в меру. Есть уже признаки, что виднеется конец этого отступления, виднеется не в слишком отдаленном будущем возможность приостановить это отступление. Чем сознательнее, чем дружнее, чем с меньшими предрассудками произведем мы это необходимое отступление, тем скорее можно будет его приостановить, тем прочнее, быстрее и шире будет затем наше победоносное движение вперед.

Н. ЛЕНИН.

5 ноября 1921 г.

Наша партия за 4 года революции.

Силы нашей партии в начале 1917 г. были [illegible] невелики. В конце апреля [illegible] года, т.-е. через несколько недель [illegible] падения царизма, в Петрограде [illegible] первая Всероссийская конференция нашей партии. На этой конференции [illegible] официальными данными, присутствовало с решающим голосом 133 [illegible], которые представляли [illegible] партии. Кроме [illegible] на конференции присутствовало 18 делегатов с совещательным голосом от организаций, не насчитывавших 500 [illegible]. Эти 18 делегатов представляли 2.637 членов партии. Таким образом, на конференции представлено было 79.174 чел. Петроград имел 4.597, Москва—7.000, Московский округ—4.500, Урал—14.600, Донбасс—5.433, Саратов—1.600, Иваново-Вознесенск — 3.654, Сормово—2.009, Самара—2.800, Казань—400 членов и т. п.

80.000 членов на всю необ'ятную Рос[illegible]

...гах долго имела на своей стороне большинство рабочих, или, по крайней мере, большинство рабочего авангарда, теперь оказалась в таком ничтожном меньшинстве. Причиной этому был тот необычайно тяжелый кризис, который пережило рабочее движение во всем мире и в том числе и в нашей стране. Социал-патриотическое поветрие не пощадило и русских рабочих.

Но затем с какой быстротой отвоевали мы рабочих на свою сторону! И как прочно, в общем и целом, оказалось это завоевание!

В начале революции, через два месяца после падения царизма, мы имели [illegible] 80.000 членов партии. Из них старых членов было, наверное, не больше 25.000. Остальные вступили в партию в первые две недели после падения царизма. Но корни нашей партии среди рабочей массы были очень глубоки. Большевистская партия стала партией рабочего класса, по [illegible]

[illegible]

Г. ЗИНОВЬЕВ.

Первые шаги новой экономической политики.

Новая деревня.

Вопрос о новой экономической политике был впервые поставлен, исходя из положения и нужд нашей деревни, с целью удовлетворения этих нужд. Исходная точка нового курса—замена хлебной монополии *натурналогом* и *свободным оборотом сельскохозяйственных продуктов*. Гораздо позже развернулись перед нами на этой почве вопросы о новой экономической политике в области промышленности, товарного обращения страны в целом, кредита, финансов. Эти вопросы в значительной мере отодвинули назад исходный и основной вопрос—о новой экономической политике в сельском хозяйстве, в деревне. А между тем ясно, что одной отменой разверстки и разрешением свободной продажи излишков дело отнюдь не ограничивается. Надо разрешить целый ряд вопросов, неизбежно отсюда вытекающих и неизбежно с этой переменой связанных. И прежде всего нужно ясно представить себе, какова же будет наша *новая деревня*—иная, чем та, которую мы все знали до революции, иная, чем та, которую мы знали во время разверстки. Какой уклад в ней теперь, вероятно, создастся и на что мы в связи с том должны «ориентироваться», в какую сторону направлять государственный корабль. На исходе четвертого года революции мы должны поставить себе эти вопросы и дать на них хоти бы предварительные, но правильные ответы.

Некоторые товарищи думают, что новый хозяйственный уклад деревни будет отличаться широким развитием чисто *буржуазных* отношений. Неизбежно-де в деревне начнут выделяться буржуазные верхи, забирать в свои руки распоряжение землей, сосредоточивать в своих руках средства производства—машины, скот и пр. Деревенские же низы, в первую очередь беднота, будут терять землю и средства производства, начнут сдавать землю в аренду богатеям, пойдут к ним наниматься в работники. Средний рядовой крестьянин также «обуржуазится»: община будет распадаться, пойдет великая тяга на отруба и хутора, каждый будет работать на своем участке, за свой страх и риск. И это не только неизбежно: так-де будет и *лучше*, ибо так—и только так—будет поднята производительность крестьянского хозяйства, крестьянин тщательно обработает каждый клочок отведенной только ему земли и снимет с него наибольший урожай. Отсюда и практический вывод: надо снять рогатки с развития производительных сил, разрешить полностью аренду, наемный труд, свободный выход на отруба, хутора, предоставить распадаться общине, а самим заняться организацией выделяющегося *полупролетарского* и *пролетарского* слоя в деревне для борьбы с крупными арендаторами и нанимателями.

Такие товарищи прежде всего слишком торопятся. Не успели мы покончить с внешней и внутренней войной, жестоко разорившей крестьянское хозяйство, не успели покончить с запретами монополии, тормозившими его развитие, как они начинают рисовать себе картины «крепкого», «фермерского» крестьянского хозяйства. Пару, другую лет—при полной, вдобавок, возможности новых неурожаев—масса крестьянских хозяйств только будет оправляться, с трудом, после болезни подниматься на ноги. *Быстрого* расслоения при таких условиях никак получиться не может, хотя новое расслоение в известной [illegible]

...развитие производительных сил путем образования значительного числа кулацких хозяйств с наемным трудом (крупной концентрации при большом разорении ожидать нельзя) и огромной массы раз'единенных, хотя бы и тщательно обрабатываемых, мелких отрубных и хуторских хозяйств, даст *меньший* рост производительных сил, чем сеть тесно связанных кооперацией мелких хозяйств, теряющих в этом об'единении свою слабость и свою раздробленность.

В-четвертых, основная предпосылка для создания в деревне крупного общественного хозяйства есть переворот в самой технике земледелия. Этот переворот, предпосылки которого пока не вполне даны и наукой, теперь уже все более и более приближается. Мелкое хозяйство исчезнет само собой и безболезненно, когда скотская и человеческая рабочая сила будет побита соответственно приложенным трактором или электрической машиной. Вещественная предпосылка для этого—огромное развитие производительных сил в *промышленности*. Вот второй путь развития производительных сил в земледелии. Между прочим, разбивка сельского хозяйства на закостеневшие буржуазные клеточки (даже не клетки) только тормозит вторжение новой техники в сельское хозяйство. В среду же кооперированного крестьянства она пролагает свой путь гораздо скорее.

Мы думаем поэтому, что новый уклад деревни вовсе не будет состоять в образовании там сильнейшим образом разделенных слоев, в развитии острых противоречий между буржуазией и пролетариатом и в образовании массы промежуточных окостеневших клеточек мелких хуторов. Мы думаем, что при наличии выделения известного слоя буржуазной, кулацкой верхушки, которое неизбежно, раз мы даем свободу частному хозяйственному почину и вольной торговле, кооперированный класс деревни будет составлять этой верхушке постоянный противовес. А в этом хозяйстве останется *середняком* и [illegible] непосредственно опираться на ту же кооперативную организацию и его [illegible] поддерживать в *равновесии*. Равновесие, сопровождаемое частичными колебаниями, а не постоянное нарушение равновесия, вызываемое быстрым расслоением—такова наиболее вероятная и притом наиболее желательная для рабочей власти картина отношений в деревне.

Означает ли все это, что мы должны запретительными мерами удерживать крестьян в рамках общины, поддерживать полное запрещение наемного труда в крестьянском хозяйстве, полное запрещение арендования крестьянами друг у друга земли и т. п.? Ничуть не бывало. Основными правилами нашими в этой области должны быть: 1) создать все условия, которые обеспечивают возможность двигаться и развиваться нормальному крестьянскому хозяйству, как хозяйству *небуржуазного* характера; 2) не принимать никаких особо поощрительных мер для образования крупных кулацких хозяйств и 3) всячески поощрять образование хозяйственно-организационного противовеса (путем кооперирования низов) естественному экономическому перевесу кулацкой верхушки.

С этой точки зрения наемный труд допустим на основе известного регулирования отношений. Безусловно допустим и эго [illegible]

[...]

Н. ОСИНСКИЙ.

Новое в промышленности.

[...]

И. СМИЛГА.

Государство, кооперация и торговля.

[...]

В. СМИРНОВ.

Октябрьская революция и ее место в истории.

[...]

Повышение производительности труда и восстановление хозяйства.

Четвертая годовщина должна стать поворотным моментом в восстановлении хозяйства. Это, пожалуй, самый основной лозунг для начала пятого года пролетарской революции. Основой такого восстановления хозяйства, само собой разумеется, является повышение производительности труда. [illegible] рабочих государственной промышленности мы сможем перейти к твердо-плановому снабжению без перебоев. Мы вносим уже твердую раскладку государственного продовольственного фонда, ровно на такое количество рабочих и служащих, чтобы удовлетворить установленную норму целиком. Такую же твердую гарантию необходимо создать и в денежной оплате труда, т.е. выделив определенную часть финансового бюджета на ту часть заработной платы, которую государство должно платить деньгами. Такое положение создаст твердую основу к повышению производительности труда.

С другой стороны, путь к повышению производительности труда намечается через коренное изменение политики профсоюзов в вопросе о заработной плате. Те недостатки, которыми страдала наша тарифная политика, решительным образом исправляются. Одним из главнейших недостатков было то, что в конце концов наша денежная заработная плата, выдаваемая рабочему, потеряла в глазах последнего всякую ценность и не побуждала его к повышению производительности, ибо большая часть реальной заработной платы, выше пайкового натурального довольствия, была распылена и выдавалась вне всякой зависимости от производительности. Сама сложность различных поощрительных систем заработной платы была не понятна рабочему в связи с его трудовой производительностью. Вот почему [illegible] дах производительность труда значительно превысила довоенную. Вторым доказательством перелома в сторону повышения производительности труда является работа Донбасса, который дал за последний месяц гигантское повышение добычи угля. Но это все же только начало и первые результаты. В общем положение хозяйства продолжает быть угрожающим по своему состоянию. Самые больные места, это транспорт с его 60 проц. больных паровозов и металлургия с 4 проц. довоенной производительности. Эти два основных элемента советского хозяйства все еще требуют энергичных усилий для того, чтобы восстановить положение.

И эту большую задачу надо целиком осознать каждому рабочему, и только при этом условии она может быть успешно решена. Через повышение производительности труда—к восстановлению промышленности, а отсюда—к улучшению материальных условий существования пролетариата.

Рабочий, повышай производительность своего труда!

Производственный союз, создавай условия для такого повышения и тщательно изучай опыт применения новых форм заработной платы, чтобы основа пролетарской революции, крупная промышленность, могла быть действительной основой борьбы за дальнейшее укрепление диктатуры пролетариата!

А. АНДРЕЕВ.

О чем говорят цифры?

(Продразверстка—продналог).

О том, что такое продразверстка и что такое продналог, как старый и новый методы государственных заготовок,—теперь знает всякий, кто мало-мальски сознательно относится к окружающему. Всем известно, что продразверстка и продналог отмечают две совершенно различные эпохи в истории продовольственного дела в Советской России. Многие осведомлены и относительно того, как складывалась каждая из указанных эпох и в каком политическом и экономическом взаимодействии друг к другу они находятся. Но очень немногим, к сожалению, знакома история продовольственного дела в России, выраженная на точном и новом языке цифр. Между тем, такое знакомство, основанное на ряде развертывающихся в исторической перспективе цифр, будучи весьма полезным, является одним из лучших средств изживания некоторых сомнений, вызванных заменой продразверстки продналогом.

В этом отношении чрезвычайно характерны и поучительны цифры, показывающие размеры государственных продовольственных заготовок на протяжении четырехлетней истории Советской власти. Еще более показательными являются те же цифры по сравнению с государственными заготовками в кампанию 1916—17 г.г., непосредственно предшествовавшую установлению в Росси советской власти и проводившуюся в течение первых месяцев царским правительством, а потом—временным правительством, выдвинутым февральской революцией.

Остановимся сначала на данных, характеризующих хлебные государственные заготовки в разные исторические периоды на территории, занимаемой РСФСР, то-есть, на территории бывшей Российской империи без Украины, Туркестана, Азербейджана и Крыма. Для большей наглядности эти данные разобьем на две таблицы:

Годы	Предположено заготовить (разверстка, налог).	Всего заготовлено на год.	% к годовому плану.	% к заг. 1916-17 г.	Всего заготовлено в 1921-22 г. на 1 ноября, включая помольный сбор, семссуду и проч. поступления.
1916—17 гг.	426.264.000	328.089.877	75,8	100	
1917—18 „	—	47.539.128	—	14,7	
1918—19 „	260.100.000	107.922.507	41,50	33,4	
1919—20 „	319.415.150	212.507.408	66,5	65,8	
1920—21 „	423.041.000	283.875.145	67,1	87,9	
1921—22 „	167.725.815	—	—	—	74.865.362

Годы.	Заготовлено в первой четверти года.	% к плану.	% к заготовке 1916—17 гг.
1916—17 г.	32.124.249	7,5	100
1917—18 г.	22.345.721	—	69,6
1918—19 г.	32.547.168	12,5	101,3
1919—20 г.	36.217.311	11,3	112,7
1920—21 г.	81.366.365	19,2	253,1
1921—22 г.	57.358.758	34,8	178,5

Прежде чем подробно останавливаться на приведенных таблицах, следует оговориться относительно трех цифр — годовой заготовки 1920—21 г.г., заготовки в первую четверть 1921—22 г. и всей заготовки текущей кампании. В первой таблице заготовка предыдущей кампании показана преуменьшенной по сравнению с действительной (305 милл. пуд.), так как из последней суммы исключен помольный сбор с той целью, чтобы получить цифру сравнимую с другими данными, приводимыми в таблице. В первой таблице вся заготовка в текущую кампанию и во второй таблице заготовка в первую четверть заготовительного года показаны несколько преуменьшенными по сравнению с недавно опубликованными в печати цифрами, в виду того, что таблицы составлялись до получения с мест позднейших отчетных сведений.

Первая таблица говорит о непрестанном росте государственных заготовок в течение всей 4-хлетней истории Советской власти. Начав с очень незначительной заготовительной цифры в 1917—1918 г.г. советская власть затем из года в год поднимает как абсолютную цифру хлебных заготовок, так и процентное выполнение годового плана, увеличив, по сравнению с заготовками первого года своей деятельности, заготовку второго года более, чем в 2 раза, заготовку третьего года в 4½ раза и заготовку четвертого года в шесть раз. Из той же таблицы видно, что, по сравнению с заготовкой 1916—17 г.г., когда условия для государственных заготовок, на протяжении всего рассматриваемого периода времени, были наиболее благоприятными в экономическом и политическом отношениях, государственные заготовки хлеба в годы советской власти также обнаруживают определенную тенденцию к увеличению, значительно приблизившись в 1920—21 г.г. к заготовке царского правительства и правительства Керенского.

Еще более ярко и отчетливо выступает наружу рост государственных хлебных заготовок в советский период во второй таблице, содержащей в себе данные о заготовках в течение последних 6-ти лет в первую четверть заготовительного года. Тут мы видим, что советские заготовки уже со второго года начинают обгонять заготовку 1916—17 г.г. Если принять во внимание, что в обоих таблицах по отношению ко всем заготовительным периодам берется территория, занимаемая в настоящее время Советской Россией, то станет ясно, что приведенные в них процентные отношения заготовок должны быть значительно увеличены в пользу заготовок советского периода, так как, благодаря гражданской войне, советская власть лишена была возможности производить заготовки в целом ряде хлебородных губерний; так, от советской России были отрезаны в летние месяца 1917—18 г.г. почти все волжские и заволжские губ., вся Сибирь, Донская обл. и весь Кавказ; в 1918—1919 г.г., почти весь заготовительный период—вся Сибирь, некоторые заволжские губернии, Донская обл. и весь Кавказ; 1919—20 г.г. в первое полугодие—Донская область, весь Кавказ и временно некоторые губернии центральной полосы; наконец, в 1920—21 г.г.—некоторые западные губернии.

Основной вывод, сам собой вытекающий из приведенных данных, состоит в следующем: заготовительная политика советской власти, проводившаяся в 1917—1921 г.г., имела под собой почву в экономических и хозяйственных условиях того времени: *если бы дело обстояло иначе, то мы не наблюдали бы ни абсолютного, ни относительного роста государственных хлебных заготовок в указанный период; советские заготовки хлеба не только не обгоняли бы в отдельные моменты хлебную заготовку 1916—1917 г.г., производившуюся в благоприятной обстановке, но и не приближались бы к ней тем темпом, с каким они все время ее догоняли.*

Правильность взятого Советской властью курса подтверждается также полным соответствием между отдельными моментами развертывания заготовительной политики и ростом самих заготовок. В 1917—1918 г.г. заготовка велась в порядке хлебной монополии, но без решительной борьбы с частной торговлей и без применения разверстки,—заготовка была весьма незначительная в 1918—19 г.г. борьба с частн. торговлей ведется более энергично, но с отступлениями от принципов государственной монополии («полуторо-пудничество», декрет о ненормированных продуктах и т. п.), в конце полугодия вводится разверстка с коллективной ответственностью,—заготовка, как указывалось уже выше, поднимается более, чем в два раза; в 1919—1920 г.г. разверстка вводится с самого начала кампании, уступки частной торговле делаются, но менее значительные («отступничество»), в декрет о ненормированных продуктах вводятся коррективы, ограничивающие свободу торговли,—заготовка возрастает в 4½ раза по сравнению с заготовкой первого года и в два раза по сравнению с заготовкой предшествовавшей кампании; в 1920—1921 г.г., декрет о ненормированных продуктах фактически не проводится в жизнь, оставаясь формально неотмененным, уступки частной торговле в форме «полуторапудничества» и «отпустничества» не делаются, государственная монополия путем разверстки проводится последовательнее, чем в предыдущие годы,—заготовка обгоняет заготовку первого года в 6 раз и заготовку предшествовавшей заготовительной кампании почти в 1½ раза.

Тот же общий вывод о жизненности и правильности заготовительной политики, проводившейся Советской властью в течение 1917—1921 г.г. при наличности определенной экономической и политической обстановки, вытекает и из данных, характеризующих государственные заготовки других продуктов сельского хозяйства. В 1916—1917 г.г. заготовка картофеля государственным аппаратом совсем не производилась; в 1918—1919 г.г. она производилась путем покупки по предельным ценам; в последующие два года разверстка была распространена на картофельные заготовки и дала в 1919—20 г.г. 42.291.451 п. (35,3 проц. плана, исчислявшегося в сумме 119.609.000 п.) и в 1920—21 г.г. 69.815.284 п. (78,3 проц. плана, исчислявшегося в сумме 89.128.040 п.) против 25.898.000 п., заготовленных в 1918—19 г.г. путем покупки. Мяса было заготовлено в 1919—20 г.г. 8.763.163 п., в 1920—21 г.г. путем разверстки—21.636.163 п., что составляет 80,2 проц. плана (26.960.867 п.); масла в 1919 вместе с другими жирами—только 610.000 п., в 1920 г. путем разверстки—1.383.971 п., т.-е. 44,7 проц. плана (3.098.787 п.); яичная заготовка, давшая в 1919 г. всего лишь несколько десятков миллионов яиц, в 1920 г., при применении разверстки, выразилась в сумме 220.951.821 яйца, что составило 55,0 проц. задания (401.223.000 яиц).

«Торжество» государственных заготовок над частными и «победа» разверсточного принципа получили свое наиболее яркое выражение в заготовительную кампанию 1920—21 г.г., когда разверстка была распространена на все *продукты сельского хозяйства*, в том числе и на сельскохозяйственное сырье, необходимое для промышленности, и когда государству удалось сосредоточить в своих руках максимальное количество продуктов. Но это «торжество» государственных заготовок и принципа разверстки, которое многими было принято, как окончательная и полная победа *государственной монополии и разверстки в качестве метода проведения ее по всему хозяйственному фронту*, явилось своего рода «лебединой песней» старой заготовительной политики. Во второе полугодие кампании 1920—21 г.г. продразверстка должна была уступить свое место продналогу.

Если данные о хлебных заготовках, приведенные выше в двух таблицах, и *данные, характеризующие постепенное распространение и рост разверсточных заготовок по другим продуктам*, сопоставить с политическим содержанием отдельных заготовительных периодов, то станет понятно, чем обусловливался сравнительный успех продразверсток и чем вызван был затем переход к новой заготовительной политике. Вот это сопоставление в самых общих чертах.

1916—1917 г.... Народное хозяйство старой политической системой и империалистической войной доведено до краха. Обесценение денежных знаков и растущее бестоварье создали острый кризис в снабжении армии и населения. Выход из положения—в изменении «надстройки» над «экономикой». Эта задача органически не может быть разрешена ни царским правительством, ни правительством Керенского. Сначала первое, а затем и второе ищут решения вопроса в доведении империалистической войны до «победного» конца. Но для этого надо достать продовольствие, необходимое армии и населению, в стране с разрушенным в конец народным хозяйством и совершенно расстроенным денежным обращением. Единственным способом получения государством продовольствия была в сложившейся обстановке принудительная заготовка, на путь которой, об'ективно к тому вынужденные, становятся—в первое полугодие заготовительной кампании царское правительство (разверстка Риттиха), во второе полугодие—временное правительство (хлебная монополия).

1917—18 г.г. ... Попытка царского правительства и правительства Керенского «обойти» историю не удается. Старая «надстройка» рушится, и власть переходит в руки рабочих и крестьян. Новая «надстройка» создает внутри страны необходимые политические предпосылки для развития «экономики», т.-е. для восстановления народного хозяйства... Но благотворное воздействие складывающихся новых политических условий и новых социальных отношений на «экономику» парализуется гражданской войной, наступившей на место империалистической войны. Народное хозяйство продолжает разрушаться, растут бестоварье и обесценение денежных знаков, и принудительная государственная заготовка оказывается об'ективно неизбежной также и для Советской власти, поставленной в необходимость (чехо-словацкая авантюра, наступление Антанты на севере, появление Колчака, контр-революционное выступление казачества и т. д.) вести войну на многочисленных фронтах в защиту завоеваний рабоче-крестьянской революции, вместо того, чтобы строить экономику на новых основаниях.

1918—19 и 1919—20 г.г. ... Гражданская война разгорается. Колчак оперирует на востоке; на юге действует Деникин; на других революционных военных фронтах шум войны также не прекращается. Советская Россия превращается в своего рода осажденный лагерь. Народное хозяйство продолжает рушиться. Чтобы отражать нападения многочисленных врагов, рабоче-крестьянская власть вынуждена еще тверже и последовательнее вести принудительные государственные заготовки, что ведет к еще большему разрушению народного хозяйства, но обеспечивает государству минимум необходимых продуктов.

1920—21 г.г. ... Гражданская война затихает, но вспыхивает война с Польшей и на юге появляется Врангель... Начавшаяся было «передышка» очень быстро срывается. Требуются новые жертвы от истощенной и разоренной страны в условиях не прекращающегося разрушения народного хозяйства. Принудительные государственные заготовки не только остаются об'ективно *неизбежными, но их приходится распространить на все продукты сельского хозяйства*; это материально обеспечивает защиту рабоче-крестьянского государства и одновременно приводит сельское хозяйство и промышленность почти к полной катастрофе.

1921—1922 г.г. ... Гражданская война заканчивается победой рабоче-крестьянской власти. Но эта победа покупается ценой неисчислимых материальных жертв и ценой гигантского разрушения народного хозяйства. Дальнейшие отсрочка восстановления сельского хозяйства и промышленности становятся невозможными. Устанавливается более или менее длительная передышка, каковой рабоче-крестьянская власть спешит воспользоваться, впервые получив возможность создания более или менее благоприятной обстановки для развития «экономики» при новой политической «надстройке», сложившейся четыре года тому назад. Естественно, что одним из первых шагов Советской власти должна была явиться замена старой заготовительной политики, приносившей победы на военных фронтах ценой поражений в экономической области, новой заготовительной политикой, долженствующей принести победы на хозяйственных фронтах.

Такова—история продразверстки — продналога. Если приведенные выше цифры оправдывают в прошлом продразверстку, то новые цифры, вписываемые нами в открывающиеся новые страницы истории хозяйственной деятельности Советской власти, должны будут оправдать отказ от пережившей себя продразверстки, которая была бы непоправимой ошибкой *при дальнейшем проведении ее*, и переход к продналогу. И они уже оправдывают в государственной заготовительной области сделанный шаг. В первую четверть текущей заготовительной кампании, как это видно из второй таблицы, в порядке налога государством собрано в абсолютных цифрах больше хлеба, чем в предыдущие кампании в отдельности, *кроме кампании 1920—21 г.г. Более* скромная заготовка в первую четверть нынешнего года по сравнению с заготовкой прошлого года в те же месяцы, об'ясняется неурожаем, постигшим ряд хлебородных районов. Процент же выполнения плана в текущую кампанию оказывается выше, чем во все прежние кампании.

Итак, наступающий пятый год Советской власти *мы встречаем новой заготовительной политикой*, которую начинаем лучше, чем начинали и кончали старую заготовительную политику. Это позволяет нам бодро смотреть в будущее.

А. СВИДЕРСКИЙ.

Перспективы.

В каком бы этапе ни находилась революция, всегда имеется огромное искушение заглянуть вперед. Иногда это будущее кажется ясным, иногда—неопределенным и туманным. Теперь оно довольно туманно. Мы все же попытаемся заглянуть вперед, ибо это нужно для нашей текущей работы.

Мы оставляем в своем управлении крупную промышленность. Это основная наша позиция. Мы ликвидируем кое-какие ликвидаторские предложения в этой области, как результат всякого поспешного отступления. Государство выступает в качестве крупнейшего производителя. Восстановление крупной промышленности идет сначала очень медленно. Мелкая и средняя промышленность уже на первой стадии обгоняет. Она более поворотлива, как мелкие шавки в борьбе с медведем. Крупная промышленность требует больших предварительных затрат. Все преимущество ее над мелкой начинает обнаруживаться лишь тогда, когда каждое предприятие без перебоев работает с полной нагрузкой, машины используются полностью, нет пережогов топлива, проводится наиболее целесообразная организация труда, расходы на аппарат сокращаются, *как вследствие* сокращения самого аппарата, так и относительно, вследствие увеличения общей продукции. Такие перлы, как, например, Главзолото, где аппарат стоит дороже, чем все добытое золото, отходят в область прошлого, как образец худшего вида «старой экономической политики». Учет каждого предприятия с точки зрения того, что оно берет и что дает, обнаруживает огромную убыточность ведения дела по сравнению с довоенным положением. Начинается конкуренция между предприятиями в деле сокращения издержек производства. В первую голову увеличивается интенсивность труда. Этого оказывается мало. Если производительность среднего рабочего достигает довоенного уровня, а издержки производства остаются старыми, предприятие еще убыточно. Начинается усиленная погоня за сокращением издержек. Коммунист, прошедший в строении армии длинный путь от мелкого партизанского отряда до дивизии и армии теперешнего образца, начинает проходить сначала всю выучку в области наиболее экономной организации производства. Вопросы о том, как меньше сжечь топлива, какого топлива, как удешевить издержки перевозки, как утилизировать отбросы—эти и десятки более мелких вопросов хозяйственной постановки дела становятся в центре нашего внимания. Мы начинаем познавать хозяйство, с его низших ступеней до самых высших, на практике, где каждый шаг проверен опытом, где каждая ошибка отображается в бухгалтерии, как растрата общественного достояния. Азбука хозяйственного строительства, азбука правильной организации цеха, мастерской, завода, азбука хозяйственных будней и хозяйственных мелочей делается нашей азбукой коммунизма в этот период.

Хозяйственник рабочий-коммунист делается героем нашего времени. Одно предприятие за другим снимается с мертвой точки, некоторые выдвигаются вперед, претендуя на запись на красной доске новой экономической политики. И когда медведю крупной промышленности, развернувшейся по всему фронту, подвертываются теперь под его тяжелую лапу мелкие шавки мелкого производства, мокрое место под лапой обнаруживает то действительное соотношение экономических сил, которое существует между этими величинами. Медленно, но верно начинается развитие производительных сил в нашей крупной индустрии.

Средняя промышленность восстанавливается быстрей. Часть предприятий оставляем за собой, часть сдаем в аренду. Сначала аренда связана с рядом ошибок. Арендный азарт приводит к сдаче предприятий, обеспеченных сырьем и топливом, которые мы могли бы вести сами. Кроме ошибок много злоупотреблений, взяток. С другой стороны, много упрямства в нежелании сдать, что сами пустить в ход не можем. Арендные договоры не все выгодны государству. Но общая линия взята верно, ошибки первого периода исправляются. Средняя промышленность оживает. Быстро увеличивается количество предприятий, стоявших на замке, а теперь работающих. Растет количество занятых в них рабочих, следовательно, происходит собирание пролетариата не вокруг социального обеспечения, а на здоровой производственной основе. На рынке товарный голод. Сбыт обеспечен, выработка растет. В мелкой промышленности, не требующей *почти никакого* оборудования, растет всеобщее грюндерство. Растет число кустарей и ремесленников, увеличивается выработка по всей линии мелкого производства. Мелкая промышленность быстрей средней и крупной приближается к своим позициям довоенного периода. В общем и целом происходит развитие производительных сил во всей частной промышленности вообще, происходит накопление; из разбухшей торговли, заполнившей все поры обмена, и особенно прибыльной на данном уровне производства, происходит отлив капитала в частную промышленность. Государство, предоставляя свободу развития частному капиталу и процессу накопления, путем налогов срезает известную часть жировых отложений частного хозяйства в пользу своей казны, в пользу становящейся на ноги крупной социалистической промышленности. Идеалом здесь является такое положение, когда мелкий производитель платит нам не меньше, чем крестьянин по продналогу, а арендатор, которого мы заставим платить, кроме аренды, промыслового налога, также и страховые взносы в пользу рабочих, будет сведен в своем потребительском бюджете к уровню хорошего спеца.

В деревне с окончанием войны, с отменой разверстки уже началось и будет продолжаться восстановление мелкого хозяйства. Посевная площадь растет, улучшается обработка земли, увеличивается урожайность, растет количество излишков крестьянского хозяйства, эта важнейшая база для развития города и крупной промышленности. *В самой деревне при новой экономической политике* происходит много нового. Кулачество крепнет, оно стремится вернуться на экономические позиции, с которых его сбила октябрьская революция и политика комбедов. Кулак стремится к хуторскому типу хозяйства. Он улучшает обработку земли, доходность его хозяйства растет. Приходящийся на него надел слишком узок для его хозяйственной предприимчивости. Он применяет наемный труд, делаясь арендатором наделов той части бедноты, которой не везет в хозяйстве. Деревня снова начинает расслаиваться. Советская власть приходит на помощь безлошадной бедноте, выталкиваемой из хозяйственной колеи, об'единяет ее вокруг трактора на коммунальном поле и создает этим путем базу для более высокого типа крестьянского хозяйства. Кулачество развивается по пути датского крестьянина, по пути интенсивного мелкого хозяйства или (на окраинах) по пути американского фермера. Часть бедноты с помощью государства развивается в направлении среднего и крупного коллективного хозяйства.

Среднее крестьянство также хозяйственно подтягивается к крупной промышленности и входит в хозяйственную связь с государством, благодаря развивающейся электрификации, зависимости от совхозов в деле улучшения семян, пород скота и т. д. В общем в деревне большая пестрота, различность темпа развития в отдельных слоях деревни, но тем не менее, движение вперед идет. Неурожаи еще больно ранят отдельные районы, но они не в состоянии своротить деревню с пути начавшегося развития.

Государство является не только крупнейшим производителем, но и самым крупным оптовым торговцем. Путь разверстки и товарообмена оно оставило. Оно идет по пути продналога и торговли с деревней. Оно стремится, как можно больше произвести на своих предприятиях, как можно более продать того, что *не распределяется внутри* самого социалистического круга. В то же время оно стремится продать с наибольшей выгодой для себя. Происходит генеральный осмотр всего, что производится, под углом зрения не только удовлетворения важнейших потребностей социалистического круга, но и под углом зрения наибольшей выгоды в торговле с мелкобуржуазным окружением. Под давлением вольного рынка, и прежде всего, крестьянского рынка, увеличивается производство товаров, продажа которых наиболее выгодна. Все товары массового производства, которые поднялись в сравнении с другими в несколько раз, считая в довоенных ценах, государство стремится произвести в максимальных размерах. Но оно не только заинтересовано в том, чтобы произвести и продать, но и в том, как продать. Если аппарат продажи, связанный с ним, если кооперация работает плохо, требует больших расходов на свой громоздкий аппарат, и пожирает часть прибыли, которая могла бы пойти государству, последнее делается с этой стороны заинтересованным в максимальной рационализации товарного распределения, в максимальном уменьшении издержек распределения. Кооперация должна научиться работать дешевле частного торгового аппарата. Государству, если кооперации это не удастся, придется искать других более прямых путей к покупателю, а отсюда задача найти наиболее *рациональный тип распределения* в условиях товарного производства. Социалистическое государство должно научиться торговать.

В капиталистическом обществе избыточный денежный капитал, которому на другом полюсе соответствует где-то избыточный товарный капитал, сосредоточивается в банках и отсюда распределяется в различные пункты хозяйственного организма для расширения производства. Нам необходимо в огромном масштабе расширение производства в сравнении с теперешним уровнем. У нас нет избыточного капитала, который дал бы нам возможность обернуться и сразу завертеть все колеса промышленности. На прилив денежного капитала в форме вкладов в наш государственный банк не приходится особенно рассчитывать как потому, что избыточного капитала в стране почти нет, так и потому, что при настоящем курсе вклады невыгодны. Здесь во всем нашем хозяйстве зияет огромная дыра, которую может заткнуть лишь внешний товарный кредит. Но пока его нет, или он будет мал, государству придется сделать вычет из своего бюджета в оборотный фонд банка, т.-е. в сущности, в оборотный фонд восстанавливающейся промышленности и кооперативной торговли. Эти вычеты для государства, сводящего с дефицитом свой материально денежный бюджет и покрывающего этот дефицит выпуском бумажных денег, будут довольно тяжелы. Но придется все-таки стать на эту больную ногу, чтобы высвободить другую промышленность, а потом опереться на этот здоровый банк. В *дальнейшем банк концентрирует* вокруг себя накапливающийся товарно-денежный капитал, как избыточный капитал страны и делается инструментом распределения его в производстве. Первые шаги его особенно трудны, как вследствие нашей нищеты, так и вследствие тех затруднений, которые связаны с ведением банкового дела в обстановке падающей валюты. Инерция старых потребительских форм в нашей промышленности еще так сильна, что наши предприятия и кооперация автоматически пытаются использовать банковый кредит для покрытия своих дефицитов, а не для расширения оборота. Но после нескольких промахов в этом направлении, банк начинает проводить достаточно жесткую политику, проводя систему концентрации кредита лишь на самых жизнеспособных предприятиях, отказываясь кредитовать всех нуждающихся в поддержке и лишь постепенно, по мере роста оборотных средств захватывает в сеть своего влияния среднюю промышленность и частную торговлю.

Каковы политические перспективы новой экономической политики?

Теоретически мыслимы два варианта. Либо ожесточенная мирная экономическая борьба, которая теперь ведется между государственной промышленностью и частным торговым капиталом завершится политическим столкновением. Либо эта борьба не повлечет за собой открытой борьбы за власть буржуазных сил, поскольку некапиталистические отношения включатся в политическую систему пролетарской диктатуры и так или иначе приспособятся *к ней и к ее фундаменту — крупной* промышленности.

Исход политической борьбы будет зависеть от результатов той экономической борьбы, которая ведется теперь по всему фронту. Победит тот, кто скорей организуется на основе своих производственных отношений: социализм — на почве крупной промышленности, капитализм — на почве кулацкого хозяйства, торговли, средней и мелкой

рабочих и крестьянскую бедноту, создавать комитеты бедноты для борьбы с кулачеством. Разрушенный войной капитализм не оставил ей достаточно средств для товарообмена на хлеб. Советская власть была еще недостаточно закреплена, располагая слишком слабым аппаратом, чтобы *быть в состоянии получить хлеб в качестве* натурналога. Крестьянин, который сбросил при помощи рабочего его помещика, царя и буржуазии, который получил при помощи рабочего землю, тоже не умел ограничиваться. Он хотел жить свободной безгосударственной жизнью, без обязательств по отношению к рабоче-крестьянскому государству. Он, производитель хлеба, хотел обменивать его на возможно большую часть остатков товаров, оставшихся в стране, в ущерб государству в ущерб рабочему классу, в ущерб бедному крестьянству.

Но и третий класс, буржуазия, не хотела знать ограничений. Она не шла на сделку с Советским государством, которую предлагал т. Ленин в апреле месяце 18 года. При помощи мировой буржуазии она начала борьбу на жизнь и смерть с Советской Россией. Летом 18 г. вся русская буржуазия оказывалась то латышами, то поляками, то эстонцами, то украинцами, то немцами, чтоб под защитой германского империализма освободиться от необходимости итти на сделку с Советской властью. После чехо-словацкого восстания, а тем более после победы союзников над Германией русская буржуазия, полагаясь на поддержку Антанты, начала непосредственную ожесточеннейшую борьбу против Советской власти. Она совсем не была намерена брать в аренду свои предприятия, ибо надеялась отстоять их, как свою собственность. Прежде, чем получить возможность проводить новую экономическую политику, надо было буржуазии не юридически, а фактически свернуть шею; предстояло разбить ее в 2-летней войне вдребезги. Надо было сначала доказать ей и мировому капиталу, что русская промышленность есть достояние *пролетарского государства, а не буржуазии*, чтобы можно было подумать о том, как использовать силы буржуазии для дальнейшего развития производства. Война вела неизбежно к общей национализации.

Национализация являлась не только результатом необходимости разбить господствующий класс, разрушить его мощь политическую, базирующуюся на мощи экономической. Надо было национализировать еще в виду и того, что иначе нельзя было вести войны, начатой буржуазией. Вся наша бешеная централизация была ничем иным, как грабежом всей страны для того, чтобы получить, собрать в своих руках все промышленные средства, нужные для ведения войны. Военные мероприятия, как правильно указывал тов. Ленин в своей брошюре о продналоге, привели в городе к военному коммунизму, а в деревне—к разверстке, т.-е. к тому же грабежу хлеба для прокормления армии и города. Существовала ли другая возможность собрать достаточное количество металлов, нужных для ведения войны, и хлеба, не менее для этой цели нужного? Нет, такой возможности не было. Небольшие запасы промышленных изделий нельзя было оставить на произвол спекуляции. А как же можно было собрать хлеб путем статистически правильно расчитанного налога, если еще не было аппарата власти, нужного для такого расчета, и если хлебные ресурсы центральной России—Сибири и Украины мы не имели до конца 19 г.—были так незначительны, что невозможно было оставлять деревне никаких излишков, тем более, что благодаря конфискации промышленных изделий крестьянин за свои излишки все-равно ничего не мог бы получать на вольном рынке, если бы такой *существовал*.

Но кроме политико-стратегической необходимости, кроме экономической необходимости, политика военного коммунизма имела еще один источник, источник социально-психологический. Если уже в начале революции класс победитель не мог оставить в руках противника всех материальных ресурсов, позволяющих буржуазии вести легально роскошную жизнь, то тем более этого не мог сделать пролетариат в момент, когда Россия была единым вооруженным лагерем, когда рабоче-крестьянские массы должны были для победы над буржуазией вынести неслыханные страдания. Возможно ли было в момент, когда работницы в холоде и в голоде, при плохом освещении, днем и ночью шили шинели для армий, возможно ли было тогда разрешить, чтобы в магазинах сияли роскошные витрины, нахально показывая борцам-страдальцам, чем живет и наслаждается буржуазия? Это было невозможно. Спартанский образ жизни—вот к чему должно было стремиться Советское правительство, ибо только он соответствовал серой шинели Советской России.

Но ведь военный коммунизм противоречил структуре России, ее экономике? Да, он противоречил ей, поскольку дело идет о деревне. В городе его победа не была исключенной. Если бы мировая революция победила так скоро, как можно было ожидать еще в 19 году, перед разоружением рабочих Европы, и как можно было даже предполагать в 20 году, во время нашего наступления на Варшаву, то возрождение всей крупной русской промышленности на началах государственной собственности, на началах точного экономического плана, не было бы исторически исключено. Получая от европейских *рабочих машины*, Советская власть могла думать о сохранении за собою всей крупной промышленности. Но если бы даже мировая революция не победила в европейском масштабе, если бы мы только взяли Польшу и стали у дверей Германии с оружием в руках, то и тогда не исключена была бы возможность, что наша сила принудит буржуазию заключить с нами такой компромисс, при котором за концессии на окраинах России—в Сибири, на Кавказе, в Туркестане,—за право создания нового производства в этих отдаленных областях на концессионных началах мы получили бы от мировой буржуазии средства производства для нашей государственной промышленности в Европейской России. Чем же была бы тогда Россия социально? В руках рабочего класса находилась бы вся промышленность, пути сообщения. В руках крестьянства—земля. Возрожденная промышленность давала бы пролетариату возможность отказаться от разверстки в деревне и получать хлеб путем натурналога, а частью путем товарообмена на изделия государственной промышленности. Это не был бы коммунизм, но это был бы безусловно крупнейший шаг к переходу к социализму. Это был бы путь к тому, чтобы энергично двинуть вперед электрификацию, создать условия для перехода крестьянства к высшим коллективным формам производства.

Это не удалось. Затяжная гражданская война ослабила нас экономически, не позволила нам после ее окончания перейти к приниженному производству на условиях выгодного для нас компромисса с мировой буржуазией. Неустойчивость нашего внешнего положения позволила буржуазии оттянуть уступки для нас, начать разговоры о концессиях на менее выгодных для нас условиях. Нам приходится поэтому допустить реставрацию мелкой и средней промышленности на условиях аренды, которая, естественно, реставрирует и часть русской буржуазии. Концессии нам приходится давать на менее выгодных условиях: мы должны допустить концессии в центральной России, эксплоатацию уже существующих фабрик иностранным капиталом вместо того, чтобы он развивал нетронутые еще производственные силы. Задача наша теперь—сохранить за рабочей властью только центральные промышленные предприятия. Мы идем сознательно на сожительство с буржуазией, которая несомненно представляет опасность для существования Советской власти, ибо Советская власть теряет монополию промышленных изделий по отношению к крестьянству.

Не означает ли это полной победы капитализма? Не означает ли это потери *социалистического характера русской революцией?* Не были ли все наши усилия, вся наша 3-летняя борьба ненужной жертвой?

Если начать с этого последнего вопроса, то весь ход развития показал, что если бы мы не разбили экономически буржуазию, не экспроприировали бы ее, то она не имела бы никакой причины итти к нам в арендаторы, ибо она была бы собственником средств производства. Если бы мы ее не разбили, не было бы и речи о концессиях: иностранный капитал и без того господствовал бы в России. Если же, как мы на это указали, наша экономическая политика 19 и 20 г. г. была необходима для победы, то она является предпосылкой и для нашей новой экономической политики.

Что же видоизменила эта наша новая экономическая политика в соотношении классов? В деревне политика разверстки могла быть только политикой переходной. От нее мы отказались бы даже в случае победы мирового пролетариата. В промышленности наши теперешние уступки являются переходными уступками;—конечно, не в том смысле, что мы через год займемся конфискацией снова накопленного теперь капитала. Наша экономическая политика есть политика на продолжительный период времени, но все-таки она переходная. Нашей целью остается: промышленность в руках рабочего государства. Но в данный момент государственная промышленность является только частью общей промышленности, узкой базой пролетарского правительства. Что это означает? Это означает, что мы отброшены, что мы удерживаем только те позиции, которые необходимы для того, чтобы удержать власть рабочих и крестьян.

Означает ли это, что революция не *социалистическая?* Нет. Это означает только то, что победивший рабочий класс не в состоянии реализовать всей своей программы, даже той программы, которая в России, в стране мелко-буржуазной, теоретически осуществима. Но класс, который, натолкнувшись на сильное противодействие других классов, в данном случае на противодействие мирового, еще не ниспровергнутого капитала, должен отступить,—этот класс не перестает быть классом-победителем, классом господствующим. Когда царизм, правительство помещиков, было вынуждено сделать уступки капиталу, так что буржуазия оказалась классом экономически господствующим, царизм не перестал существовать, а помещичий класс не перестал быть политически господствующим. Россия не перестала быть полукрепостной страной. Если буржуазия в Европе, пытаясь затормозить революцию, вынуждена будет согласиться *на государственный капитализм* и даже на рабочий контроль над ним, то она отнюдь еще не перестанет быть классом господствующим. Этим мы подходим к последнему вопросу. Идет речь не о характере нашей революции, ибо она проведена рабочим классом и останется в анналах истории революцией социалистической, даже если бы русский рабочий класс был временно побежден,—но об ее исходе.

Удержат ли большевики власть при наличии товарного производства в деревнях и частичного возрождения капитализма в промышленности? Наши враги указывают на то, что ведь экономика определяет политику, что уступки экономические, делаемые нами буржуазии, должны повести к политическим уступкам.

Это мнимая азбука марксизма не имеет ничего общего с марксизмом, ибо она абстрактна, не считается с временем и пространством. Если бы в продолжении многих лет росли в мировом масштабе силы капитализма, а силы революции шли бы на убыль, то в конечном счете рабочий класс должен был бы быть побежден. Но, ведь, когда помещичий класс в России делал экономические уступки буржуазии, то он все-таки политически держался еще очень долго. Правда, после экономических уступок пришла сначала очередь уступкам политическим, а затем и капитуляции помещичьего класса, но только потому, что это был класс, который находился на нисходящей линии истории, это был умирающий класс. Рабочий же класс в мировом масштабе — это класс, идущий к победе, а буржуазия в мировом масштабе — класс, находящийся в развале, класс исторически умирающий. Поэтому рабочий класс в России имеет возможность ограничиваться экономическими уступками и отказывать буржуазии в политических уступках, имея шансы на то, что его силы и в русском и в международном масштабе будут расти скорее, чем силы русской буржуазии.

История русской революции подтверждает то, что она является первой социалистической революцией, первой пролетарской революцией. Она — революция пролетарская в стране мелкобуржуазной. Поэтому исход ее будет отличаться от исхода пролетарской революции в таких странах, как Англия или Америка, где рабочий класс, после долгого периода борьбы захватив власть, сумеет скорее, чем мы, провести в жизнь свою программу, даже в деревне. Она—пролетарская революция, имеющая более неблагоприятную и внутреннюю и внешнюю обстановку чем какая бы то ни было другая. Но она—пролетарская революция, она—социалистическая революция, и заветы Октября,—это программа мировой революции.

Октябрь — это годовщина не комедии ошибок, не борьбы, в которой рабочий класс бессознательно сделался, как говорят меньшевики, орудием чужого класса. Это годовщина начала великой международной пролетарской революции. И теперь, борясь на отодвинутых позициях, подсчитывая жертвы нашей борьбы, мы можем сказать с твердым убеждением и с полным спокойствием: мы пошли в Октябре правильным путем, и за нами будет победа!

[illegible]

промышленности. Если оглядеться вокруг, наш противник пока работает быстрей нас. С изумительным проворством он покрывает страну своими оковами, открывая сотни магазинов и разбрасывает кривые щупальцы по всей стране, начиная с того, с чего исторически начинал капитал, с обмена. Должны торопиться и мы и пусть в 5-й годовщине октябрьской революции, наша основная победа будет заключаться в том, что паровоз революции наша крупная промышленность отвалит от станции и на всех парах пойдет вперед.

Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.

Октябрьская революция и борьба за плановую работу.

Великий утопист Кампанелло, написавший трогательные и проникновенные строки о будущем солнечном царстве, гармоническом трудовом строе, был в великим революционером, преклонявшимся перед силой мышц восставшего народа. Он уподоблял его гордому льву, в яростном порыве рушащем ветошь истории.

Наша Октябрьская революция—это поистине львиный выпад трудящихся низов громадной страны, рушащей, как паутину, цепи векового гнета.

Какая вера, какое воодушевление, какой подвиг, какие жертвы!..

Но не только вера, не только мечтательный порыв, а и верный классовый инстинкт, освещенный расчетом научной теории.

Стихия революции—бушующее море, но теория классовой борьбы, положения научного социализма единственный верный компас для борцов преданных делу революции.

Россия октябрьских дней, Россия восходящего революционного послеоктябрьского под'ема навсегда останется гигантским факелом, озаряющим человечеству его исторические судьбы. Маршрут истории определен с достоверностью опытной истины, и наиболее яркий мировой исторический поворот отныне навсегда связан с делом мозолистых рук российского пролетариата и крестьянства.

Каков же этот опыт, который не перестает подвергаться яростным нападкам клевретов старого мира? Это чудовище большевизма, якобы дышащее кровью несчастных жертв народного безумия, что писало оно на своих знаменах, о чем взывало оно к трудящимся всего мира, что утверждало оно своим опытом?

Война войне, мир, хлеб и свобода: мир хижинам и война дворцам, мир и братство народам, пролетарии всех стран, соединяйтесь!—вот что читали на знаменах под стенами московского кремля миллионы человеческих глаз. Стоило где-либо содрогнуться революционным биением пролетарскому сердцу любой из стран, стоило кому-либо из передовых борцов возвысить свой голос или пролить свою кровь за дело пролетариата, и московские рабочие и работницы писали газетные лозунги и имена на своих знаменах и слали свое радио по всему миру. Из этого полуазиатского, по мнению европейцев, города, города-страдальца, сжатого блокадой голода, холода, нищеты и всяческих лишений, шли ободряющие клики по всему миру, неслись лозунги, выношенные лучшими умами человечества.

Но не только словесные приветствия, не только слово разума и стон сочувствующего сердца, нет, здесь дело было больше слова. Мобилизации шли за мобилизациями, гремели военные марши, шли трудовые колонны часто на верную смерть, ставя на карту самое ценное из того, что имели,—свою волю жизни. А сколько глаз смотрели им вслед с беспредельной тоской, в последний раз пожимая дорогие руки...

Кто смел, кто мог подводить заранее итоги этой борьбы, предопределять в кабинетах результаты таких ставок? Во всяком случае, не верные борцы революции, которые знают, что они лишь скромные толкачи, а итоги дел их подводятся не их подсчетом, а практикой самой жизни.

Но время перелистывало страницу за страницей, эту книгу нашей революционной жизни, и шли дни, месяцы, годы... Что же читаем мы на этих страницах? Этот народ, лишенный своих привычных поводырей, брошенный той интеллигенцией, которую он вскормил ценой своих лишений, снесший и разрушивший в законном процессе борьбы прежние устои гражданского общества, разве он выродился в дикое, слепое, раз'яренное стадо бредущих неведомо куда животных? Он устоял в неслыханной борьбе в течение долгих четырех лет и чтобы так бороться, так жить, он должен был творить в масштабе громадной страны какой-то новый уклад, учиться заново на каждом шагу и непрерывно дерзать, воплощать свою волю в жизнь. Уже один только этот факт, что Советская Россия устояла в борьбе с целым миром врагов, что с этим порвавшим свои цепи народом, ныне должны говорить языком дипломатических грамот правительства богачей и знати зарубежного мира, показывает нам яснее рассуждений всяких мудрецов, как велики силы трудящихся масс, когда их озаряет сознание своих человеческих прав!

Не бросившись в воду—не выучишься плавать. На целые годы мы были брошены в раз'яренную стихию грозного моря революции и предоставлены собственным силам. Какой мудрец подсчитает на счетах значение такого неслыханного опыта, установит его точно в цифрах и фактах? Когда старушка история затропает своим обычным мерным шагом, тогда, быть может, найдутся такие счетчики и расскажут нам или нашим детям в цифрах и фактах много нового и интересного, мимо чего мы сейчас бессознательно проходим. И в последнем счете окажется, что в эти великие, но вместе с тем и тяжкие для личных судеб годы, складывалась новая Россия, уходила в безвозвратное прошлое сама старая разлапистая российская походка, и что самый час обычного труда российского гражданина стал измеряться другим, гораздо более крупным по результатам, масштабом. Такого подсчета мы сейчас произвести не можем, но знаем, что это так, убеждены в том, что тяготы наших дней об'ясняются по существу тем, что мы поднимаемся на высокую гору, а не тем, что мы катимся вниз. А на языке ученых это формулируется так: великие революции на линии разрушений создают для под'ема и под'ема, незнаемого в предшествовавшее время. В сложных и длительн. процессах, наступающих для стран, запривших необходимую революцию, растет их общая работоспособность, их энергетика и, прежде всего, в той части, которая представляется их живой силой.

Но этого мало. Всякий строитель знает, что большое новое здание нельзя соорудить на стройке, которая загромождена старым хламом, пользуясь только рухлядью и обломками прежних строений. Мы задумали гигантскую постройку, и нужна была великая дерзость уже для одной только подготовки возможности такой постройки. Но революция есть вихрь, отметающий всех сопротивляющихся. Ее основной лозунг—дерзание, и за 4 года нашей революции мы должны были дерзать так, как не рискнул бы дерзать ни один народ, не прошедший школу ее победоносного хода.

Сметая классовые перегородки, могли ли мы останавливаться на путях сурового поравнения, считаясь с практикой сегодняшнего дня, когда долг революционера и научная убежденность говорят нам, что если не сегодня, то завтра неминуемо полетят в качестве исторического хлама и те мощные перегородки, которые стоят между тысячелетними образованиями самих наций. Нам нельзя было считаться со старыми позициями в процессах нашего труда, потому что по логике развивающейся пролетарской революции потери от такой ломки ничтожны по сравнению с конечным положительным итогом.

И в разрушительных процессах революции есть свое благо, ибо без них не взойдут семена новой жизни. Но мы не стоим на месте, а движемся уже по одному тому, что продолжаем жить, и каждый новый день жизни несет свою злобу и свои задачи. Все ли свято, все ли непогрешимо с нашей нынешней точки зрения во всем том, что проделано нами в великом историческом опыте за 4 прошедших революционных года? Конечно, нет! Уже по одному тому, что мы еще только поднимаемся на высокую гору, еще только строим свои ряды для мирных созидательных трудовых процессов. Однако, дело рук наших стоит рядом с нами в виде подлинной действительности и почти нет такой области в нашей жизни, которой не коснулось бы наше революционное дерзание. Но если в области физических наук человеческое знание начало свой под'ем вверх с того момента, когда в основу его был положен опыт, то во сколько же раз важнее этот опыт в таких сложных отношениях, в которых стоят люди в процессах своей коллективной жизни? Октябрьская революция остается навсегда великой революцией уже по одному тому, что, опираясь на ее силы, громадный народ проделал великий исторический опыт построений новых отношений в процессах неслыханной борьбы за право жить по своему разумению.

Тов. Ленин уже выяснил нам, как попутно в ходе пролетарско-российской революции осуществлялись те требования так-называемой демократии, дальше которых она ничего не видит. Но мы смотрим на эти итоги, как на побочный продукт, ибо заветные думы и цели наши не здесь. Куда пристанет в тот или иной срок корабль нашей революции, сколько он простоит в той или иной гавани,—нам знать не дано, потому что это зависит не только от сил и возможностей нашей страны, но и от великой борьбы классов в целом мире. Но к нам идет свет от надежных маяков, и мы знаем, что они светят не только нам, но и всем нашим братьям по труду и борьбе, на каких бы языках они ни говорили и как бы не сгибали они, по временам, под ударами бичей своих спин.

Люди старого мира выдвигали на первый план и любовным взглядом провожали своих единичных героев,—мы предпочитаем творчество многомиллионных коллективов и не склонны любоваться тепличными растениями, когда шумит стихия лесных великанов. Движущее начало хозяйственного успеха старый мир видел только в чистогане личной наживы и личного интереса—мы же утверждаем, что если это было и есть, то это все же должно отойти в прошлое и порасти былью. Мы знаем, что частный интерес должен неминуемо отступать на задний план, как раз в меру того, как поднимает голову интерес общий. И что бы ни говорили наши враги, мы сделали все, что было в наших силах, чтобы всколыхнуть до дна сознание трудящихся города и деревни и чтобы пробудить общий интерес к великим задачам нашего общего дела.

Мы преклоняемся перед силой западно-европейского технического знания и западно-европейской науки, но мы прочли их книги и учли ход их механизмов, и знаем, что лишь с урезками и в искаженной форме завоевания человеческого ума, завоевания науки и техники воплощаются в жизнь, пока частный интерес стоит на дороге в качестве злой силы, противодействующей интересу общему. Мы говорим ученым и техникам всего мира: если вы хотите, чтобы то лучшее, чему вы посвятили свою жизнь, без ущерба служило человечеству, вы должны перестать молиться старым богам, пойти на беззаветную службу пролетариату, могильщику старого мира. Иначе вы не будете честны перед собой, не будете честны перед выводами вашей науки. Но если это так, если творческие силы коллектива, могучий под'ем общего интереса, встречный ход лучших людей науки и техники получат несомненные и целительные сдвиги в результате великой октябрьской победы, то в какие ближайшие формы должна отлиться наша жизнь? Точный ответ на этот основной вопрос может дать только сама жизнь. Но лишь одно мы видим с несомненной ясностью с тех ступеней, на которые мы уже поднялись. В Советской России, созданной ценою таких жертв, стихии бессознательного участия народных масс в своих судьбах положен конец. Не таинственные силы, стоящие за нашей спиной, а мы сами все более и более будем творцами своей жизни. Будем все более и более расчищать пути для воплощения творчества коллектива и разума науки в жизнь. Еще старое обступает нас со всех сторон, еще великие трудности предстоят нам в борьбе на экономическом фронте. Не самый плохой архитектор выше самой искусной пчелы, потому что та строит свои соты по слепому инстинкту, а архитектор по заранее намеченному плану. Вооруженный же революционным опытом народ не может быть плохим архитектором уже в силе своего коллектива. Поэтому борьба за плановое хозяйство есть в то же время борьба за торжество разума, за право трудящихся говорить здесь последнее решающее слово, сокращая муки своего восхождения на крутой под'ем. Таков наш очередной лозунг при переходе к борьбе на экономическом фронте. Лишь работая по плану мы сможем выделить те центральные позиции всего фронта, отстоять которые—значит отстоять дело Октябрьской революции. Лишь в таком случае нам не будут страшны никакие частичные отступления, никакие уступки по периферии. Камень за камнем будет класть фундамент нашей плановой работы, заранее помня и зная, что великие ее трудности будут преодолеваться в опыте самой жизни. А когда придут на смену нам борцы с новыми неистощенными силами, когда бег мировой революции, ставший законом времени, подойдет к новому очередному этапу, лишь одни они, наши бодрые наследники, оценят значение лозунга плановой работы в условиях великих послеоктябрьских дней. Четырехлетний опыт пролетарской Октябрьской революции—как бы великая гора. Мы слишком близки к ней, чтобы обозреть ее теряющуюся в небесах высоту.

Г. КРЖИЖАНОВСКИЙ.

Октябрь.

1917—1921.

Четырехлетье голода и пыток,
Под улюлюканье, и свист, и вой...
Лохмотьями и язвами покрытый,
Октябрь с винтовкой и киркой.

* * *

Горланьте дни, кричите будни шалые
Базаром пошлости и лжи!
Как змеи вейтесь и острите жала
На солнечные рубежи:

Рожденное в огне не тлеет слово...
Несметны Мы! Мы вечны, как огонь!..
Мы, выкорчевывая пни былого,
Громовым трактором взрываем сонь...

* * *

И каркайте, и каркайте над нами,—
Не потускнеет в смутные года
Пропитанное потом знамя
Труда!

С. ОБРАДОВИЧ.

Контр-революция за 4 года.

Наиболее бьющей в глаза чертой белогвардейской печати в настоящий момент является глубокая разочарованность, доходящая до отчаяния. Недавно «Руль» обмолвился даже эффектным сравнением российской белой эмиграции с экипажем тонущего корабля, работающим до последней минуты, хотя он и знает, что кораблю гибели не миновать.

Чем вызвано это отчаяние? Поверхностное ознакомление с фактами, имевшими место в России в самые последние месяцы, может навести на мысль, что этот упадок духа создан крушением Петербургского заговора. Что этот заговор был несравненно серьезнее, чем можно было подумать, читая сообщение В. Ч. К., это нам выболтала сама же белогвардейская печать, немедленно после опубликования известия о петербургских расстрелах. Очевидно, было, что погибли люди необычайно ценные именно для правого крыла эмиграции, что сорвалось нечто, на что возлагали огромные надежды. Но, тем не менее, об'яснять так уныние белогвардейской прессы было бы чрезвычайно поверхностно. Ведь, еще сравнительно недавно эта пресса ликовала, с ее страниц не сходили предсказания о неизбежной гибели советского строя через классические три недели—и это ликование началось несравненно раньше, чем в Питере успел завязаться какой бы то ни было заговор. Скорее этот последний возник именно на почве этих преувеличенных надежд, и был отражением внутри России тех настроений, которые со всей откровенностью высказывались вне России, в белых газетах.

Если мы возьмем высшую точку этого ликования, мы заметим другое совпадение: больше всего играла и скакала зарубежная печать, когда центр Р. С. Ф. С. Р. был охвачен почти сплошным кольцом крестьянских восстаний, от приднепровского Махно до приволжского Антонова. Белые рассчитывали не на заговоры, и более умные из них даже склонны были рассматривать заговор, как весьма неосторожное предприятие чересчур поторопившихся людей. Это сказалось, например, в передовой статье «Последних Новостей», одной из немногих белогвардейских статей, где самый факт заговора был признан без околичностей, и где его не пытались выставить как изобретение «чрезвычайки». Расчет велся именно на массовое движение против большевизма, оно вызвало восторги, и восторги начали падение с того момента, как стали приходить известия о сдаче бандитов и ликвидации бандитизма.

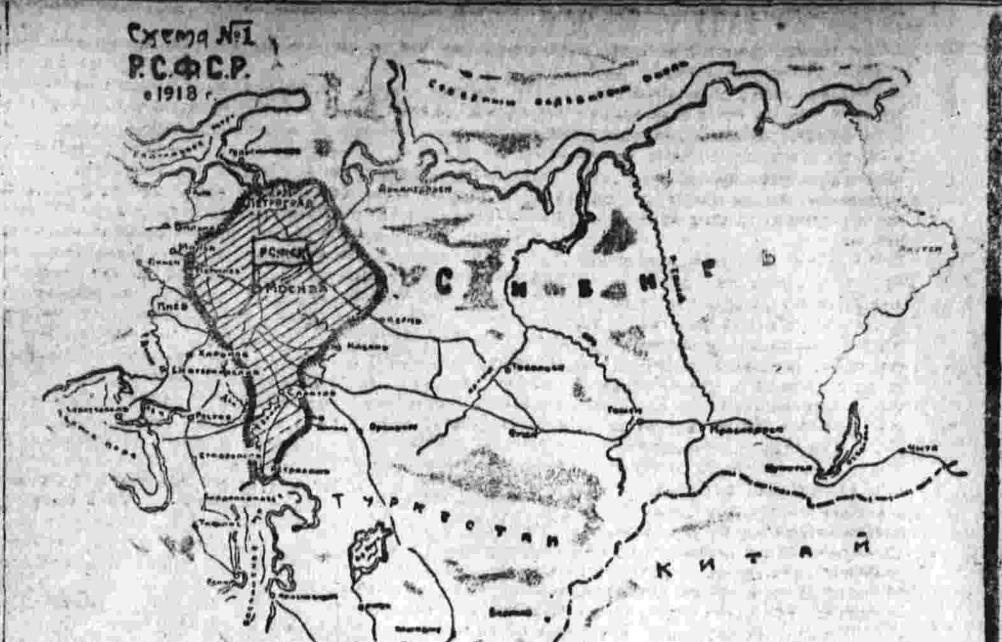
Когда, перед революцией, мы, по свойственной всем марксистам привычке, планировали будущий ход революционного движения, в наши предвидения входила, конечно, и «буржуазная реакция». Но, обыкновенно, под этой реакцией разумелись те контр-революционные попытки, которыми неизбежно должна была ответить лишенная власти и капиталов буржуазия тем, кто произвел над нею эту неприятную операцию. При этом рисовалась картина сопротивления сравнительно тонкого слоя, слабого не численностью, а накопленными богатствами, частью умело спрятанными, да поддержкой буржуазии других стран, где еще не произошло «экспроприации экспроприаторов». Рисовалась, значит, такая картина: с одной стороны—масса, борющаяся за революцию, с другой стороны—кучки реакционеров. Что и на стороне реакции может оказаться тоже масса, это не то, чтобы совсем не учитывалось, но, несомненно, оставалось вне поля ясного сознания.

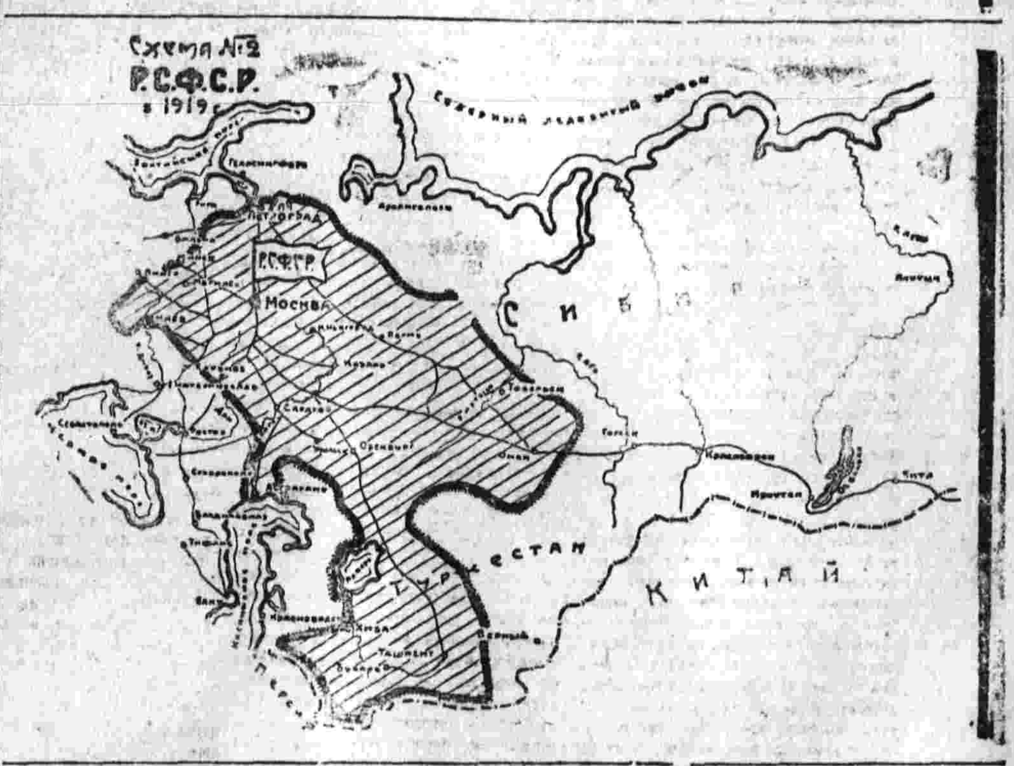
Между тем, в особенности нам, эмигрантам, видевшим близко западно-европейскую мелкую буржуазию, с самого начала должно было быть ясно, что массовый враг коммунизма имеется, и что этот враг по своей свирепости и непримиримости может, пожалуй, оставить за флагом даже фабрикантов и помещиков. Относительно свирепого собственничества французского крестьянина, утопившего в море крови два рабочих восстания, на этот счет ни у кого не было ни малейших иллюзий. Но вот, так сильны умственные привычки, это как-то забывалось, когда речь шла о крестьянине русском. Тут вся четкость представления моментально стиралась, в воображении вставал старый народнический мужичок, мужичок-труженик, мужичок-пахарь, и мы как-то удивительно легко забывали, что, ведь, и французский мужичок тоже и труженик, и пахарь.

Но в положении русского крестьянина, действительно, было нечто, глубоко отличавшее его от его западно-европейского собрата: именно в положении, а не в самом крестьянине. Французский крестьянин сделал свою революцию более ста лет назад, русский делал ее теперь, идя по следам пролетариата. Во Франции пролетарий шел за крестьянином, у нас было наоборот. И, благодаря этому, в то время, как французский крестьянин, пока не разорялся, был только реакционным мелким буржуа, не более,—русский крестьянин мог быть одновременно и реакционным по отношению к социализму, и революционным по отношению к царизму. А так как борьба против упорно не хотевшего умирать царизма у нас об'ективно сливалась с пролетарской революцией, которая не могла быть ничем иным, как борьбой за социализм, то получалась в высокой степени странная для непривычного к исторической диалектике взгляда картина: в России буржуазная реакция могла опереться на буржуазную революцию.

Если бы эта связь собственнических вожделений мелко-буржуазных масс с интересами крупной буржуазии была схвачена этой последней достаточно рано, положение пролетарской революции в России было бы куда круче и труднее, чем оно оказалось на самом деле. Уже на выборах в учредительное собрание московский мещанин и тамбовский мужичок весьма дружно голосовали за то, что с их точки зрения было политическим прогрессом, и что по отношению к движению рабочих было, несомненно, политической реакцией: в Москве множество голосов получили кадеты, в Тамбове такое же множество было подано за эсеров. К счастью, к нашему счастью, крупный капитал и крупное землевладение, в своем великолепном презрении к «черни», которую самые политически развитые буржуа не считали возможным допустить до роли высшей, чем роль голосующей скотины, этого факта не учли. В своем стремлении свергнуть диктатуру пролетариата они опирались на совершенно другие силы, которые казались им несравненно более реальными, чем собственнические инстинкты мелкого буржуа. С чрезвычайно характерным для крупного капитала цинизмом, вчерашние певцы ультра-патриотических песен поворотили, в первую голову, к «национальному врагу». Нельзя отрицать, что немецко-кадетская комбинация была непосредственно чрезвычайно опасна для новой власти. Милюков вместе с Людендорфом скорее, чем кто бы то ни было, могли покончить с советами. И теперь мы знаем, что все приготовления к этому были уже сделаны, что соответственное количество германских дивизий было сосредоточено на нужных участках восточного фронта, что высылка тов. Иоффе из Берлина была лишь прелюдией к оккупации Москвы и Петрограда. Германская революция не оставила для этого времени. Случилось чудо, от чудес прежних времен отличавшееся только тем, что оно было предсказано нами. Германская революция одновременно спасла нас физически, и доказала в то же время, что мы психически сильнее противника: т.-е., что мы, попросту, умнее его.

Одураченная историей буржуазия и тут, однако же, не поняла, что настоящую опору против социалистической республики она может найти скорее внутри страны, чем вне ее. Приверженность к внешним средствам борьбы оставалась для нее характерной еще два года, и еще два года она спасала нас, рубя тот сук, на котором могла усесться. Со свободой совести, изумительной для наивных читателей буржуазных газет времен «Великой войны», от немцев буржуазия кинулась в об'ятия англичан, водивших ее, как теперь документально доказано, за нос, или французов, которые (мы говорим, разумеется, о французской буржуазии), по части политического тупоумия вполне могли соперничать с русской буржуазией. Англичане не

„Владимирка".

— «Н-но!.. Туда же, брыкаться... Нашлась недотрога!..»
Туго врезалась в твердую землю соха.
— «Здравствуй, дядя! Гляжу я: земля не плоха».
— «Да крепка. Утоптали. Была, ведь, дорога.
Слышь, в Сибирь, значит, гнали по ней вотарину...
Эй ты, н-ну!
Шевелись, сухопарая!»
Борозда к борозде... Ком ложится на ком...
Кто узнал бы тебя нынче в виде таком,
Роковая путина, «Владимирка старая?!»

* * *

Брат мой, пахарь! Погибших бойцов помяни.
Окруженные серым, суровым конвоем,
Пыльной летней порой—под мучительным зноем,
Хмурой осенью — в тускло-ненастные дни
И студеной зимой—в ночи темные, вьюжные
Кандалами гремя, испитые, недужные,
По «Владимирке старой» шагали они,
Под сплошной голов непокорных,
По сплывая усталых и скорбных очей,
Мимо жалких лачуг, покосившихся, черных,
Мимо пышных усадеб своих палачей,
Подло-мстительной царской по[?]ралы царей,
В рудники за бойцом, посылавшей бойца,
Шли они—без конца, без конца, без конца,—
По «Владимирке старой!»

* * *

Сколько скорбных, невидимых нами, теней,
Может быть, в это время проходят по ней
И дивятся на всходы яркие всходы!
Пахарь! Празднуя праздник Труда и Свободы,
Не забудь благодарной слезой помянуть
Всех, кто в оные, злые, проклятые годы
Ради нас проходил этот крестный путь!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

Расея.

...«Мы, граждане села Розы Люксембург, Интернациональной волости, Калужского уезда, той же губернии, шлем привет Коммунистическому Интернационалу»... и т. д.

Прошу не считать выдумкой. Такая волость и такое село есть. И такая резолюция была напечатана в газетах. Вообще, в Калужской губернии улицы, волости, села переименованы очень решительно.

«Село Розы Люксембург» звучит странно и неудобопроизносимо, деревня Декабристов то же. Но чем же лучше прежнее название деревни Декабристов—деревня Язва?

На моей родине, в казачьей Оренбургской губернии, до революции были поселки и станицы: Парижский, Лейпцигский, Берлинский и даже... Фершампенуазский, в честь каких-то битв и трактатов.

Почему бородатые казаки живут в местности с таким мудреным названием, как Фершампенуазский,—никто из них не знает, даже учитель и поп. А насчет Розы Люксембург и декабристов «калужские» кое-что знают и чем дальше, тем больше будут знать.

Путь от «деревни Язва» до «села Розы Люксембург» Рассея прошла в 4 года. Почему деревня стала «Язвой»—не знаю. Вероятно, крещеная собственность (мужик) разгневала чем-нибудь доброго барина, и он в сердцах окрестил деревню «Язвой».

Люди легкомысленные могут себя утешать, что изменилось только название, а деревня Язва—Рассея то-же—не изменилась. Пусть утешаются. Воды утекло так много, что никакие водомеры не способны измерить утечки...

Беру «Памятную книжку и Адрес-Календарь Калужской губ. на 1916 г.» На стр. XXIX помещен список всех калужских губернаторов с 1776 года до революции 1917 года. Вот наиболее яркие фамилии:

Князь П. Ц. Долгоруков,
Князь А. Д. Оболенский,
Граф Д. Н. Толстой,
Князь Н. Д. Голицын,
Д. ст. сов. А. Г. Булыгин,
Князь С. Д. Горчаков,
Камер-юнкер Чебыкин.

Все это было над деревней Язвой.

А сейчас Калужской губернией управляет председатель Губисполкома Алексей Кириллович Самсонов, булочник-пекарь, из крестьян Калужского уезда.

Его заместитель Новиков, Н. И., приказчик, из крестьян Калужской губернии.

За губернатором надо было раньше поставить, скажем, начальника гарнизона, какого-нибудь бригадного генерала.

Сейчас—губернский военный комиссар и начальник гарнизона, рабочий литограф Н. Е. Алмазов.

С разрешения господ дворян, я позволю себе, за неимением другой подходящей параллели, с предводителем дворянства сопоставить председателя губ. Ч. К.—слесаря П. Д. Осипова, из крестьян Калужской губ.

Вместо прежнего полицеймейстера—начальник губмилиции, маляр В. В. Дюжиков (как и все маляры-богомазы, родом из Владимирской губернии).

В числе дв[?]альных земл[?] в Калужской губерн[?] фигурирова[?] знаменитый кадет-философ, кн. Евгений Трубецкой. Он же состоял членом Гос. Совета и выбран от Калужской губ.

Если условно сопоставить с земством нынешний земотдел, то сиятельного князя-философа сменил хромой сапожник Дюдин А. Д., заведующий Губземотделом.

Можно закончить этот список губернских властей раньше и теперь председателем судебной власти в губернии.

Вместо вицмундирного дипломированного юриста, председателя окружного суда, ныне председателем Губ. Рев. Трибунала состоит наборщик Н. И. Громов.

Где же старые хозяева? Одних уж нет, а те далече.

Был я в коммуне «Красный Городок», расположившейся в имении кн. Голицына (верст 15 от Калуги). Его сиятельство подал о себе весточку из-за границы. Прислал в коммуну письмо. Текст письма, примерно, таков:

— Разбойники и грабители!... Грабьте без зазрения совести мой дом, мое имущество, мой скот. Черт с вами! Сберегите только мой вековой липовый парк. На этих липах, посаженных моими предками, я буду вас, негодяев, вешать, когда вернусь!»...

Письмо хранится в Губ. Ч. К., и я советовал сберечь его, как музейную редкость.

Это один из бывших хозяев.

Около здания Губисполкома постоянно стоит извозчик-лихач. Резвая лошадь, дутые шины, суконный армяк «с турнюром», клетчатая извозчичья шляпа, подстриженные в скобку волоса.

Это—бывший помещик Унковский, потомок тех Унковских, что устраивали судьбу крестьян в 60-х годах при Александре II.

— Пожалуйте, товарищ, прокачу!...—предлагает он Губвоенкому Алмазову.

— Что вы, товарищ Унковский!... Весь город знает, что вы за конец берете 50.000 руб. Сразу скажут, что Алмазов взяточником стал.

Дружелюбно прощаются. Военная власть и извозчик. Бывший чумазый литограф, всегда перепачканный краской, и бывший лощеный родовитый барин, чей прекрасный белый дом красуется и сейчас под горой.

Спросите Алмазова или Самсонова —кто были их собственные предки, как их звали? Не ответят. Пойдите в Лаврентьевский монастырь (ныне концентрационный лагерь): и вы увидите там, на почетном месте у храма, вереницу памятников из мрамора. Все: Унковский, Унковская, Унковские... Династия почтенная. От дворянской треуголки со шпагой к извозчичьей шляпе и кнутику;

— Пожалуйте, прокачу!..

Как видите, путь от деревни Язва до села Розы Люксембург—очень велик. Это уже не пустая перемена вывески и штемпеля, когда дворян и купцов в управлении губернией сменили и держатся четыре года пекаря, сапожники, литографы, слесаря и маляры, по происхождению «калужские» мужики-бедняки.

Чуть не вся высшая калужская власть проживает в одной квартире, в доме бывшего купца. Живут коммуной, складывая все получаемое жалованье и пайки в общий котел. Сами убирают комнаты, ставят самовары и т. п. Вся их жизнь на виду у всего города. Выпей рюмку водки, выпляни из дому нетрезвым, пройдись по улице с человеком недостойным — загудит вся губерния.

Власть у нас при диктатуре строгая —что и говорить. Но народ из села Розы Люксембург относится к этой власти совсем не так, как народ из деревни Язва.

Проживали близь деревни Язва кулачки Ерохины, Евдокимовы и др., пригородные огородники-садовники. Народ крепкий, построил себе двухэтажные дома-хутора. Случилось так, что губисполком наступил им очень на собственническую мозоль, да наступил неосторожно, незаконно.

Кулачки Ерохины нашли все дороги в Наркомзем, Реввоенсовет Республики, Совнарком и ВЦИК. Они добились, хотя бы частично, своего восстановления в правах, пройдя все законные советские инстанции. Но не это важно. Интересно их поведение в отношении губернской власти.

Ерохины вламывались к председателю губисполкома, орали, угрожали ему репрессиями со стороны ВЦИК,а, обзывали контр-революционером за неисполнение решения ВЦИК.

Конечно, предгубисполкому стоило только мигнуть, чтобы развязный кулачек был приведен в чувство Чекой. Но в деревне Розы Люксембург знают твердо, от бедняка до кулачка и попа, что нынешняя власть простая, черноземная, рукапая.

Что там Самсонов?!. Приезжал в Калужскую губернию сам Всероссийский Староста М. И. Калинин. На одном сельском сходе, — рассказывали местные люди, — какой-то ущемленный и раздраженный мужиченко принялся честить тов. Калинина самыми крепкими словами (сомневаюсь, все ли слова прошли цензуру). Калинин слушал-слушал, да принялся при общем сочувствии схода отчитывать шкурнические, собственнические, эгоистические инстинкты мужика. При этом, в выборе слов, говорят, тов. Калинин мало стеснялся и «крыл» густо.

Крестьяне взяли его сторону в этом споре и по сей день вспоминают Всероссийского Старосту за его прямоту и простоту:

— Вот это по-нашему! Это—власть!

Неправда ли, в деревне Язва таких происшествий не случалось, чтобы глава высшего органа власти в стране единоборствовал с мужиком на глазах схода и допускал малопочтительные выражения.

А в селе Розы Люксембург это бывает.

Едем мы с председателем губисполкома Самсоновым на автомобиле в один совхоз. При под'еме на крутой холм машина закапризничала. Пошли пешком. На вершине холма церковь, обладательница «чудотворной» иконы. Когда-то раньше (когда была деревня Язва) здесь было золотое дно для попа с попадьей. Теперь эта лафа прошла и вот что происходит теперь.

Из поповского дома вышла средних лет женщина, попадья, и направилась к нам.

— Тов. Самсонов, как бы мне выхлопотать земли 2 десятины? Нам отвели, да очень далеко, а здесь рядом пустует давно земля. У нас бы она не пустовала. Нельзя ли как нибудь?

— А вы сами пахать будете?

— Мы-то?.. А как же!.. Да вы зайдите во двор, посмотрите, что я вот этими самыми руками делаю. Видите, какие руки?..

Действительно, руки говорили о тяжелой работе, были в мозолях и ссадинах.

Зашли во двор. Попадья показала выкорчеванные и выкорчеванные деревья, разделанную землю.

— Вот, здесь, на будущий год и огород будет, и ягодник. Приезжайте на будущий год чай с ягодой пить. Также бы дела разделала, да вот негде.

— Хорошо, напишите в земотдел. Там разберем. А скажите, как же вы деревья-то уничтожили. Ведь, все это было для благолепия, для привлечения богомольцев. И холм этот насыпан когда-то для той же цели.

— Ну, что уж тут, какое благолепие! Огорода негде развести.

От'езжая от поповского дома, я думал:

— Раньше попадья не стала бы хвалиться мозолистыми руками, встретив губернатора. Губернатору показали бы, наоборот, красивые ноготки, изящные манеры, обстановочку, роскошный обед. А нынче всякая попадья знает, что от села Розы Люксембург до Кремлевского ВЦИК вся новая власть смотрит на руки и воздает почести мозолистым рукам.

Изменилась Рассея. Очень изменилась.

Отвлекусь на минуту в сторону.

Получил я на днях письмо из Таганской тюрьмы от старого рабочего те-

натели помочь, французы не могли, и, в конце концов, единственной реальностью оказывалась свора диких помещиков в генеральских и полковничьих погонах, одно появление которых на горизонте заставляло русского крестьянина стать таким краснокрасным революционером, что на минуту он становился подлинным родным братом пролетария.

Между тем, даже в эти годы мелкая буржуазия, в лице отдельных ее групп, выполняла ту реакционную роль, на которую она обречена историей. Дикий помещик возглавлял движение контрреволюции, допуская около себя кадета на побегушках, и награждая бесцеремонными пинками ноги эсэра. Но веселая, клал свою голову за буржуазную реакцию не буржуа, державшийся на почтительном расстоянии от фронта, и не дикий помещик, сидевший в штабах. Клалась вновь именно мелкой буржуазии, мелкого интеллигента-прапорщика, донского или кубанского казака, сибирского крестьянина. Буржуа этого не видел, не хотел видеть. Обжираясь в одесских кафе и ялтинских ресторанах, он смотрел на погибавших за него людей таким же привычным, равнодушным взором, каким смотрел он когда-то на тех же людей, когда они, в качестве голосующей скотины, шли подавать за него избирательные бюллетени. И наивные люди, наивные мелкие буржуа, смотря на эту картину обжирающегося за их счет буржуа крупного, начинали понемногу прозревать и все чаще и чаще переходили к красным. Переходили бы, это приходится сказать, главным образом, о казаках и крестьянах, гораздо чаще и в гораздо большем количестве, если бы мы лучше умели тогда оценить двойственную природу мелкого буржуа.

Только в самые последние месяцы междоусобной войны русский крупный капитал до некоторой степени надел узду на дикого помещика: Врангель издал свой знаменитый закон о земле. Но этого было слишком мало и это пришло слишком поздно. Последний белый генерал был сброшен в море, и буржуазная реакция очутилась перед бессмертным вопросом из известного фельетона: «Ке фер, фер-то ке?» Что в самом деле оставалось делать русской буржуазии? И вот тут исключительной силы нажим, сделанный пролетарским государством на мелкого буржуа, преимущественно буржуа деревенского, как будто на одну минуту оживил все надежды буржуазной реакции. У нас не любят, когда тов. Ленин говорит об «ошибках»: и можно спорить, конечно, приложимо ли это слово, огульно, ко всей нашей политике за первые три года существования социалистической республики. Но что в наших отношениях к крестьянству, как они сложились к зиме 1920—1921 г.г., было не без огромной ошибки, на этот счет едва ли может быть какой-нибудь спор. И, благодаря этой ошибке, в первый раз реализовалось (случилось в действительности) то, что в возможности было на-лицо уже с первого момента: мелкая буржуазная реакция как будто нащупывала себе почву в буржуазной революции.

С этим связан в высшей степени знаменательный поворот самого тонкого и самого опытного политика буржуазного лагеря, Милюкова. Его «новая тактика» была не чем иным, как в высшей степени верным учетом того поворота в настроении крестьянства, который был плодом нашей ошибки. И ликованье белых газет, по своему, с привычной буржуазной точки зрения, вполне разумное, было ответом на ту же ошибку. Буржуазия не верила, не считала возможным, что мы сумеем действительно повернуть на новые рельсы. Сама все время упрямо идя по одной и той же колее, заведшей ее в болото, она по себе судила и о тех марксистах, которые вели и ведут революцию. И велико было ее разочарованье, глубоко было ее отчаяние, когда, к началу осени, она должна была убедиться, что поворот совершился в действительности. «Новый курс» отнял у контр-революции последнюю надежду—надежду использовать еще раз неоднократно уже одураченную этою контр-революцией демократическую мелко-буржуазную массу. Мы во-время вспомнили, что в России идет не только пролетарская революция, часть мирового, интернационального переворота, но и туземная, русская крестьянская революция, которая должна быть другом, но может сделаться и врагом первой.

Мы привыкли смотреть на «новый курс», как на перемену в нашей экономической ориентировке: но в «новом курсе» есть и глубокий политический смысл. С движением мелко-буржуазной массы в России было-бы несравненно труднее справиться, нежели с контр-революцией крупного капитала и крупного землевладения. Последняя, по самой своей сути, себялюбива, жадна и труслива. Это враг, опасный, главным образом, технически—благодаря тем колоссальным материальным средствам борьбы, которые имеются в его распоряжении. Но эти средства борьбы можно у него отнять, как мы отняли у белых их танки, да и нет такой техники, которая устояла бы перед твердо решившейся человеческой волей. В мелко-буржуазном русском движении, благодаря его чрезвычайной близости к настоящей, подлинной буржуазной революции, веет дух этой последней: ему не чужд революционный энтузиазм, оно способно на революционное самопожертвование. В этом его сила, и этим оно страшно. И буржуазия ликовала, видя, как встает против нас этот грозный враг, готовясь исправить наделанные ею, буржуазией, ошибки. Но мы не дали себя поймать в эту ловушку и раз навсегда разорвали начавший завязываться союз буржуазной контр-революции с революционной мелкой буржуазией. Мы об'явили эту революцию своим союзником с первого же дня, как над Россией взвилось красное знамя коммунизма, и мы удержим мелко-буржуазную массу под этим знаменем, какие бы ошибки по отношению к этой массе мы подчас ни делали.

М. ПОКРОВСКИЙ.

Группировка классов в русской революции.

Во всей совокупности Советских республик (кроме Хивы, Бухары) на 1-е сентября 1921 г. считалось 131 милл. жителей (все цифры по сводке Ком. Исп.). На жителей городов приходится почти 21½ милл., на жителей сельских местностей 109½ милл. чел. Если на каждого наемного рабочего и служащего считать в среднем по одному состоящему на его иждивении члену семьи (так выходит по переписи), то классовой состав населения окажется следующим (считая и членов семей):

В городах:

Рабочие	4.800	тыс. чел.
Служащие	4.600	» »
Прочие	12.000	» »

Вне городов:

Рабочие	4,400	тыс. чел.
Служащие	900	» »
Прочие	104.200	» »

Из числа рабочих и служащих (опять-таки, считая членов семей) придется на советские учреждения почти 4½ милл. чел., на железнодорожный и водный транспорт около 3 милл. чел., на сельское и лесное хозяйство около 1 милл. (из них до 800 тыс. приходится на совхозы, государственные леса и т. п.), на крупную промышленность и торговлю (с числом рабочих и служащих свыше 30 на одно предприятие) около 4½ милл., на мелкую промышленность и торговлю около 1½ милл. чел. (считая работающих по найму и членов их семей в предприятиях с числом работников менее 30 в каждом) и на частную домашнюю прислугу в городах не менее 200 тысяч.

Если выделить с фабрик, заводов, железных дорог и т. д. служащих, а из советских учреждений—рабочих (напр., трамвай относится к «советским учреждениям»), то окажется, что на рабочее население приходится около 9,2 милл. чел., или семь процентов всего населения советских республик, а на служащих с их семьями до 5½ милл. чел., т.-е. около 4,4 проц. всего населения.

Из прочего населения городов (12 милл. чел.), за отчислением обитателей тюрем, приютов и т. п., подавляющее большинство приходится на все типы и разновидности мелкой, средней и крупной буржуазии, от ворочающего сотнями миллионов подрядчика-оптовика до торговца с лотка на Трубной площади. Таким образом, в городском населении, если брать Россию, как целое, в численном отношении определенно преобладают буржуазные группы.

В деревне подавляющее большинство приходится на крестьян всех степеней зажиточности и разных типов хозяйств, до кочевых скотоводов включительно. Священники, учителя, писаря и т. д. почти совершенно теряются в этой массе. К сожалению, еще не опубликованы окончательные данные прошлогодней переписи о разделении крестьянства на различные хозяйственные слои, но имеющиеся частичные результаты показывают, что до трех четвертей приходится теперь на так называемого «середняка».

Разумеется, одни численные отношения не являются достаточными для оценки значения разных классовых группировок — всякий понимает, что роль рабочего класса в России далеко превосходит те 7 проц., какие рабочее население составляет в общей массе жителей. Более существенным является уже направление в изменении наличных численных соотношений, в обстановке которого складываются политические отношения между классами. Наличность борьбы между разными частями общества определяется, понятно, не их численностью, а сущностью основных интересов разных классовых группировок. Но для хода борьбы и для политических группировок в ее процессе одним из первостепенных моментов являются и определяемые хозяйственными изменениями перемены в численных соотношениях различных групп.

В нашей печати неоднократно оценивались уже степень и значение изменений в численном соотношении разных классов, какие возникли с довоенного времени за период войны и революции до момента, характеризуемого приведенными в начале цифрами. Чего же можно ожидать в этом отношении в дальнейшем, в ближайшие годы господства экономической политики, на путь которой принуждена была Советская Россия стать за последние месяцы и которая, конечно, не успела еще сказаться на приведенных выше цифрах. Величайшая трезвость наблюдения и бесстрашие в установлении выводов и подведения итогов, являются обязательными для боевой партии рабочего класса. Впрочем, «хорошо смеется тот, кто смеется последним».

В основной массе населения, в крестьянстве, надо ожидать, прежде всего, некоторого возрождения и выдвигания наверх того слоя «крепких хозяйственных мужичков», кого мы непочтительно именовали кулаками, и кто является естественным противником социалистической организации хозяйства. В первый год Октябрьской революции (1917 — 1918 г.г.) этот слой был довольно основательно срезан основной массой среднего и мелкого крестьянства. В деревне фактически произошел тот уравнительный «черный передел», экономическая невозможность длительного существования созданных которым порядков всегда была ясна для марксизма. От него было два пути: или к социалистической организации земледелия, или обратно—к разложению крестьянства на различные хозяйственные типы и к расхождению их интересов. Для первого пути необходима была фактическая победа в стране социалистического хозяйства по всей линии, его полнокровие (богатство вновь производимыми промышленными продуктами) и сильная техника, способная применением новых приемов работы (электричество, тракторы и пр.) и явным их преимуществом связать в крупные хозяйственные единицы разрозненную пыль крестьянских дворов. Этих предпосылок в разоренной России быть не могло, и потому уравнительность обособленных личных хозяйств уступает место не социалистическому их слиянию, а буржуазному выдвиганию из них всех более мощных и богатых единиц.

После продналога с нынешней осени деревня от тенденции к нивеллировке (от движения к однотипности хозяйств) определенно поворачивает в сторону тенденции к расслоению. Широко обнаруживающаяся на всем Западе России тяга к выходу на хутора может служить показательной иллюстрацией. Когда-то Столыпин заманивал на хутора всякими ссудами, и то приходилось подгонять чуть не палкой. Теперь определенные слои крестьян готовы сами платить государству за позволение выйти на хутор, готовы взять на свой счет бывшие раньше бесплатными землемерные работы,—только разреши. Происходит возрождение стремления засеять побольше для будущей продажи свободных избытков у того крестьянина, который чувствует себя способным стать «сильнее» (больше скота, больше мужчин в семье, больше от прежнего времени разного имущества, могущего быть теперь реализованным для хозяйственных целей и т. д.). На другом полюсе это должно вызвать появление в деревне вновь сел.-хоз. батраков, сначала уже просто потому, что засеять «сильное» хозяйство может всегда больше, чем убрать, и потому ему требуются,—в первых стадиях его развития,—хотя бы временные дополнительные работники, нанимаемые со стороны на сезон уборки, при дальнейшем развитии хозяйства превращающиеся отчасти в постоянных. Ими могут быть и пришлые из губерний, где уборка происходит в другое время, и свои же соседи, собственное хозяйство которых не может занять всего их времени, между тем как необходимость снабжаться через кооперацию или на вольном рынке путем денежных закупок побуждает их продавать свою рабочую силу.

Ни мелкое, ни среднее, ни крупное крестьянство не заинтересованы в уничтожении государственного хозяйства в промышленности, в передаче фабрик и заводов из рабочего управления обратно капиталистам. Были бы лишь фабрично-заводские изделия—вот что требуется крестьянам. Вообще говоря, достаточно гибкое государственное управление промышленностью, как единым целым, может дать наибольшее количество продуктов: единый план, единая воля во всей промышленности обеспечивают сосредоточение малых средств именно в важнейших с производственной точки зрения пунктах. Опыт «коллективного снабжения» показал, что при сколько-нибудь приличной кормежке и производительность отдельного рабочего оказывается у нас не ниже, чем была в капиталистических предприятиях,—а преимущества государственной собственности и государственного хозяйства в смысле возможности наиболее целесообразного экономически и технически плана не пытались отрицать и наши буржуазные враги.

Таким образом, угрозой для существования национализации промышленности классовая перегруппировка в деревне не является. Нам предстоит поддерживать прежнюю дружбу с мелким крестьянством, преображенный союз со средним и стать в новые торговые отношения с крупным. Союз с середняком был основан раньше преимущественно на военной защите от помещиков. Теперь, хотя не исчез в этот момент, практически вопрос переносится более в сторону взаимной хозяйственной выгодности. После окончания войны крестьянин должен увидеть, что по сравнению с царизмом революция принесла ему не только отмену крепостнического высасывания соков помещиками, но и лучшие семена, большее внимание государства к агрономии и лучшую и более дешевую администрацию и т. д., и т. п.

В городах в связи с нашим нынешним курсом происходит более открытое, чем это имело место до сих пор, оформление большинства населения в качестве буржуазных слоев того или иного типа. Звание «советского служащего» служило до сих пор на добрую половину лишь временным прикрытием для действительно широких буржуазных масс, по существу ненужных в административном аппарате и лишь временно в нем укрывшихся. Начавшееся теперь энергичное изменение приведет к тому, что до двух третей «служащих» открыто переходит в область частного хозяйства, а оставшаяся часть по отношению к ней, по ее снабжению и настроению гораздо больше приблизится к пролетариату, чем сейчас. Останется элемент действительно необходимый для обслуживания нужд населения государственным аппаратом. Хотя внешне это изменение выражается в уменьшении количества занятых наемным трудом лиц в пользу увеличения явно буржуазных частей населения,—оно тем не менее явно приводит к увеличению политической мощи российского пролетариата, а не к ее ослаблению.

Другая перемена в городе характеризуется открытым и растущим формированием не только мелкой буржуазии,—эта существовала все время и только увеличивается притоком освобождающихся «служащих»,—но и буржуазии крупной. Здесь надо иметь в виду не арендаторов полуремесленных мастерских и мелких фабричек, не крупную торговлю. Буржуазия в значительной и быстро усиливающейся степени забирает в свои руки посредничество между городом и деревней. Фабрики, заводы и советские учреждения в порядке «хозяйственного расчета» продают продукты промышленного труда частным скупщикам, а скупщики организуют перепродажу крестьянам и обратную доставку в города хлеба, на предприятия—сельского сырья и т. д. Стоит сравнить жалкие несколько миллионов пудов хлеба, которые удалось наторговать у крестьян Центросоюзу во всей России, с громадными количествами зерна и муки, обращающимися на вольном рынке в одних только крупных городах,—чтобы оценить правильно положение.

Буржуазия всегда во всех странах овладевает крестьянским хозяйством через торговлю. А за этим овладением шло и политическое руководство. Здесь перед нами опасность, на которую не приходится закрывать глаза. Нам поэтому предстоит дать буржуазии бой за торговое влияние на крестьянство. Средство для этого—способствовать развитию центральных крестьянских кооперативных об'единений,—промысловых, кустарных земледельческих и т. д.,—и с ними вступать в прямые торговые отношения. От мелочных сделок со станций отдельных скупщиков или с отдельными деревнями государство должно перейти к оптовой торговле с крупными крестьянскими об'единениями (что подразумевает, конечно, жесткое ограничение независимого «разбазаривания» отдельными предприятиями и хозяйственными органами). Крестьянству экономически выгоднее иметь дело через свои организации непосредственно с государством, чем с посредниками. Избавить его от необходимости быть предоставленным на попечение этих посредников—лучшее средство лишить в будущем крестьянской поддержки буржуазные притязания на счет «демократических гарантий», необходимых для процветания снабжающей его буржуазной торговли. От практики торгового хаоса вместо государства-оптовика прямая идеологическая дорога ведет к требованию Учредительного собрания. К этой торговой буржуазии и обращается, прежде всего, с приветом из Парижа Рябушинский, обещая принять ее на равных правах в семью русского капитала. Читателю рекомендуется припомнить замечание т. Ленина на Московской конференции о настоятельной необходимости для нас выступить в области торговли с регулирующим влиянием государства. Еще один существенный сдвиг заключается, наконец, в появлении значительного количества рабочих, занятых в промышленности и торговле у частных предпринимателей. По сводке Ком. Исп. на 1-е сентября было 2.250 тыс. рабочих (без членов семей) в крупных и средних предприятиях (более 30 чел. в каждом) и менее 750 тыс. в мелких (менее 30 чел. на одно предприятие). Сейчас, правда, лишь меньшая часть мелкой промышленности сдана в аренду, но возможна постепенная временная сдача почти всей ее, и это означало бы, что четверть промышленного пролетариата занята была бы у частных хозяев (особенно если принять во внимание строительно-подрядные работы и т. п.). Последние годы русский пролетариат боролся с буржуазией преимущественно с оружием в руках на театре военных действий. Теперь должна будет поскреснуть и практика повседневной экономической борьбы, где в положение непосредственно эксплоатируемых (высасываемых) капиталистами попадают сотни тысяч рабочих, там было бы пустейшей маниловщиной ждать непрерывной социальной идиллии и одних только взаимных приятных улыбок.

Не классовый мир, а классовая борьба стоит в порядке дня Советской России и на ближайшие годы. Группировки обособляются, интересы расходятся, противоположности обостряются—вот что придется не раз подмечать нам в нашей жизни. В деревне расслоется крестьянство, в городах раскалывается на государственных работников и снимающих маску буржуа обширное чиновничество, ожидает все больше как производственная сила на государственных заводах пролетариат (массовые наблюдения по коллективному снабжению дали, напр., повышение производительности на среднего рабочего сразу на целую половину). Отсутствие войны,—если оно продлится даже только год—два,—уже начинает хозяйственно возрождать Россию и в обстановке этого начинающегося возрождения и намечающихся классовых перегруппировок, пролетариату возможно не только удержать политическую власть, но и использовать ее для обеспечения себе надлежащей доли в этом возрождении. И эта сторона дела, улучшение нашей жизни, должна стоять по мере накопления успехов могущественным агитационным орудием в Европе. Если раньше энтузиазм европейского пролетариата вызывался уже одним фактом политического торжества рабочего класса в России, то теперь поднять его до прежней высоты сможет, прежде всего, наша хозяйственная победа. Пролетариат нашей страны вступает в пятый год революции с лучшими предпосылками для успехов в этой области, чем какие имелись все время—результаты вознаградят стойкость и энергию.

Ю. ЛАРИН.

Октябрьская революция и национальная политика русских коммунистов.

Сила Октябрьской революции состоит, между прочим, в том, что она, в отличие от революций Запада, сплотила вокруг русского пролетариата многомиллионную мелкую буржуазию и, прежде всего, наиболее мощные и многочисленные ее слои—крестьянство. Тем самым русская буржуазия была изолирована, оставлена без армии, а русский пролетариат превращен в вершителя судеб страны. Без этого русские рабочие не удержали бы власти.

Мир, аграрный переворот и свобода национальностей—таковы три основных момента, собравших вокруг красного знамени русского пролетариата крестьян более, чем двадцати национальностей необ'ятной России.

Говорить здесь о двух первых моментах нет необходимости, о них сказано уже в литературе достаточно, да она к тому же сами говорят за себя. Что касается третьего момента—национальной политики русских коммунистов, то важность его, видимо, не вполне еще осознана. Не лишне будет поэтому сказать о нем несколько слов.

Начать с того, что из 140 миллионов населения Р. С. Ф. С. Р. (исключаются Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша) великороссы составляют не более 75 миллионов, остальные же 65 миллионов представляют не великорусские национальности.

Далее, национальности эти населяют главным образом окраины, пункты, наиболее уязвимые в военном отношении, при чем окраины эти изобилуют сырьем, топливом, продовольственными продуктами.

Наконец, окраины эти менее развиты (или вовсе не развиты) в промышленном и военном отношения, чем центральная Россия, в виду чего отстоять свое самостоятельное существование без военно-хозяйственной помощи центральной России они не в силах, так же, как центральная Россия не в состоянии сохранить свою военно-хозяйственную мощь без топливно-сырьевой и продовольственной помощи окраин.

Эти обстоятельства плюс известные положения национальной программы коммунизма определили характер национальной политики русских коммунистов.

Существо этой политики можно выразить в нескольких словах: отказ от всех и всяких «притязаний» и «прав» на области, населенные не русскими национальностями; признание (не на словах, а на деле) за этими национальностями права на самостоятельное государственное существование; добровольный военно-хозяйственный союз этих национальностей с центральной Россией; помощь отсталым национальностям в деле их культурного и хозяйственного развития, без чего так-называемое «национальное равноправие» превращается в звук пустой; все это на основе полного раскрепощения крестьян и сосредоточения всей власти в руках трудовых элементов окраинных национальностей—такова национальная политика русских коммунистов.

Нечего и говорить, что ставшие у власти русские рабочие не завоевали бы себе сочувствия и доверия своих иннонациональных товарищей и, прежде всего, угнетенных масс неполноправных национальностей, если бы они не доказали на деле свою готовность проводить в жизнь такую национальную политику, если бы они не отказались от «права» на Финляндию, если бы они не вывели войска из северной Персии, если бы они не ликвидировали притязаний русских империалистов на известные районы Монголии и Китая, если бы они не помогали отсталым национальностям бывшей Российской империи развить культуру и государственность на родном языке.

Только на основе этого доверия и мог возникнуть тот нерушимый союз народов Р. С. Ф. С. Р., против которого оказались бессильными все и всякие «дипломатические» ухищрения и тщательно проводившиеся «блокады».

Более того. Русские рабочие не смогли бы победить Колчака, Деникина, Врангеля без такого сочувствия и доверия к себе со стороны угнетенных масс окраин бывшей России. Не следует забывать, что район действий этих мятежных генералов ограничивался районом окраин, населенных по преимуществу не русскими национальностями, а последние не могли не ненавидеть Колчака, Деникина, Врангеля за их империалистскую и руссификаторскую политику. Антанта, вмешавшаяся в дело и поддерживавшая этих генералов, могла опереться лишь на руссификаторские элементы окраин. Этим она лишь разожгла ненависть населения окраин к мятежным генералам и углубила его сочувствие к Советской власти.

Это обстоятельство определило внутреннюю слабость тылов Колчака, Деникина, Врангеля, а, значит, и слабость их фронтов, т.-е., в конце-концов, их поражение.

Но благие результаты национальной политики русских коммунистов не ограничиваются пределами Р. С. Ф. С. Р. и связанных с ней Советских республик. Они, правда, косвенно, сказываются также и в отношениях соседних стран к Р. С. Ф. С. Р. Коренное улучшение отношений Турции, Персии, Афганистана, Индии и пр. восточных стран к России, считавшейся раньше страшилищем этих стран, представляет из себя факт, против которого не решается теперь спорить даже такой храбрый политик, как лорд Керзон. Едва ли нужно доказывать, что без систематического проведения внутри Р. С. Ф. С. Р. очерченной в ыше национальной политики на протяжении четырех лет существования Советской власти упомянутая выше коренная перемена в отношениях соседних стран к России была бы немыслима.

Таковы в общем итоги национальной политики русских коммунистов. Они, эти итоги, становятся особенно ясными именно теперь, в четвертую годовщину Советской власти, когда тяжелая война кончена, широкая строительная работа начата, и невольно оглядываешься на пройденный путь для того, чтобы охватить его одним взглядом.

И. СТАЛИН.

Новый экономический курс и восточные советские республики.

За четыре года революции Советская Россия достигла значительных успехов на Востоке. Бесправные окраины бывшей Российской империи преобразованы в автономные советские республики. В сопредельных восточных странах Советская Россия завоевала доверие самых широких народных масс. Сейчас она делает свои первые шаги на экономическом фронте. Хозяйственная разруха, доведенная нападениями международного империализма и контр-революции на истощенную страну до крайних пределов, сделала невозможным непосредственный переход к коммунизму. Новая экономическая политика должна поднять производительные силы и тем самым укрепить хозяйственный базис Советской власти, не только в центральной России, но и в масштабе всей федерации. И именно, поэтому в четвертую годовщину октябрьской победы пролетариата уместно поставить вопрос о том, какие перспективы рисуются перед Советской властью и коммунистической партией на своих окраинах. Укрепление пролетарского хребта коммунистической партии и Советской власти есть первоочередное требование момента, вытекающее из новой обстановки, из нового соотношения сил на экономическом фронте.

Выборы в Питерский совет показали, что широкие пролетарские массы это усвоили своим здоровым классовым чутьем.

На восточных советских окраинах мы не имеем такой развитой классовой обстановки, как в пролетарских центрах начинающей возрождаться советской промышленности. Кадр туземных пролетариев там крайне незначителен вследствие общей экономической отсталости,—наследия колониального режима. По большей части классы и нации там только еще складываются. Царская политика аграрной колонизации (главным образом, кочевых и предгорных районов) и торговое проникновение великодержавного капитала вызвали там не пролетаризацию широких масс, а массовую пауперизацию, массовое обнищание. Насильственно оторванные от земли кочевники и земледельцы частью стали искать себе заработка на стороне, в качестве батраков у переселенцев-крестьян и казаков или в богатых туземных хозяйствах баев и беков, или на соляных, рыбных и иных промыслах, частью остались в своих аулах и кишлаках, влача самое жалкое, полуголодное существование. С потерей пастбищных угодий кочевники теряли скот, с потерей земли земледельцы попадали в цепкие когти ростовщиков.

По данным Ор. Шкапского.

На 1 кибитку (у киргиз) приходилось скота:

По уездам.	Данные за конец 10 год.	Данные за [illegible] г.	% уменьшения
Верненский	13,77	7,3	80,9
Копальский	11,16	8,8	26,8
Лепсинский	7,71	6,7	14,9
Пишпекский	12,29	10,5	17,1
Аржовальский	22,37	16,0	40

По обследованию Буркина до войны среди киргиз Семиречья насчитывалось:

Бедняков (от 0 до 8 голов скота)	48	пр.
Середняков (от 8 до 25)	35	пр.
Выше среднего (25 и больше)	18	пр.

В 1916 году они имели 9.200.000 голов мелкого и крупного скота, в 1920—2.600.000.

В хлопковой плантации русского капитала, в Фергане (обследование до 1911 г.) задолженность на 1 десятину поливной земли исчислялась:

В группе не сеющих	262,8	руб.
Сеющих до 5 танапов	154,62	»
» от 5 до 10	99,8	»
» от 10 до 20	93,9	»
» свыше 20	58,74	»

Революция лишь частично могла изменить это положение. Так в Семиречье были ликвидированы захваты, произведенные переселенцами после киргизского «бунта» против царского правительства в 1916 г.,—до 50 тысяч десятин. На Кавказе в Горском районе также были предприняты кое-какие землеустроительные работы. В самой туземной среде, в частности в районах поливного земледелия, земельная реформа могла только, очень незначительно коснуться торгово-ростовщического элемента, не занимающегося земледелием, но владеющего землей. Значительный слой полупролетарской бедноты остался и в Туркестане, и в Киргизстане, и на Кавказе. Эта беднота не может рассчитывать устроиться в мелком единоличном хозяйстве. Даже поскольку она получала землю, из-за недостатка мертвого и живого инвентаря она должна искать выхода в коллективных формах организации труда. Лишь благодаря коллективной обработке земли киргизская беднота Семиречья в 1921 году сумела обработать все свои участки.

Новый экономический курс для восточных окраин является жизненной необходимостью, поскольку он, прежде всего, разрешает свободу торговли. При «военном коммунизме» киргиз-батрак и ремесленный подмастерье—узбек, не состоя на государственном довольствии, не имели возможности приобрести даже единственную лепешку, чтобы насытить свой голодный желудок. Он подымет также интенсивное земледелие (хлопок и т. п.). Он поведет к дальнейшему классовому расслоению туземных пролетариев и полупролетариев от более состоятельного слоя. Но тут нужно поставить точку: есть опасность усиления национального антагонизма в колонизированных районах на почве новых возможных захватов земли экономически более сильными переселенческими элементами (с частнохозяйственным капитализмом зарождаются и экономические основания для национально-классовой эксплоатации!); реальна перспектива роста феодально-кабальных отношений в туземной среде.

Как раз по этой причине, в связи с проведением нового экономической

нетильщика И. А. Комарова, с которым когда-то, до революции, вместе работали в профессиональном союзе. Парень согрешил, попал в дурную компанию, растратил деньги союза и теперь сидит в ожидании суда.

Он пишет:

— Я чувствую свою слабость и подлость. Но мне очень тяжело здесь сидеть в обществе разной шпаны. Ни одного рабочего нет. Все буржуи, генералы, епископы, чиновники. Они хотя и выдают себя за рабочих, но на самом деле в душе ненавидят...

Вот что произошло в «Рассее». Согрешивший рабочий, как он ни пал, считает для себя унизительным сидеть в обществе такой шпаны, как генералы, буржуи, чиновники, епископы. А те притворяются рабочими.

Припоминается и такой случай. После первой поездки тов. Красина в Лондон, рассказывали о приключении одного из экспертов нашей делегации в Лондоне. Бывший буржуа и биржевой воротила. В Лондоне он захотел пойти в театр, купил билет первого ряда и уселся было в кресло. Не тут-то было. Его попросили очистить место. Он показывал и билет, и свои документы. Не помогает. Оказывается, он явился не во фраке. Таких пускают только подальше, в верхний ярус.

Наш буржуа был настолько возмущен буржуазным порядком культурной Англии, что у него невольно вырвалось:

— Ах, вы, сволочи! Матросиков бы вам сюда из Чека... Они бы вам показали фраки...

Фраки сильно подорваны в своем значении. Гимнастерка их вытеснила.

Еду из Калуги в Москву. Соседи по вагону такие. Жантильная дамочка в кудряшках, ежеминутно справляющаяся у зеркала (все ли на месте); и припудривающая нос. Говорит в нос с употреблением французских фраз. Ее муж—военспец из Всевобуча и еще один военспец из Губвоенкома. Дамочка была, оказывается, сестрицей в госпитале и там выходила себе мужа, лежавшего в тифу.

— По четыре порции выписывала ему под разными предлогами.

В окна вагона светила калужская луна, заменяя несуществующее освещение. И при лунном свете—о чем вы думаете—шел разговор?

Об огородах, о картошке.

— У нашего Губздрава земля попалась плохая. Сколько ни бьемся с полынкой—толку мало. Вот губвоенкомский огород—замечательный.

— Как же, как же... У них третий год хозяйство. Земля разработана как пух. И дисциплина строгая. Не вышла сотрудница один раз на огород—лишают ее доли в урожае.

— Знаете, у них огородный комитет, хороший. Председатель—артиллерийский генерал Лау. Такой огородник оказался—прямо профессор. И дисциплину держит. Он вообще обнаружил теперь много талантов. И слесарь, и столяр, и сапожник. Да, да... Когда отправляется по делам службы в Москву, берет с собой этакие складные саночки своей работы. Складывает их в палку. А в Москве превращает в саночки, укладывает на них багаж, да еще пару полен дров и везет через всю Москву своей сестре.

— Вот я пробовала сделать такой опыт: посадила картошку на целый аршин глубины. Говорили—громадный урожай будет. Все жду.

— Много значит навоз...

— Да, навоз...—томно вздохнула изящная дамочка и замечталась...

Много я ездил раньше по Рассее, много вагонных разговор слышал от этаких дамочек и изящных офицеров, но никогда о навозе и огородах.

А на окраине Калуги я сам видел незабываемую яркую картину. Веселый, солнечный день. По обе стороны шоссе, на огородах густо пестреет толпа людей-муравьев, копошащихся в грядках.

— Вот эта—самая пестрая компания—совработники. Цветные кофточки и шарфики. Дальше цвет хаки—Губвоенком. А вот—совсем черный народ—рабочие-печатники и строители.

Все поле чернело и пестрело кучами работающих. Звучали песни, оклики, шутки. Люди копали картошку, сулившую хороший урожай.

Тоже пейзаж не из обычных.

Вернемся к «хозяевам» губернии. Могут сказать: не важно, что они мужики. Каковы-то из них вышли хозяева? Я утверждаю, что хозяева эти не хуже, а лучше старых хозяев.

Старые орудовали десятилетия и больше. У них и опыта было больше, и подготовки. Новые всего четыре года и какие 4 года!..

К прошлой, третьей октябрьской годовщине в Калуге вышел сборник «За три года». В нем есть несколько красноречивых фотографий.

Первая—«Калужский Совнарком». Был и такой в Калуге. Первый лепет советской государственности.

Вторая—снимок всей калужской партийной организации. Вся уместилась на одном снимке.

Далее три снимка. 1-й, 2-й и 3-й коммунистические отряды, отправленные из Калуги на фронты гражданской войны. И каждый отряд многолюднее, чем организация, родившая его. Точно сказочная гидра: отсекут одну голову—вырастает десять. Рабочих в Калужской губернии очень мало. Все это были в большинстве крестьяне, выходцы из деревень Розы Люксембург и Декабристов (Ясная-тож). Мудрено ли, что граждане села Розы Люксембург, Интернациональной волости имеют кое-какое понятие о Коминтерне, под знаменем которого бились их сыновья.

Хозяйничать было пока-что некогда. Но уже начали. И начали недурно. Телефонную сеть расширили против времен Трубецких и Горчаковых. Электрическую станцию тоже. Последнее вышло довольно занятно.

Калужане отчаялись получить легально оборудование для станции. «Москва слезам не верит». Но вот явился к ним юркий, энергичный суб'ект и предложил без мелких хлопот за наличные деньги доставить оборудование прямо на двор электрической станции.

— Откуда же вы достанете?

— Мой секрет. Но вам я скажу, если вы не скажете Чека. Из города N, там этого добра валяется много, чем ему валяться, пусть осветит Калугу.

И достал.

Водопровод калужане починили, утечку воды пресекли. Пускают в ход стоявшие заводики. Поднимают упавшее кустарное дело. Но еще больше занимаются судьбами сельского хозяйства.

Такой факт. Не всем известно, что по данным статистики сегодня в России насекомые вредители уничтожают по мелочам до [illegible] урожая. Старые хозяева борьбу с этим злом вели по-гомеопатически, для отвода глаз.

Новые взялись всерьез, научно. В числе присланных в Калужский конц. лагерь врангелевских пленных офицеров оказался один—ученый энтомолог. Сапожник Дюдин (зав. земотделом) вызвал его оттуда, немного обогрел, приодел и дал ему возможность работать. Нашли большой дом, отремонтировали и отвели под «станцию защиты растений от вредителей».

Когда меня привели посмотреть это детище калужского большевизма, я ахнул. Поразительно богатый материал. Целый музей. Я ручаюсь, что даже в Москве у Губземотдела дело слабее. Говорят, что в Москве «станция» ютится в паре комнаток. А калужане нашли большой дом. И планы их, раскинутые энтомологом—очень широки: раскинуть сеть таких станций по губернии—сторожевые посты против врагов хлеба.

Это свидетельствует о серьезном отношении к сельскому хозяйству.

Далее, калужане очень горячо заботятся сейчас о поднятии коневодства.

С какой гордостью повели они меня на конный двор, где у них собраны были перед с.-х. выставкой лучшие породистые лошади.

— Полюбуйтесь-ка, сын «Крепыша»... картинка!!..

Выводили одного коня за другим и губисполкомщики давали характеристику и биографию каждого. Говорили о лошадях с волнением и любовью.

— А вот наше советское детище,—указали мне молодого жеребчика невиданного вида.

В Тихоновой пустыни, бывшем гнезде «черных воронов», отвратительном вертепе разгула и разврата, устроен конный завод и племхоз, где заведует рабочий-коммунист.

И таких заводов несколько.

Впервые за время революции устроенная губернская с.-х. выставка имела громаднейший успех. Через нее за неделю прошло 85.000 человек. (Недавняя с.-х. выставка НКЗ в Зоологическом саду в Москве имела меньше посетителей). Прежние выставки в Калуге, как я выяснил из справочников, имели до 8.000 посетителей, не больше. Выставку создавали с энергичной с.-х. пропагандой.

Я видел в губернии (правда, наспех, за краткостью пребывания) пару прекрасно поставленных с.-х. коммун и совхозов.

Вообще, хозяин в губернии чувствуется. Это—бесспорно. И ведь надо сказать, что нынче управлять губернией куда труднее, чем раньше. Ни губернатору, ни земцу, ни гор. голове не приходилось управлять таким громадным количеством фабрик, заводов, складов, сельских хозяйств и т. п. предприятий.

Поговорите в Калуге с нынешним «губернатором» — булочником Самсоновым. Он разовьет вам практичный план, как в известной постепенности развернуть все хозяйство губернии на хозяйственных началах, не сдавая почти ничего в аренду, а опираясь только на местные средства с небольшим денежным авансом (на первые полгода) от центра. На доход от спичечной фабрики поднять писчебумажную, затем стекольный завод и т. д.

Надо сказать, что Калуга в торгово-промышленном отношении до революции все время шла к упадку:

... «XIX век в истории Калуги являет эволюцию постепенного упадка промышленности и медленного экономического умирания города». («Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге, изд. 1912 г. стр. 48—51).

«Обрабатывающая промышленность почти не существует теперь в Калуге. Торговля хлебом и лесом перешла в другие пункты. Транзит товаров и прогон скота из восточных и южных губерний прекратился. В результате город затих, сделался безденежным и обеднел»... (Там же стр. 51).

Вот какое наследство приняла новая Россия от старых калужских хозяев.

Четыре года напряженнейшей работы без передышки и атмосфере отчаянной борьбы.

Старые губернаторы и земцы подохли бы после 2—3 лет такой работы. У них воскресенье было воскресеньем. Лето они проводили в имениях, на курортах, за границей. Да и в будние дни вечера проводили они в клубе или дома за зеленым столом, отрываясь минутами для яств и питий.

А нынешнему «губернатору» и «земцу» и в праздник нет покоя: надо ехать куда нибудь в деревню митинговать, раз'яснить. Наступит лето — опять не легче. То посевная кампания, то продналог, то топливный трехнедельник, то сплавная кампания. (Кстати, калужане использовали в нынешнем году Оку для сплава дров, чего давно не практиковалось, и результаты очень удачные). Так что и летом не до отдыха.

Да и в какое-такое «имение» поехал бы нынешний «губернатор» на лето? Дома у него в деревне изба развалилась, семья бедствует, помочь ей ничем не может, хоть не показывайся. Соседи смеются над семьей: «что же ваш то не поможет вам лошаденку купить? Власть ведь... самый главный в губернии!»...

Дома втихомолку иногда смахнут слезу: «у людей хозяиново подымают, а у нас никогу»...

Так живут и работают новая Рассея и ее власть.

Мы живем в самой гуще жизни и не имеем возможности посмотреть со стороны глазами. Что изменилось за 4 года? А изменилось вокруг нас все очень значительно.

Начал, в старое стойло, «калужскую» Рассею не загнать. Пусть князь Голицын забудет думать о старых вековых липах, на которых он грозится повесить калужских коммунаров. Липы цветут так же хорошо и без него. Только под липами теперь веселее стало. Там веселится калужская молодежь, и деревня Розы Люксембург устраивает под липами митинги и вечеринки, о чем раньше и мечтать нельзя было, при старом барине.

Я могу предсказать князю Голицыну его судьбу. Он подохнет где-нибудь на чужбине под забором, проев остатки средств, брошенный даже своими детьми. Ибо молодое княжеское поколение сбежит в Россию, вымолит прощение у пекаря Самсонова и сапожника Дюдина и будет принято в члены коммуны «Красный городок», где родились Голицыны. Калужские мужики народ добрый, не в пример князьям. Они старые обиды простят, вешать на липах за вековой гнет не станут. «Трудись, товарищ Голицын, зарабатывай кусок хлеба».

Тоску и томление духа Голицыных я чувствую в их заграничных газетах. Там попадаются щемящие душу стихи в роде такого:

«... Пыль Москвы на ленте старой шляпы»...

Поэт со слезами умиления смотрит, сидя в Париже, на сохранившуюся «пыль Москвы» на ленте старой шляпы. Пыль Москвы—это все, что он унес с собой сознательного. Все остальное—тлен. Его плевет в земле Московской. Он не выдержит, придет с покаянием и будет целовать и обливать горькими слезами ту землю, что в муках и страданиях обрела новое лицо.

Живая Рассея, всякие Дюдины и Самсоновы, родившиеся в деревне «Ясное», а ныне живущие в деревне Декабристов и села Розы Люксембург. Прими в четвертую годовщину твоей новой жизни низкий сыновний привет от горячо любящей тебя армии бойцов за твое освобождение!..

Л. СОСНОВСКИЙ.

курса, необходимо самое упорное и последовательное проведение того, что сказано в резолюции X с'езда по национальному вопросу: «Завоевывая доверие трудящихся масс восточных окраин своей решительной и последовательной борьбой за уничтожение всех видов национального неравенства, партия в то же время сплачивает и об'единяет их для окончательной ликвидации патриархально-феодальных отношений в среде самых угнетенных наций и для приобщения их к коммунистическому строительству. Первым шагом политики классового расслоения на восточных окраинах должно быть отстранение всех туземных эксплоататорских элементов от влияния на массы, борьба с ними во всех органах советского самоуправления, лишение их классовых привилегий путем самоорганизации туземных трудящихся масс в советы трудящихся. При этом, в первую голову, должны организоваться и самым заботливым образом привлекаться в ряды коммунистической партии и к советской работе сравнительно немногочисленные туземные пролетарские элементы работающие на разных промыслах, в копях, на железных дорогах, солеварнях и кулацких хозяйствах.

Следующим шагом должна быть экономическая организация туземной бедноты смешанного профессионально-кооперативного типа, обусловленного переходом туземных трудящихся масс от отсталых экономических форм к более высоким—от кочевого образа жизни к земледелию, от цехового ремесла... к артельной работе, от кустарно-артельного производства к фабрично-заводскому, от мелкого земледелия к плановой общественной обработке земли»... Очень многие товарищи, работающие на окраинах, еще не изжили *колонизаторских* предрассудков и в восточных пролетариях и полупролетариях видят только «мулл из Хивы», как какой-нибудь Гильфердинг или Леви. В Туркестане сделаны только первые шаги к выполнению того, что решил парт'с'езд. В Киргизии, пожалуй, и этого не сделано.

А между тем, нужно только очень немного... марксистского размышления, чтобы понять, что на восточных окраинах полупролетарские элементы должны являться главной *политической опорой* Советской власти и проводником идей коммунистической партии.

Иным кажется, что хозяйственные задачи на восточных окраинах можно с успехом выполнить, не считаясь с политикой партии в национальном вопросе. Не нужно забывать, что хозяйство состоит не только из вещей, но и из людей; не нужно вдаваться в чистейший *струвизм*,—капитализм мол-де—все нас все и вся переварит.

Нельзя дальше проводить советскую национальную политику методами «военного коммунизма», но ее нужно проводить.

Вследствие чрезвычайной отсталости восточных советских республик «государственное вмешательство» в смысле помощи классовому сплочению полупролетариев и хозяйственному строительству должно неизбежно играть более значительную роль, чем в центре. В одном из писем к Марксу, Энгельс писал, что в Индии «свободная конкуренция (водворившаяся безраздельно с приходом англичан) совершенно компрометировала себя». Это гениальное замечание указывает, что на Востоке существуют какие-то *особые* условия и пути для развития «государственного капитализма». Так, скотоводческое хозяйство, до сих пор державшееся (ныне в конец разложенной) патриархально-родовой основой нельзя разбить на ряд мелких единоличных хозяйств. Оросительная система требует непрерывного государственного вмешательства для ее поддержания. И так далее, и тому подобное. *Организующим* элементом хозяйственного возрождения должны выступить туземные полупролетарские слои, ближе всего стоящие к Советской власти.

Советской России приходится в крайне-тяжких условиях решать важнейший «проклятый вопрос» мирового хозяйства, проблему приобщения отсталых народов к современной экономике без насилия, без национального гнета и эксплоатации. По существу своему это *проблема строительства мирового социалистического хозяйства.*

От умелого разрешения тех задач, которые историей поставлены на Востоке перед пролетарской диктатурой, зависит крепость и успехи Советской федерации.

Союз пролетариата центральной России и полупролетарских масс восточных *окраин*—основы федеративного союза народов России, первый фундамент будущего социалистического разделения труда.

Г. САФАРОВ.

Год советской восточной республики.

(Беседа с Народным Комиссаром по иностранным делам т. Г. В. Чичериным).

Истекший год, с ноября 1920 г. по ноябрь 1921 г., характеризуется значительным ростом освободительного национального движения восточных народов, стремящихся к полной политической самостоятельности и экономической независимости. История всех восточных государств за это время богата крупными событиями и представляет в то же время картину непрерывного и все более тесного сближения с ними Советской России.

РОССИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА И НАЦИОНАЛЬНАЯ ТУРЦИЯ.

Первый период переговоров между Советской Россией и национальной Турцией относится еще к 1920 г. Делегация Великого Национального Собрания Турции уехала из Москвы осенью для доклада своему правительству. Дипломатические сношения между Советским правительством и правительством Великого Национального Собрания Турции впервые были завязаны 6 ноября 1920 г. Но вскоре отношения между Турцией и Россией временно омрачились. Турецкие войска Кязима-Карабекира паши победили войска контр-революционного армянского правительства дашнаков, заняли линию, проходящую очень близко от Эривани. Уже после того, как было провозглашено армянское советское правительство, Турция 2 декабря заключила с дашнакским правительством в Александрополе непомерно тяжелый для Армении мир, по которому даже оставшаяся формально независимой часть Армении фактически подпала под полную зависимость от Турции. Этот договор не был признан ни Советской Арменией, ни союзной Российской Советской республикой и его отмена была одним из главных предметов, последующих переговоров между Россией и Турцией.

Одновременно происходили переговоры национальной Турции с державами Антанты. Первые месяцы 1921 г. были заняты этими параллельными переговорами. На лондонской конференции делегации как Константинополя, так и Ангоры, безуспешно требовали отмены Севрского договора, уничтожавшего фактически всякую возможность самостоятельного развития турецкого народа. Председатель турецкой делегации в Лондоне Бекир-Сами-Бей заключил 7 марта с Францией соглашение об эвакуации французами Киликии ценой серьезных уступок со стороны Турции, а 13-го он заключил аналогичное соглашение с Италией. В апреле эти оба соглашения были отвергнуты Великим Национальным Собранием и в связи с этим Бекир-Сами-Бей оставил пост Народного Комиссара по иностранным делам.

Между тем еще 2 февраля турецкий посол Али-Фуад-паша и турецкая мирная делегация с Юсуфом-Кемалем-Беем во главе прибыли в Москву. Московская русско-турецкая конференция закончилась 16 марта заключением договора, закрепившего дружественные отношения между обеими странами. Батум был оставлен за Грузией, а Карс, Ардаган и Артвин — за Турцией. 3 мая тов. Нацаренус был назначен полномочным представителем РСФСР в Ангоре. Его приезд облегчил разрешение конфликта, возникшего в связи с притеснениями, которым подвергалось русское население Карской области.

В связи с тяжелым бедствием голода в России и турецкое правительство, заявили нотой Али-Фуада-паши 12 сентября о пожертвовании хлеба для голодающих Поволжья.

Турецкий народ вынес тяжелое испытание греческого нашествия. Получив от Антанты обильную помощь военным снаряжением и финансами, Греция выставила против национальной Турции более сильную армию, чем армия последней. Благодаря героизму турецких войск, главе национального правительства Мустафе-Кемалю удалось на р. Сакарии, недалеко от Ангоры, нанести решительное поражение греческой армии и отбросить ее далеко на запад. После этого, 20-го октября начались переговоры между Турцией и прибывшим в Ангору французским представителем Франклином-Бульоном. Переговоры закончились предварительным соглашением, по которому, между прочим, Киликия эвакуируется французскими войсками.

В самый тяжелый для Турции момент греческого наступления Украинское Советское правительство предложило делегировать в Ангору в качестве уполномоченного Главкома УССР тов. Фрунзе для ведения переговоров о заключении турецко-украинского договора. В настоящее время тов. Фрунзе находится по дороге в Ангору.

Московский договор между Россией и Турцией предусматривал заключение договора между Турцией и кавказскими Советскими республиками. На основании этого, 26 сентября в Карсе началась конференция представителей Турции, России и трех кавказских республик, которая закончилась 13 октября подписанием договора, урегулировавшего все спорные вопросы между Турцией, с одной стороны, и Грузией, Арменией, Азербейджаном—с другой.

РОССИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА И ПЕРСИЯ.

В Персии 3-я годовщина Октябрьской Революции совпала с радикальной переменой в политических отношениях с Советской Россией. 22-го октября 1920 г. центральный комитет иранской коммунистической партии вынес резолюцию о том, что революция в Персии должна еще пройти через стадию буржуазной революции. Этим самым он полагал конец попыткам введения коммунистического строя в Персии, которые проводило местное Советское правительство в Гиляне. 25 октября отбыл из Баку в Москву чрезвычайный посол персидского правительства — Мошареволь Мемалек, который вслед затем начал в Москве переговоры о заключении договора о прочном мире и дружбе между российским и персидским правительствами.

Как раз в этот момент английская дипломатия напрягала все силы для того, чтобы принудить Персию подчиниться англо-персидскому договору, заключенному раньше правительством Восук-Уд-Доле. 27-го октября демократический кабинет Мушира-Эд-Доуле, противника англо-персидского договора, отказался подчиниться английскому требованию о смещении русских офицеров персидской казачьей дивизией и вышел в отставку. Его преемник Сепахдар сместил русских офицеров, но не решился немедленно открыть меджлис и предложить ратификацию англо-персидского договора. Он обратился к Англии с уверениями, что договор будет внесен на рассмотрение меджлиса, и что правительство примет меры к тому, чтобы ускорить его созыв.

Между тем чрезвычайно благоприятное развитие русско-персидских переговоров в Москве оказало дальнейшее влияние на внутреннюю политическую жизнь Персии. 6-го января получилась телеграмма о согласии персидского правительства на назначение тов. Ротштейна российским представителем в Тегеране. 22 января тов. Карахан пред'явил ноту персидскому послу с об'явлением причин, препятствующих азербейджанской республике вывести из Гиляни свои войска, находящиеся там для охраны подступов к границе, от англичан. Тов. Карахан вместе с тем уведомил персидского посла, что азербейджанская республика отзовет свои войска в случае ухода из Персии английских войск.

Между тем, англофил Сепахдар назначил на 2 января открытие меджилиса для ратификации англо-персидского договора, но 2 февраля оно не состоялось. 21 февраля Тегеран был занят персидскими казаками Ризахана и члены правительства Сепахдара были арестованы. Новый кабинет Зия-Эд-Дина опубликовал декларацию 26 февраля, в которой об'явил англо-персидский договор аннулированным и наметил широкий план внутренних реформ. В тот же день, 26 февраля, в Москве был подписан русско-персидский договор, радикально и окончательно, ликвидировавший все следы прежней царской политики угнетения Персии и положивший начало тесным братским отношениям между народами России и Персии.

13-го апреля лондонское радио сообщило, что эвакуация английских войск из северной Персии закончится в середине мая 1921 г. В связи с уходом английских войск началась эвакуация азербейджанских военных частей из персидских сев. областей. 25 апреля в Тегеран прибыл т. Ротштейн. Несмотря на отказ от англо-персидского договора, кабинет Зия-Эд-Дина проводил англофильскую политику, повлекшую 24 мая к его падению. 4 июня сформировалось новое правительство во главе с Гавам-Эс-Салтане.

Зия-Эд-Дин после своего падения уехал на автомобиле к англичанам в Багдад.

22-го июня открылся меджилис, избранный еще при Восук-Уд-Доле, т.-е., в период английской диктатуры в Персии. Но об утверждении англо-персидского договора он уже не думал.

13-го июля торговая делегация Наркомвнешторга, во главе с тов. Бельговым, выбыла из Москвы в Персию. В это время эвакуация из Гиляни советских войск, была уже закончена, но в Гиляни собственными силами еще держались повстанцы. Персидское правительство обвиняло азербейджанское правительство в оказании повстанцам Гиляни помощи оружием и людьми, но азербейджанское правительство официально это опровергло и персидский консул в Баку официально признал корректное отношение азербейджанского правительства.

После ухода из Персии английских войск, уже при министерстве Гавам-Эс-Салтане были удалены английские инструктора, а 18-го сентября были уволены и выехали в Англию английские финансовые советники. Тогда же были распущены южные персидские стрелки, находившиеся еще под командованием англичан; одновременно удалились оттуда и английские офицеры.

30 октября гилянский фронт был окончательно ликвидирован и не желавшие подчиниться тегеранскому правительству, повстанцы выехали в Азербейджан.

В настоящее время открытие дороги в Персию через ее северные провинции облегчает торговые сношения с ней. Персидское правительство, как и турецкое, пожертвовало хлеб в пользу голодающих Поволжья.

РОССИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА И АФГАНИСТАН.

В отношениях между Россией и Афганистаном за весь истекший год главным вопросом было принятие договора между ними. Еще 14 сентября 1920 г. проект договора был предварительно подписан в Кабуле российским представителем тов. Суричем и Афганским правительством. В январе 1921 г. английская миссия Генри Доббса приехала в Кабул с предложением о заключении договора между Афганистаном и Англией. Англичане предлагали отказаться от всякой помощи индийским племенам, постоянно восстающим против английских властей. С своей стороны англичане предлагали широкую материальную помощь Афганистану и возмещение убытков, понесенных в англо-афганскую войну 1919 г. В ответ афганцы требовали плебисцита в районе племен на границе Афганистана и Индии. Это требование было англичанами отвергнуто.

28-го февраля русско-афганский договор был утвержден в Москве Советским Правительством и афганским чрезвычайным посольством. Общие черты этого договора: *бескорыстие* российской республики, взаимное признание независимости, взаимное декларирование свободы наций Востока, соглашение об открытии консульств, бесплатный транзит через Афганистан и содействие развитию промышленности, техники и общей культуры Афганистана.

Весной 1921 г. в Афганистане начинают проводиться крупные внутренние реформы, составляются уголовный кодекс, [illegible] и закон об уничтожении рабства. Афганское правительство стремится к развитию в Афганистане промышленности, современной техники и к приобщению его к культурной жизни.

В течение следующих месяцев Генри Доббс продолжал в Кабуле борьбу против окончательного утверждения русско-афганского договора. От 7-го до 11-го августа в Кабуле происходили заседания представительного собрания из представителей с мест и видных общественных деятелей для обсуждения вопроса о приемлемости русского или английского договоров. Решено было окончательно ратифицировать договор с Россией и отвергнуть английское предложение. 13-го августа состоялся в Кабуле обмен ратификационными грамотами между Россией и Афганистаном.

Еще 16-го июля прибыл в Кабул новый российский представитель т. Раскольников, которому там была оказана необычайно теплая встреча. В сентябре, после неудачи в деле заключения договора, миссия Доббса выехала из Кабула в Лондон, куда и были перенесены переговоры между Афганистаном и Англией.

НАШИ ОТНОШЕНИЯ С БУХАРСКОЙ И ХОРЕЗЕМСКОЙ РЕСПУБЛИКАМИ.

В Бухарской и Хорезмской советских республиках в течение этого года происходила неуклонная работа по укреплению советского строя. 6-го октября 1920 года был созван первый Всебухарский Курултай, 4-го марта 1921 г. были заключены союзный договор и экономическое соглашение между Россией и Бухарой. 20-го сентября открылся 2-й Всебухарский Курултай.

В марте 1921 г., накануне всехорезмского Курултая, в Хиве произошел переворот. Было выдвинуто новое правительство, [illegible] представляющее оба главных племени республики—узбеков и туркмен. [illegible] борьба между этими племенами, под влиянием Советской власти, чрезвычайно быстро ликвидируется. В мае был созван 2-й всехорезмский Курултай.

РОССИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА И КИТАЙ.

С великой Китайской республикой Советская Россия точно также вступает в дипломатические сношения. 3-го февраля 1921 года в Москву прибыл китайский консул Чен-Куан-Пинг. Китайское правительство в принципе выразило согласие на приезд советского представителя. Детали этого вопроса обсуждались в течение всего последующего периода, пока, наконец, 24-го октября китайский консул сообщил о полученной им телеграмме о признании Китаем торговой делегации Советской России. В этот же день отбыл из Москвы уполномоченный российского правительства тов. Пайкес для переговоров с Китаем о спорных вопросах между обоими государствами.

Дальневосточная республика вступила в дипломатические сношения с Китаем еще в сентябре 1920 года, когда в Пекин прибыл полномочный представитель тов. Юрин.

РОССИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА И МОНГОЛИЯ.

26-го мая, при помощи японских штыков, белогвардейцы произвели переворот во Владивостоке. При помощи японского командования там было установлено черносотенное правительство Меркулова. Одновременно с этим, занимавший Монголию белогвардейский вожак Унгерн, находившийся в тесном контакте с Японией, направил на дальневосточную республику и Российскую Советскую Республику войска.

Образовавшееся еще в период господства в Монголии Унгерна народно-революционное правительство Монголии, создавшее на российской территории народно-революционную монгольскую армию, в тесном союзе с Советской Россией и Дальневосточной республикой, повело борьбу против белогвардейских захватчиков.

Войска Советской России, Дальневосточной республики и Красной Монголии совместно разбили Унгерна и заняли столицу Монголии Ургу, где было образовано монгольское народное революционное правительство. В июле оно обратилось к Советской России с просьбой не выводить части войск из Монголии до окончательной ликвидации внешней опасности. 10-го августа Российское Правительство из'явило на это согласие. 11 сентября Российское правительство согласилось взять на себя посредничество между Монголией и Китаем через свою делегацию в Китае.

26-го октября в Москве открылась конференция с прибывшей делегацией дружественного народно-революционного монгольского правительства о заключении договора о дружбе и братстве между Монголией и Россией.

В настоящее время белогвардейские банды имеются еще в западных областях громадной по своему протяжению Монголии и борьба против них продолжается с успехом.

РОССИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА И ЯПОНИЯ.

Впервые после октябрьской революции открылась возможность непосредственных переговоров между Россией и Японией. 26-го августа в Дайрене (Дальнем) начались переговоры между ДВР и Японией об эвакуации из Приморья японских войск и об установлении экономических сношений между договаривающимися сторонами. Дальневосточная республика поставила условием продолжения переговоров участие российского представителя и японское представительство согласилось вступить в переговоры с российской делегацией по некоторым, интересующим оба правительства, вопросам. 24-го октября выехал тов. Мархлевский, представитель РСФСР, для участия в переговорах с Японией по специальным, касающимся России, вопросам.

* * *

Таким образом, куда мы ни посмотрим, повсюду в Азии происходит укрепление связей восточных государств с Советской Россией, или начинается сближение их с последней. Восточные народы сознают все с большей ясностью, что Советская Россия есть бескорыстный друг, безусловно симпатизирующий их стремлениям к полной политической самостоятельности и экономической независимости.

Новое в задачах профсоюзов.

Пятый год октябрьской революции застает российский пролетариат в сложнейшей социальной обстановке.

Ясность и определенность, сопутствующая всегда непосредственной борьбе, когда всепоглощающей задачей является всадить во врага штык, сменяется сложнейшей социальной обстановкой, когда нужно одновременно преследовать основную цель борьбы и в то же время отступать и, отступая, отражать тучу опасностей, идущих со всех сторон поля битвы.

В частности сильно меняется и общая обстановка профессионального движения.

Появление капиталистических отношений, частных, арендованных, кустарных предприятий ставит перед профсоюзами задачи, которые они не ставили в эти четыре года революции.

Партийная и профессиональная мысль еще не уделяет достаточного внимания этому важному вопросу. По существу вопрос только поставлен, но далеко не учтены многообразные последствия этого нового явления на все профессиональное движение. Проблема пока решается крайне механически. Фиксируется новая задача и намечаются формы ее выполнения и только.

Расширенный пленум ВЦСПС в резолюции о задачах союзов по докладу тов. Андреева констатирует: „максимум внимания профсоюзов должен быть обращен на организацию рабочих и служащих, занятых в частных и арендных предприятиях и учреждениях, в союзы". Далее: профсоюзы на частных предприятиях „должны сосредоточить свое внимание на защите интересов своих членов в области заработной платы, охраны труда и т. п. Заработная плата должна регулироваться заключаемыми коллективными договорами между предпринимателями и союзами. При возникновении конфликтов, борьба за лучшие условия труда должна союзами определяться каждый раз в зависимости от конкретных условий..." Всероссийская тарифная конференция определила формы регулирования труда в частных предприятиях. Казалось бы все ясно: задача поставлена, намечены формы. Остается приспособить аппарат профсоюзов к заключению коллективных договоров, к контролю условий труда на частных предприятиях, к разрешению конфликтов и дело в шляпе. Между тем совершенно очевидно, что последствия нового явления в жизни рабочего класса (разделения его на две части, работающую в предприятиях пролетарского государства и работающую на капиталиста, на частного собственника) выходят далеко за пределы чисто организационных изменений и поправок. Мы имеем дело с явлением не организационного, а социального порядка, и последствия его должны неизбежно отразиться на общем положении профсоюзов в системе пролетарского государства и в частности на характере участия профсоюзов в государственном производстве.

Нельзя при создавшейся обстановке схематически делить промышленность и представлять себе национализированную крупную промышленность как изолированный остров, наглухо отгороженный высокими скалами от бушующей кругом буржуазной стихии. Нельзя думать, что в государственной промышленности все должно остаться по-старому. Крупная национализированная промышленность борется с частно-капиталистической, а там, где борьба—там взаимодействие борющихся сторон, там приспособление к условиям борьбы. В этой борьбе государственная промышленность, чтобы победить, должна выработать формы управления простые, гибкие, экономные, ибо иначе она будет в худших условиях, чем ее конкурент. Уже это одно несколько видоизменяет взаимоотношения низших ячеек профсоюзов и хозяйственных органов. Всероссийская тарифная конференция решила, а пленум ВЦСПС утвердил, что „все вопросы снабжения рабочих, оплаты труда, найма и увольнения рабочих и служащих и т. п. должны разрешаться в предприятиях и учреждениях органами управления, под их ответственностью". За союзами остается общее регулирование условий труда, выработка систем оплаты и нормировки и т. д.

Эта же мысль о самостоятельности заводоуправления в проведении общих положений о тарифной политике имеется и в декрете Совнаркома от 16 сентября. X с'езд нашей партии признал, что быстрое огосударствление профсоюзов было бы крупной политической ошибкой. Социальные сдвиги, происшедшие после X с'езда, вынудили на практике не только не делать шагов вперед в направлении огосударствления союзов, поставленного нашей программой, как перспектива развития, но и сделать шаг назад. Тов. Ленин в своей речи на московской партийной конференции отметил, что в нашей борьбе с капитализмом мы весной этого года были принуждены отступить на позиции государственного капитализма, а что теперь мы принуждены еще сдать некоторые позиции и отступить „к созданию государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения".

В области огосударствления профессиональных союзов наша партия на X с'езде если не сделала шагов назад, исходя из намечавшегося изменения социальной обстановки, то во всяком случае замедлила темп движения вперед. Во всякой борьбе замедление темпа наступления есть уже некоторая уступка.

Жизнь показала, что партия была права, рассматривая вопрос о профессиональных союзах в связи с общей политической и экономической обстановкой. Тем более к настоящему моменту должно относиться осуждение с'ездом „искуственного ускорения темпа огосударствления профсоюзов".

В настоящий момент больше чем когда-нибудь на первый план выступают основные задачи, поставленные X с'ездом перед профессиональными союзами. „Важнейшей ролью профессиональных союзов в Сов. России остается их роль как школы коммунизма"—говорит X с'езд. „Задача состоит в том, чтобы все больше и больше завоевывать в деле для Советского государства эти массовые беспартийные организации". Вот те основные позиции, на которых мы должны закрепиться в области профессионального движения.

В. КУЙБЫШЕВ.

Тов. Ленин в подпольи.

(Июль—октябрь 1917 года).

Вернувшись числа 12-го июля в Питер, я получил приказ Ц. К. партии переправить т. Ленина в безопасное место. До этого момента я, как и многие другие работники, не знал, что с Лениным, где он, хотя все с беспокойством спрашивали об этом друг друга. Получив столь ответственное поручение и подробное указание, где встретить Ленина, я в тот же вечер поехал по указанному адресу. Уже смеркалось, когда приехал в Сестрорецк. Далеко от станции, на одной из глухих улиц, среди дач, населенных петербургскими дачниками, разыскал я указанный мне домик товарища Емельянова—сестрорецкого рабочего. Это был одноэтажный, в 3 окна на улицу, домишко. Войдя туда, сообщив хозяйке пароль и спросив «Константина Петровича» (так назывался по паспорту т. Ленин), я присел и огляделся. Домик состоял всего из двух комнат и был битком набит ребятишками. Хозяйка, мать четверых детей, знала, что «Константин Петрович»—Ленин, и, несмотря на огромный риск, которому она подвергалась, укрывая т. Ленина, не выражала ни малейшего волнения, и на мой вопрос, как его здоровье, весело сообщила, что Владимир Ильич чувствует себя превосходно и на одно лишь жалуется, что газеты приходят неаккуратно.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что Владимира Ильича, ради его безопасности, пришлось переселить в лес, так как тут, по ее словам, его могли бы встретить шпионы, которые шныряют кругом. Так как мне нужно было видеть Владимира Ильича в тот же день во что бы то ни стало, то хозяйка позвала своего сынишку и предложила ему проводить меня на место. Несмотря на поздний час (было около 11 час. вечера), мальчик, лет 12—13, с удовольствием согласился. Пройдя закоулками до берега залива, мы спустили на воду лодку; я сел за весла, а мальчик на руль, и мы поплыли среди зарослей при лунном свете, к месту жительства тов. Ленина. После путешествия около получаса по заливу и 10-минутной ходьбы среди болотного кустарника, мы подошли к огромному стогу сена, сложенного на прогалине.

После данного мальчиком сигнала, к нам вышло два человека. Было уже темно, и только слабый свет луны освещал закутанные в зимние пальто фигуры; в них я едва узнал Владимира Ильича и Зиновьева. О том, что тов. Зиновьев находится вместе с Лениным, я знал раньше, поэтому не удивился, увидав их вместе. После горячих приветствий, мы уселись у стога сена, и меня засыпали вопросами.

Перед тем, как ехать к тов. Ленину, я зашел в петербургский комитет большевиков, который в то время помещался на Выборгской стороне; там, между прочим, гадали, где находится тов. Ленин. Тогда же, в беседе о дальнейшем развитии революции, тов. Лашевич, между прочим, сказал: «Вот, посмотрите, т. Ленин будет в сентябре премьер-министром».

Сидя у стога и сообщая Ленину и Зиновьеву петербургские новости, я, между прочим, передал им слова тов. Лашевича, на что тов. Ленин очень спокойно ответил: «В этом ничего нет удивительного».

От такого ответа я, признаться, немного опешил и поглядел на него с изумлением. Заметив мое удивление, Владимир Ильич обстоятельно стал об'яснять мне, как пойдет дальнейший ход развития русской революции.

Я очень жалею, что не изучил стенографии и не записал тогда все то, что он говорил. Но вспоминая беседу на берегу залива, у стога сена, я убеждаюсь, что многое из того, что произошло после Октябрьской революции, Владимир Ильич еще тогда предвидел. Свои знаменитые брошюры—«К лозунгам» и «Удержат ли большевики государственную власть?»—он писал в это время у стога сена.

Несмотря на июль месяц, ночные болотные испарения давали о себе знать. Я дрожал в своем летнем костюме от пронизывающего холода. Спать легли мы в стоге, где заботливая рука тов. Емельянова устроила нечто вроде спальни. Несмотря на зимнее пальто, которым меня укрывали, и на то, что я лежал в середине между Лениным и Зиновьевым, я долго не мог заснуть от холода.

После этого я в продолжении двух с лишним недель приезжал из Питера через день-два, привозил им провизию, газеты и пр., организуя в то же время надежное убежище для более продолжительного и приличного их существования.

При первой же встрече было принято решение переехать в Финляндию, где при помощи финских товарищей можно было устроиться более или менее безопасно и удобно. Затруднения возникли в выборе способа переправы через границу, которая в то время охранялась необычайно тщательно.

Несмотря на то, что со времени перехода Ленина и Зиновьева на нелегальное положение прошло около месяца, газеты продолжали травлю с неослабевающей энергией, и как черносотенные, так и либеральные газетчики с пеною у рта требовали ареста Ленина во что бы то ни стало. Не только контр-разведка и уголовные сыщики были поставлены на ноги, но даже собаки, в том числе знаменитая собака-ищейка «Треф», были мобилизованы для поимки Ленина. Но не только охранники и собаки были заняты поисками Ленина, им помогали сотни добровольных сыщиков среди буржуазных обывателей. И, наконец, однажды появилась в газетах заметка, что 50 офицеров «ударного батальона» поклялись найти Ленина или умереть.

Пока охранники, собаки и сыщики были заняты поисками Ленина, а я поисками надежной переправы через границу, сам Ленин был занят работами VI партийного с'езда большевиков, которым он руководил из своего, весьма неудобного, убежища. Когда покойный Я. М. Свердлов, председательствовавший на с'езде, ставя на голосование резолюцию, писанную рукою Ленина, сказал, что, хотя Ленин и лишен возможности лично присутствовать на с'езде, но невидимо присутствует и руководит им, то все газеты подняли невероятный вой и с утроенной энергией стали требовать немедленного ареста Ленина. За делегатами с'езда была усилена слежка, и мне, как члену с'езда, пришлось быть очень осторожным и свои поездки в Сестрорецк обставлять чрезвычайными мерами предосторожности, чтобы не навести шпиков на след.

С переездом в Финляндию надо было торопиться, так как дальнейшее пребывание в болоте становилось опасным. Появлявшиеся время от времени вблизи убежища охотники за дичью могли случайно наткнуться на скрывающихся; сидеть же целые дни внутри стога и выходить только ночью становилось невыносимым. Общая же обстановка и атмосфера, созданная в городе газетной травлей и зловещими слухами, были таковы, что расчитывать на убежище у прежде сочувствовавшей революции интеллигенции, имеющей удобные квартиры, не приходилось.

Большинство активных, испытанных партийных работников были или арестованы, или раз'ехались по постановлению Ц. К. партии в провинцию. За теми же товарищами, которые остались в Питере на свободе, была установлена тщательная слежка. В выборе людей, помощь которых была необходима, нужно было быть чрезвычайно осторожным, ибо малейшая неосторожность могла привести к аресту,—а арест в то время для тов. Ленина был равносилен почти его убийству со стороны озверевших агентов Керенского.

Все это чрезвычайно затрудняло мою задачу и задерживало переезд. Проектов перехода через границу было несколько.

Каждый проект подвергался тщательному обсуждению и проверке.

Забраковав несколько проектов, мы, наконец, решили перейти финляндскую границу пешком, под видом сестрорецких рабочих (многие сестрорецкие рабочие жили на финляндской территории, и для них существовали упрощенные паспорта для перехода границы). Тов. Емельянову было поручено достать у своих тов. по заводу паспорта. Паспорта были получены; нужно было только переменить на них фотографические карточки; тов. Ленин в парике, без усов и бороды был почти неузнаваем, а у тов. Зиновьева к этому времени отросли усы и борода, волосы были острижены, и он был совершенно неузнаваем. Оставалось только сфотографировать их в этом виде, наклеить карточки на паспорта и, под видом рабочих, перейти границу.

Фотограф был найден, в лице тов. Лещенко, который приехал с аппаратом и снял Ленина и Зиновьева в их «нелегальном виде». Но прежде, чем переправиться, решено было проверить, насколько тщательно проверяют пограничники документы. Проверить поручено было мне лично. С этой целью мне пришлось исхлопотать для себя в генеральном штабе Керенского разрешение на право свободного перехода через финляндскую границу, туда и обратно. Как финляндскому гражданину, мне без особых затруднений такое разрешение было выдано. Для большей верности, я решил взять себе помощника. В качестве такового, я пригласил беззаветно преданного революции тов. Э. Рахья, впоследствии знаменитого комиссара финской Красной гвардии. Он исхлопотал себе такое же разрешение в штабе, и мы отправились проверять границу. Перейдя пешком в нескольких местах границу, мы убедились, что этот способ ненадежен, так как при каждом переходе пограничники чуть ли не с лупой просматривали наши документы и чрезвычайно внимательно сличали наши физиономии с фотографическими карточками. Этот способ перехода был отклонен, и остановились на плане, предложенном мною и тов. Рахья. Наш план заключался в следующем. Ленин поедет в Финляндию на паровозе, в качестве кочегара, а Зиновьев останется в Петербурге, где для него уже приготовлена комната в Лесном, недалеко от ст. «Удельная», Фин. ж. д., в квартире [illegible] рабочего, тов. Э. Кальске. Не более было решено сначала перебраться на квартиру тов. Кальске, там переночевать и уже оттуда пойти вечером на «Удельную», где тов. Ленин сядет на паровоз, а мы с тов. Рахья в этом же поезде будем сопровождать его на финляндскую территорию до станции «Териоки», где в нескольких верстах от станции приготовлена надежная квартира. Машинист, т. Г. Ялава, согласившийся взять к себе на паровоз тов. Ленина, был мне хорошо знаком еще с детства. Когда я ему рассказывал, какому большому подвергается он риску, он с истинно-финским хладнокровием только улыбался и уверял, что «все пойдет очень хорошо».

Когда все было приготовлено и, по нашему мнению, все было в порядке, мы с тов. Рахья поехали в Сестрорецк, чтобы в тот же день вывести т.т. Ленина и Зиновьева из болота. Тов. Емельянов с сыном были уже у стога и укладывали в лодку пальто, одеяла и проч.

Согласно нашему плану, мы с тов. Рахья предполагали добраться до квартиры тов. Кальске таким путем: по Сестрорецкой ж. д. доедем до ст. «Озерки», и оттуда по Выборгскому шоссе или полотну Финляндской ж. д., около шести верст, пройдем пешком до квартиры. Тов. Емельянов предложил другой путь: пройти пешком до ст. «Левашево», а оттуда, поездом по Финск. ж. д., проехать до ст. «Удельная» (от ст. «Удельная» до квартиры около одной версты). После недолгого обсуждения, взвесив за и против, большинством принято было предложение тов. Емельянова.

Наконец вещи уложены, мальчик сел в лодку и поехал домой, а мы, пятеро, побрели вдоль залива, сквозь кустарник, по направлению к Финляндской ж. д. Итти нужно было верст 10—12. Время было около девяти с половиной вечера, уже смеркалось. Шли гуськом, ведя, тов. Емельянов впереди, как знающий дорогу. Вышли на проезжую дорогу, стало веселей; дорога пошла хорошая; навстречу—ни души. Следом за т. Емельяновым свернули с дороги на тропинку. В одном месте, благодаря темноте, потеряли тропинку, наткнулись на речку, которую перешли в брод, для чего пришлось раздеться. Разыскивая дорогу, попали на болото, обходя которое, очутились среди торфяного пожарища. После долгих поисков дороги, окруженные тлеющим в корне кустарником и едким дымом рискуя ежеминутно провалиться в горящий под ногами торф, выбрали на тропинку, которая и вывела нас из пожарища. Чувствуем, что окончательно заблудились. И, полной [illegible] руководимые т. Емельяновым, который утешал нас тем, что он заблудился здесь в первый раз.

Наконец, где-то прогудел паровозный гудок. Т.т. Емельянов и Рахья отправились на разведку, а мы уселись под деревом ждать их возвращения. У меня в кармане были три свежих огурца, но хлеба и соли не догадался захватить. С'ели так. Минут через 10—15 вернулись наши разведчики с сообщением, что мы находимся близ ст., «кажется», «Левашево». Надо отдать справедливость Владимиру Ильичу: ругал он нас за плохую организацию пресвирепо. Нужно-де было приобрести карту-трехверстку, почему предварительно не изучили дорогу и пр. За «разведку» тоже досталось: почему «кажется», а не точно узнали, какая станция. Всячески оправдываясь, мы побрели по направлению к станции. Станция оказалась не «Левашово», а «Дибуны», находящаяся всего в 7 верстах от финляндской границы. Положение не из приятных. В лесу мы могли каждую минуту нарваться на разведку пограничной стражи и быть арестованными, как подозрительные лица, ибо не будут же порядочные люди шататься в час ночи в стороне от жилых мест около границы. У железнодорожного сторожа узнали, что последний поезд в Питер пойдет в 1 ч. 30 мин. ночи. Оставалось ждать минут 15. В ожидании поезда мы уселись на конце перрона, на противоположной стороне станции, послав тов. Рахья на станцию проверить, на всякий случай, нет ли чего подозрительного. Вернувшись со станции с озабоченным лицом, он сообщил, что там стоит патруль из 10 до зубов вооруженных юнкеров. Дело плохо. Могут подойти, поинтересоваться, что за люди вдруг появились на пустынном перроне. Я предложил т.т. Ленину, Зиновьеву и Рахья уйти под откос, в темноту, а сам с Емельяновым остался сидеть на месте. Не успели они спуститься вниз, как к нам подходит вооруженный винтовкой юнкер и обращается к тов. Емельянову с вопросом, что он тут делает. Так как Емельянов к такому вопросу не был подготовлен, то понес чепуху, которая, повидимому, юнкера не удовлетворила, так как после фантастических об'яснений Емельянова он предложил ему следовать за ним. Моя особа, как более прилично одетая, повидимому, не возбудила в юнкере подозрений, так как он очень вежливо осведомился, не дачник ли я местный и не жду ли я поезда, идущего в Петроград, на что я ему тоже очень вежливо ответил утвердительно. Затем он молодцевато звякнул шпорами, повернулся и повел с собой оплошавшего Емельянова. Не успел я очухаться, как подошел поезд. Как же мне быть, думал я, и решил остаться, чтобы завтра проведя остаток ночи и дня в лесу увести Ленина и Зиновьева в «Удельное». Только я успел притти к этому решению, как передо мною появился человек с винтовкой, но на этот раз в форме ученика реального училища, и вежливо, но настойчиво докладывает: «Это—последний поезд, сегодня больше не будет. Вы на этом едете?» Мне ничего больше не оставалось делать как подняться на площадку вагона, что я и сделал. Все это произошло так неожиданно, что я был буквально ошеломлен, ошеломлен до того, что выскочил из поезда не на ст. «Удельная», где я должен был сойти, чтобы предупредить тов. Кальске о случившемся, а на ст. «Озерки», т.-е., не доезжая 6 верст. Заметил я свою ошибку только тогда, когда поезд уже ушел. Было уже около трех часов утра, когда я пришел к тов. Кальске. Когда я вошел к нему в комнату, я не верил своим глазам: на полу лежали и, глядя на мою растерявшуюся фигуру, хохотали Ленин, Зиновьев и Рахья. Оказывается, что они, сидя под откосом, видели, как арестовали Емельянова, и как меня реалист чуть не штыком подсаживал в вагон. Вместе со мной в поезд сели и они, и, так как они не растерялись, как я, то и доехали спокойно до ст. «Удельная», а пока я плелся с «Озерков», они успели поужинать и уже почти засыпали, когда я пришел...

Теперь предстояло, как можно скорей, предупредить жену тов. Емельянова об аресте ее мужа (на утро, впрочем, его освободили), чтобы она могла скрыть следы пребывания т.т. Ленина и Зиновьева.

Квартиру тов. Емельянова знала тов. Полуян, проживавшая на Петербургской стороне, по Широкой улице. Ее было решено послать с первым утренним поездом в Сестрорецк. Так как времени терять было нельзя, я, кое-как перекусив, пошел к тов. Полуян. Был уже шестой час, когда я добрался до ее квартиры. Рассказав, что надо сделать, я поспешил на Выборгскую сторону, к машинисту тов. Ялава, который должен был в этот же день вечером отвезти Ленина в Финляндию.

В тот же день вечером, оставив тов. Зиновьева на квартире тов. Кальске, мы втроем направились к станции. С замиранием сердца ждем у перрона прихода поезда. Наконец, подходит. На паровозе мелькнула знакомая фигура машиниста. Жмем Ильичу руку и направляемся к паровозу. Ильич в парике, бритый, похож на настоящего финна. Вскочив на паровоз и засучив рукава, берет полено, бросает в топку. Все идет хорошо. На каждой остановке мы с тов. Рахья выскакиваем из вагона, наблюдаем за паровозом,—сердце екает. Поезд подходит к Белоострову, предстоит 20-минутная остановка и тщательная проверка документов, а, может быть, и обыск. Едва поезд остановился, находчивый тов. Ялава отцепляет свой паровоз и уводит его куда-то в темноту, за станцию, набирать воды. Мы чуть не аплодируем. И пока бывшие жандармы проверяли документы, тов. Ялава где-то «набирал воду». Перед самым третьим звонком подходит паровоз, дает гудок, и минут через 15 мы почти в полной безопасности на финляндской территории. Мы с тов. Рахья спешим к паровозу, радостно жмем руку Ильичу. У станции «Териоки» приготовлены лошади, в четырнадцати верстах квартира.

Оставляя Владимира Ильича на попечение тов. Рахья, я со следующим поездом еду в Гельсингфорс приготовить квартиру и дальнейший переезд по ж. дор. до Гельсингфорса. Посланные на другой день из Гельсингфорса в Териоки два товарища-финна доставили т. Ленина в небольшой город Лахти, находящийся в 130 верстах от Гельсингфорса. При помощи депутата финляндского сейма устраиваю дальнейшую переправу и, наконец, встречаю Владимира Ильича в Гельсингфорсе на квартире... гельсингфорского полицеймейстера.

В то время—еще при буржуазном правительстве—социал-демократы при коммунальных выборах, получив большинство голосов, назначили полицеймейстером социал-демократа Рустава Ровио. Это был петербургский рабочий, ныне финский коммунист, затем при красном правительстве он был начальником милиции гор. Гельсингфорса. Более надежной квартиры нельзя было придумать.

После водворения Владимира Ильича в столь надежное место, я счел свою миссию выполненной. По приезде в Петроград, я получил от ЦК командировку на Урал. По приезде с Урала я застал Владимира Ильича уже в Выборге, а затем, в конце сентября, в Петрограде. С сентября до 24 октября Владимир Ильич непосредственно руководил подготовкой Октябрьской революции.

Когда, наконец, было решено взять государственную власть в руки рабочих, Владимир Ильич 24 октября переехал из Лесного в Смольный. А 25 октября 1917 года Владимир Ильич вновь легализовался, но на этот раз уже в качестве Председателя Совета Народных Комиссаров.

А. ШОТМАН.

Задачи Красной армии в мирный период.

Из трехлетней непрерывной борьбы с полчищами русской и мировой буржуазии Красная армия вышла полной победительницей.

Все предсказания, все утверждения старого генералитета о том, что создать армию из ничего нельзя, что на это дело нужны десятилетия,—не оправдались. Рабоче-крестьянская армия создалась из недр революционного рабочего класса, умножилась революционно настроенной крестьянской беднотой, спаялась Коммунистической партией и, молодая, неопытная, необученная, но сильная своим классовым самосознанием и революционным духом, победила белогвардейские армии, построенные и руководимые непримиримыми старыми офицерами и генералами. Не поздоровилось в борьбе с Красной армией и армиям: французской, английской и польской буржуазии.

В этих трехлетних победоносных войнах Красная армия создала прочные кадры, всецело проникнутые рабочим, коммунистическим влиянием. Они явились советскими школами для нашего темного крестьянства.

Наступившее мирное время подавало большие надежды на широкое использование Красной армии для целей восстановления хозяйства страны, совмещая службу военную и трудовую.

Но эти надежды не оправдались.

Демобилизация лишила Красную армию трех четвертей ее состава, и притом, самых обученных, закаленных и испытанных годов.

К этому же прибавились расходы и разброска войсковых частей на борьбу с бандитизмом, на несение бесконечной гарнизонной службы и проч.

На эту тяжелую работу расходуются все 100 проц. сил Красной армии. Такое положение не только делает невозможным использование воинской силы для трудовых целей, но даже затрудняет непосредственную подготовку армии.

А подготовка для нее теперь нужна более, чем когда-либо, так как Красная армия лишилась, в силу демобилизации, как это уже упоминалось выше, наиболее подготовленных годов, большого количества коммунистов, а сверх того, командный состав, выработавшийся в великолепных боевых командиров, оказался очень плохим воспитателем в роли инструктора и воспитателя.

Все это делает задачу подготовки и воспитания Красной армии чрезвычайно тяжелой. Нужна энергия, нужно найти правильные методы к поддержанию и даже увеличению степени военной и политической подготовки.

Как подойти к этому вопросу?

В первую очередь придется взяться за командный состав, как за аппарат, осуществляющий непосредственную подготовку войск. Надо хорошенько просмотреть, прочистить и классово подобрать его. Надо широко развить подготовку и выдвигание его из рядов красноармейцев. Надо сделать их и хорошими инструкторами военного дела, и политическими воспитателями масс. Надо до максимума повысить процент коммунистов в среде командного состава. Здесь большую роль должна сыграть военная подготовка комиссаров и перевод их на командные должности.

В общем этот основной вопрос у нас разрешен правильно. Гувуз дает массовую подготовку командиров из рабочих и крестьян, и притом очень высокой квалификации. Сеть повторительных школ и военных академий довершает образование наших боевых красных командиров. Наконец, последние проходят серьезную школу и в период их текущей работы в войсковых частях.

Большое зло в вопросе о командных составах составляют невыносимые условия его существования. Оплата труда его настолько мизерна, что на нее командир не только не может поддержать семью, но не в состоянии прокормиться и сам.

В последнее время местные советы берут под свое покровительство находящиеся в их районе воинские части и есть надежда на улучшение быта командного состава.

Подготовка политрука в частях точно также ставит серьезные и трудные задачи. Наш состав политруков требует большой над собой работы.

Подготовка красноармейца принимает очень обширные формы.

Красноармеец побеждал, но дело военно-техническое знал плохо, и не мало пролил за это напрасной крови. Молодые (900—901) года особенно хромают в этом отношении. Они не могли пройти школы старой армии, а в Красной армии они прямо попадали на фронт после самой беглой и поверхностной подготовки. Эти года надо усиленно обучать. В специальных войсках они особенно много доставляют хлопот, ввиду требующейся длительной специальной подготовки.

И все-таки все эти трудности не должны нас пугать и не пугают. Красная армия поставила себе задачей не только подготовить квалифицированного красноармейца, но довести каждого из них до степени подготовки командира отделения.

Трудности эти увеличиваются еще и по причине указанной выше разброски частей и непрерывной, изнуряющей гарнизонной службы и борьбы с бандитизмом.

Наш красноармеец — прекрасный боец, но пережитки старой неорганизованности еще и до сих пор чувствуются. Неряшливость, небрежность, неисполнительность видны повсюду. Борьбу с этим надо вести самую строгую и самую настойчивую. Точность, аккуратность и исполнительность должны стать отличительной чертой красноармейца.

Очень сложную задачу представляет из себя политическая обработка красноармейской массы. Сырой крестьянский материал, непременно требует для успешности его обработки присутствия в своей среде рабочих элементов и коммунистического влияния. А коммунистов, как раз, мало. Поэтому залог успеха заключается в напряженности работы политотделов и вообще всех военных коммунистов, при деятельной поддержке местных партийных организаций.

В общем, в связи с демобилизацией, в связи с отсутствием хорошо подготовленного командного состава, в связи с недостатком коммунистов, положение Красной армии очень тяжелое. Это необходимо осознать и принять решительные и энергичные меры к его улучшению.

Общая помощь, общее внимание партии к Красной армии для усиления ее мощи и боеспособности! И общими усилиями, и общим напряжением Красная армия из затруднений демобилизации выйдет такой же победительницей, какой она вышла из войны с мировым капиталом, и будет также строго и верно стоять на страже завоеваний Октябрьской революции.

М. ТУХАЧЕВСКИЙ.

Октябрь.

Звени, Октябрь, синими снежинками,
Пой шелестом знамен в ликующих
сердцах,—
За черными, тяжелыми поминками
Мы будем праздновать свой праздник
без конца.

Сегодня в душах—красные гвоздики,
Сегодня в мускулах—железо и гранит,
Четвертый год Октябрь огнеликий
Стоит у входа в солнечные дни.

Борьба и Труд всегда и всюду с нами
О, эти смуглые от солнца близнецы!

Они кричат стальными голосами
О светлой радости во все концы.
Сегодня о минувшем вспоминая,
Возлюбленный к возлюбленной
прильнет,—
Так много жизни с'ела ночь немая,
Так много сил украл минувший гнет!..

Звени, Октябрь, синими снежинками,
Пой шелестом знамен в ликующих
сердцах,—
За черными тяжелыми поминками
Мы будем праздновать свой праздник
без конца.

В. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ.

ВОСПОМИНАНИЯ.

Октябрь.

1.

В сумраке вечера тяжелое широкое здание Смольного с тремя рядами освещенных окон видно далеко.

По широкой, твердой, чуть оснеженной дороге, ныряя в неглубоких ухабах, спешат к каменной дыре под'езда солдаты, матросы, скрипят галошами штатские с поднятыми воротниками, журчат автомобили и мотоциклетки.

— Сторонись!

— Ишь, буржуи, расселись!

— С дороги!

На ступеньках под'езда сидит караул. Пулемет Гочкиса, высокий, тощий, с укутанным от мороза железным носом, желчно смотрит на Лафонскую площадь. Часовой - сибиряк курит большую сигару.

В вестибюле толчея. Быстро и заговорщицки кто-то убеждает товарищей не спешить, «погодить», брать у коменданта пропуска.

— Товарищи!

— Не спешите, товарищи!

— Все поспеете, товарищи!

2.

Но они спешат, торопятся, стремятся всклокоченной нервной толпой, не могут вместиться в рамки стен, переливаются через край, зловеще и нестройно бурлят.

Здесь было тихо. Степенно шли классные дамы в козловых башмаках, резвыми ногами обегали лестницы дочери тех, чье царство низвергнуто во прах; изредка проплывали в облаках благоговейного шопота расшитые золотом старички с орденами, с сановным взглядом старых пустых глаз.

А теперь—шум. Под черными сводами гулко, как в бане, отдаются чьи-то приказания, грохочут десятки ног сменяющейся охраны.

По коридорам густыми серыми струями текут патрули, команды, пикеты. Озверевший матрос в лохматой шапке, волочит на веревке, как маленькую собачку, пулемет.

От духоты, от горячего пара человеческих тел замутились электрические лампочки под сводчатым потолком.

Несут патроны и гранаты.

— Товарищи! К Зимнему!

— В атаку на корниловскую власть!

Несут хлеб. Тюки с литературой.

Несут котелки с горячими щами. И чье-то тело в грязной гимнастерке, раненое, или уже мертвое, мягко поникшее на трех парах рук.

3.

Есть вожди, но сейчас не видно их.

Рядом, в душных, дымных комнатах, в сети телефонных проводов, уже который день бессонно, лихорадочно работают люди, направляющие машину восстания. Исполинская возня, дыхание, пасы выталкивают их в общую, кипящую воронку.

Грохот и рев многих тысяч глоток заглушают пронзительный, настойчивый голос Троцкого, спокойные командные слова Ленина, стремительные крики десятков октябрьских вождей.

Тесно. В двухсветном актовом зале сгрудилось более тысячи человек. У стен, меж колонны заметна маленькая красная трибуна. На трибуне каждые пять минут новый оратор вздымает к небу кулаки. Глаза! Зубы! Жесты! Проклятия!

Одному оратору мало и трибуны. Взобрался на случайный узкий письменный столик и возвышается над толпой,—коротенький, грузный, с седеющей низкой рыжеватой головой, с голубоватыми глазами.

Мнет нервно кушак, пока толпа стихнет.

— Знаете вы меня товарищи?

— Знаем!

— А знаете ли вы, товарищи, что сейчас нужно нам сделать?

— Знаем...

4.

У стены, заложив палец между пуговицами теплого пушистого серого пальто, крепко зажав зубами папиросу, прислонился молодой человек в котелке.

Видимо, растерялся в шумных хоромах революции. Запрокинув голову, растерянно вглядывается в сутолоку переворота, в хаос творчества. Задевает взглядом и нерешительно окликает по-французски. Просит указать справочное бюро.

— Вы француз?

Он американец. Анархист. Приехал в Россию смотреть русскую революцию.

— Нравится?

О, да, нравится. За полгода русские сделали больше, чем французы и все другие за много лет. Они пойдут далеко. Только он не знал, что русские будут так драться между собой. Ведь у русских—Толстой и они не противятся злу... Прямо, непонятно. Такой неожиданный русский народ.

Иностранец идет искать справочное бюро. На лестнице, заслышав незнакомый говор, оборачивается рослый бородач-солдат с ведром щей в руках. Руки засучены—крепкие руки с темными тугими жилами, выпачканными в горячей гуще.

А у американского анархиста пальто мягкое, толстое, пушистое, ласковое. Он и в аду будет искать справочное бюро.

5.

«Детский» под'езд Зимнего дворца выходит на Неву. Над входом—фонарь. Желтый свет вяло плещется в черной луже, на скользких перилах набережной, на черной глади реки.

У освещенного круга перед под'ездом со сдержанным гулом дожидаются автомобили. Вчера и еще сегодня утром длинный и шумный хвост моторов шевелился по набережной. Теперь их мало. Перестали ездить в Зимний.

Сзади — Нева и густая цепь юнкеров. Впереди — низкие, неумелые баррикады из дров. В щелях, между грудами поленьев —женщины-ударницы с винтовками в руках,—оробелые, маленькие, коротконогие.

Четыре пулемета. Неизвестно кем оставленная телега с кирпичами.

И дальше — мрак, частые выстрелы, сердитые яркие ракеты в ночном небе. То ли большевики в Смольном пускают, то ли матросы за Николаевским мостом.

В три часа Смольный предложил Временному правительству сдать оружие и власть. В четыре — юнкера и женщины-добровольцы обещали министрам, что защитят их до последней капли крови. В шесть — из Петропавловки опять предложили сдаться. Кто-то властно и грубо выключил телефоны и дворец очутился одиноким, обреченным островом среди Петербурга.

В слабо освещенной приемной напряженно-спокойно и уже нет суеты. Два молодых солдата в бессонной усталости опустились на подоконник и о чем-то думают.

Из створчатой двери большого кабинета кучкой вышли министры. Они почти все здесь—Временное правительство последнего состава.

Недостает троих. Верховский, странно исчез. Прокопович бездейственно сидит в Мариинском дворце. А Керенский неизвестно где. В Пулкове, в Гатчине или в Красном, или еще где-нибудь, где остались верные войска Временного правительства, Временного совета, Временной республики.

Александр Коновалов заменяет министра-председателя. Гладкая у него пелит. Один рукав запачкан мелом. Он смотрит в темное окно, потом снимает пенсне, устало щурится на окружающих.

Терещенко медленно водит рукой по тщательно выбритому подбородку. Малянтович улыбается. Вслушиваются в темноту.

На площади сразу и громко загрохотали пулеметы. Может быть, это Керенский подоспел с казачьими сотнями? Или уже идут, рвутся большевики?

Надо только ждать. Того или другого— все равно, ждать. Другого делать нечего.

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Как мы брали 25 окт. Зимний дворец.

(Наброски участника).

За несколько дней до октябрьского переворота почти во все крупные части петроградского гарнизона—гвардейские резервные полки, военные училища и т. д. были назначены постановлением военно-революционного комитета комиссары Петроградского совета. Роль их сводилась к подготовке предназначенных к активному участию в перевороте частей, к руководству их действиями во время намеченного переворота и к обезвреживанию действий и распоряжений штаба Петроградского военного округа. Большая часть этих комиссаров рекрутировалась из молодых офицеров—большевиков, активных работников военной организации при Ц. К., только недавно выпущенных под залог партийной организации из тюрем, где они сидели по обвинению в активном участии в событиях 3—5 июля. Я был назначен в гвард. Павловский полк.

Дни пролетали быстро. Делегаты на 2-й С'езд Советов с'езжались. После состоявшегося недавно перед тем—18 и 19 октября—собрания активных работников петроградской организации,—всем было ясно, что переворот неизбежен, что он будет и к нему нужно во что бы то ни стало подготовиться. Это убеждение вкоренилось в голову каждого солдата, и мысли и взоры всех были обращены на предстоящее открытие с'езда. В полках происходили собрания и митинги, на которых кроме местных ораторов выступали также приехавшие на с'езд делегаты - большевики с фронтов и из провинции. Так подошло 24-е октября,—канун знаменитых событий, день, когда внимание и ожидание достигли наивысшего напряжения.

«Разводят мосты»,—вот тот сигнал, который развязал эту напряженность и после которого уже можно было сказать: столкновение началось. Временное правительство, прекрасно сознавая, что работа 2-го с'езда советов неизбежно будет связана с открытой вооруженной борьбой за власть, и зная и видя, что в частях гарнизона ведется непрерывная организационная подготовка к выступлению, собрало к Зимнему дворцу и в прилегающие к нему здания на Дворцовой площади несколько школ прапорщиков, в том числе Ораниенбаумскую, Гатчинскую и др., женский батальон из Парголова, три сотни 3-го Уральского пехотного казачьего полка и батарею Михайловского артиллерийского училища. Часов в 6 вечера 24-го, чтобы затруднить сообщение между частями города, и в частности, чтобы раз'единить Петроградскую сторону с Петропавловской крепостью от центральной части Петрограда, оно отдало приказ развести мосты.

С этим сигналом прибежали в штаб полка взволнованные товарищи. Не прошло и получаса, как патруль, посланный к Троицкому мосту со стороны Марсова поля, донес, что «пришли разводить». Пришлось дать приказ одной из рот о занятии моста. Пулеметы расположились на обоих концах моста. Вскоре одну из них, на Петроградской стороне, заменили самокатчики, стоявшие тогда во дворце Кшесинской.

Настроение было тревожное, и тревога росла с каждым часом. Весь полк был на ногах и дежурил, несмотря на то, что одной части было разрешено отдыхать. Часам к 9-ти веч. я выслал патруль по ближайшим, прилегающим к Дворцовой площади улицам со стороны Марсового поля, с задачей войсковой разведки—доносить о всех намечающихся подготовлениях противника. Часам к 11-ти патрули, стоявшие на Миллионной улице, обратили особенное внимание на большое количество выезжающих с Дворцовой площади от Зимнего дворца автомобилей. Выставили заставы, и было отдано распоряжение впредь задерживать и опрашивать все проезжающие автомобили и проходящих людей, в целях проверки документов и задержания подозрительных.

Не прошло и пяти минут после отдачи этого распоряжения, как вводят в клуб полка (где мы с полковым комитетом расположили оперативный штаб полка) среднего роста, с небольшой сединой, человека в штатском. Оказывается, он задержан вместе с своим автомобилем при выезде с площади на Миллионную. Спрашиваю документы. Оказывается подполковник Сурин, начальник контр-разведки штаба Петроградского военного округа. Немедленно на его же автомобиле отправляю его в Смольный в распоряжение Ревкома.

Только - что успели его отправить, вводят одного за другим двух новых—министра вероисповеданий Карташева и товарища министра финансов. Арестовывать или нет? Военно-революционный комитет до сих пор на наши настойчивые запросы упорно отмалчивается: видимо, ему некогда. Решаю—раз уже начали, нужно продолжать. И эти также отправляются в Смольный под надзором председателя полкового комитета т. Летунова. Но дальше уже редко кого из задержанных приходилось отправлять в Смольный, больно уж много стали задерживать. Менее важных отпускали, высшее офицерство штаба округа и главного штаба заключали в «общую камеру», буфет клуба полка.

Ждем ответа от Ревкома. Наконец, привозят два, одна за другой, две записки, написанные т. Подвойским. Первая: арестом начальника контр-разведки Сурина Ревком весьма доволен; его, оказывается, уже посадили куда следует. А вторая записка—сюрприз: Ревком оказался, по его мнению, слишком рано поставленным перед фактом начала столкновения; он пока еще не знает, когда именно начнутся действия, но как бы то ни было—не ранее другого дня, т.-е. 25-го октября. Аресты, и притом таких крупных фигур, как министров временного правительства, он считает слишком преждевременными действиями, вызывающими в противнике тревогу и внимание. Предлагают аресты прекратить и заставы снять. Однако, то обстоятельство, что нашими разведчиками (хоть слабую, но все же некоторую разведывательную службу нам удалось организовать), было замечено оживление среди войск временного правительства, также весьма серьезно подготовлявшихся к столкновению, заставляет нас на этот раз ослушаться Ревкома и провести его указания лишь частично. Задерживание лиц, выходящих из дворца и прилегающих к нему правительственных зданий, продолжается. Арестованные помещаются в клуб полка; там их к 12-ти часам дня 25-го октября набралось человек до 200. Но товарищи не хотят ограничиться одним задерживанием проходящих и просят разрешения снимать посты юнкеров. Оказывается, временное правительство уже выставило посты и со своей стороны. Пришлось разрешать, только без права начинать стрельбу. Результаты тут же сказались.

Вот картина на Миллионной. Недалеко от нашей заставы, шагах в 25—30, стоит часовой с подчаском. Трое павловцев ухитрились обойти их с тыла и внезапно подходят сзади. Раздается крик: «Руки вверх, бросай винтовки!», и юнкера захватываются оба живьем, без шума. Так в нескольких местах (между прочим, у певческой капеллы на Мойке) в течение ночи удалось снять целый ряд постов. Часов около трех утра был снят таким же образом часовой с подчаском и вдобавок, вместе с ними, караульный начальник.

Часам к двум я получил от Военного Революционного Комитета записку, что нужно заставу усилить и организовать фактический контроль проходящих и проезжающих. Но было уже поздно: во дворце спохватились, и никто из более влиятельных лиц уже не решался оттуда выходить.

Так прошла вся ночь с 24 на 25-е октября. Лишь утром, когда я направился в Ревком для участия в выработке плана предстоящих действий и для получения дальнейших директив, мы узнали, что начало столкновения было положено не только нами, но и у телефонной станции, которую пришлось отбить у юнкеров с боем, обо, заняв ее, они немедленно выключили все телефоны, за исключением нужных правительству и лишили Ревком всякой связи. Это событие и заставило Ревком отдать ночью же распоряжение со своей стороны о выставлении застав, контроле проходящих и т. д.

Утром 25-го октября, часов в 11, в комнате Ревкома в Смольном намечался в грубых чертах «оперативный план». Было решено оцепить Зимний дворец и Дворцовую площадь плотным кольцом и повести наступление, понемногу сжимая его. Мы, приехавшие из частей, немедленно же отбыли на свои места для практического проведения задачи.

Задача оцепления Зимнего дворца выпала на долю двух полков—Павловского и Кексгольмского. К Павловскому полку были приданы еще две роты Преображенского полка, стоявшие на Миллионной, рядом с Эрмитажем, а вскоре Ревком прислал павловцам еще до 800 красногвардейцев Петроградской стороны, с санитарным отрядом, два броневика и два 37 мм. орудия на грузовиках. Павловскому полку был отведен участок от набережной Невы выше дворца, по Мойке до Невского проспекта включительно. Дальше до набережной Невы, ниже дворца, такой же дугой тянулся участок Кексгольмского полка.

Вскоре прибыли в полки члены военно-революцион. комитета, т.т. Подвойский и Еремеев, и наблюдали за развертыванием частей, а в необходимых случаях сами оказывали помощь. Тов. Подвойский изложил окончательный план наступления: Временному правительству должен был быть пред'явлен ультиматум о сдаче; во время вручения ультиматума над Петропавловской крепостью должно было быть поднято знамя; по истеч. 15 мин., даваемых Временному правительству на размышление, знамя должно было снова спуститься в знак начала боевых действий с открытием, в первую очередь, орудийной стрельбы по дворцу с крепости и с «Авроры». Однако, сигнала мы так и не дождались до вечера.

На площади перед дворцом было оживление. Уже с утра юнкера строили перед главным под'ездом и воротами дворца баррикады из дров, стоявших у под'езда Главного штаба. Работа заканчивалась.

Батарея Михайловского артиллерийского училища представляла единственную артиллерию, которая находилась в распоряжении Временного правительства и могла быть направлена против окружавших дворец солдат и рабочих. Но совершенно неожиданно для него и она не могла принять участие в последующем бою. Комиссаром Временного правительства при училище состоял некий анархист, убеждений которого правительство не знало. После обеда 25-го октября, часа в четыре, когда уже начало смеркаться и когда Дворцовая площадь и Зимний дворец были уже оцеплены Павловским и Кексгольмским полками, комиссар батареи, видя, что недалек момент, когда батарея может начать стрельбу по рабочим и солдатам, скомандовал, действуя именем Временного правительства: «На позицию!» и нарочно в колонне по-орудийно повел батарею через арку Главного штаба налево, в сторону Мойки, как будто для принятия боя. А здесь уже стояла цепь наших солдат. Батарея была без какого-либо прикрытия и, естественно, сопротивляться не была в состоянии, особенно стоя колонной вперед. Она сдалась. Весь личный состав был тут же на Невском разоружен и отправлен на Выборгскую сторону в училище, где комиссаром уже состоял назначенный от Ревкома тов. Занько. Этот, совершенно неожиданный случай, воодушевил осаждающих: все знали что у осажденного правительства нет ни одного орудия.

Приблизительно в это время и началось фактическое наступление с перестрелкой. Осаждали мы и наступали чрезвычайно беспорядочно.

Приблизительно в 7-м часу, когда во дворце уже были представители Ревкома, т.т. Дашкевич и Чудновский, мы получили через вышедшего казака - парламентера сообщение, что казачьи роты не хотят более продолжать оставаться во дворце, что они сознают, что введены туда обманом, и хотят уйти, но просят не позорить их и выпустить с оружием. Мы колебались, не доверяя вполне уверениям парламентера: мы сомневались, не хотят ли нам устроить обход с тыла. Решили все-таки выпустить. Казаки выходили по набережной. В ближайшем переулке был спрятан броневик, который, лишь только ряды казаков прошли мимо, был направлен вслед за ними до самых казарм казачьего полка, находившихся недалеко от казарм павловцев. Когда казаки уходили из дворца, оставшиеся кричали женскому батальону, предлагая сдаваться, но оттуда в ответ раздались крики: «Умрем, но не сдадимся».

В 6 часов вечера под напором и обстрелом окружающих защитники Временного правительства вынуждены были уйти из здания штаба округа в Зимний дворец, и я во главе 12—15 товарищей вбежал в здание. Наверху мы застали несколько юнкеров, торопившихся снять телефоны. Минут через пять начался усиленный обстрел здания. Юнкера обили наших солдат, находившихся внизу у входа в здание со стороны певческой капеллы, но у них уже не хватило сил снова занять здание; при том это было сопряжено с большим риском быть расстрелянными наступавшими солдатами и красногвардейцами, которые уже совсем близко продвинулись к площади. Юнкера все стянулись в Зимний дворец.

Как выяснилось впоследствии, сдача здания штаба и все теснее и теснее смыкавшееся кольцо осаждавших оказали большое деморализирующее влияние на юнкеров: из боязни быть расстрелянными, если действительно придется сдаться,—а это всем казалось неминуемым,—многие начали колебаться. Началось понемногу занятие самого дворца. Первыми вошли во дворец через окна со стороны Эрмитажа матросы и павловцы. В комнатах дворца происходили стычки с юнкерами, но понемногу одна за другой они освобождались атакующими. Юнкера оттеснились к главному входу. Иногда это достигалось простым напором, а иногда и брошенной из комнаты в комнату ручной гранатой или выстрелами. Тут храбрость женского батальона и юнкеров упала до надежд на милость победителей. Женский батальон сдался в полном составе, числом, кажется, 141 чел. По разоружении, он был направлен в казармы Гренадерского полка, на Васильевский Остров, ибо бои во дворце еще продолжались. Одна за другой начали сдаваться и школы, сдавая оружие. Они размещались все в казармах Павловского полка на положении арестованных, ожидая утра.

Вместе с первыми, вошедшими во дворец по сдаче юнкеров у главного под'езда, был и представитель Ревкома т. Антонов-Овсеенко, приехавший со специальной миссией арестовать са[м] Временное правительство. Тут же на Дворцовой площади были и другие члены Ревкома. Срочно нужно было озаботиться приведением в порядок разбросанных частей.

Тем временем правительство уже было арестовано. Стали выводить. Почти все члены были налицо, за исключением Керенского. Кишкин, перелезая под конвоем матросов через юнкерские баррикады, с разбегающимися, видимо, от страха глазами, спотыкнулся и упал руками на мостовую, ногами повис на дровяной стойке. Маленькую кучку окружила тысячная толпа. Со всех сторон угрозы, крики, требования расстрелять на месте. Некоторые особенно настойчиво требуют немедленной расправы. Охраняющие матросы успокаивают взволнованных министров. Помню хорошо—Терещенко слабым, дрожащим голосом говорит, обращаясь неуверенно к успокаивающим: «Я верю, я верю, что вы нам ничего плохого не сделаете»... А в голосе звучит нотка страха.

Повели в Петропавловскую крепость. Ведет процессию т. Антонов-Овсеенко по Миллионной. Тысячная масса повалила вслед. Угрозы продолжаются. Где-то в стороне Невского, на темной площади, раздается несколько выстрелов,—случайные ли, провокационные ли, никто не знает. Толпа остановила против Эрмитажа конвой и всю процессию, и уже более настойчиво раздались требования расправы. С трудом конвой справляется, охраняя арестованных. Влияет лишь присутствие члена Ревкома. Чтобы избавиться от части сопровождающих, выводят арестованных на набережную по ней до Троицкого моста и дальше в крепость. Толпа следует с непрерывным, глухим гулом.

На Дворцовой площади устанавливается порядок. Расставляются караулы. На караул становится Кексгольмский полк. К утру части расходятся по казармам, отряды Красной гвардии по районам, зрители по домам.

У всех мысль одна: «власть взята, а как-то пойдет дальше?»

О. ДЗЕНИС.

О том, как большевистская бацилла была открыта немцами и как она была переправлена генер. Людендорфом в Россию.

I.

Тов. Суварин просил меня написать об этом вопросе, крайне интересующем Францию для праздничного номера «Юманите».

Я с большой охотой согласился на эту просьбу и надеюсь, что этот рассказ будет интересен не только для французских рабочих.

Что касается развития бациллы, то об этом уже было написано много лет тому назад. Джемс Гильом, старый друг Бакунина и списывавший с него Ласкин, неоднократно рассказывали, как древний тевтон Карл Маркс произвел на свет божий большевистскую бациллу. А так как он был человеком лукавым и хотел скрыть немецкий характер коммунизма,—то он его приготовил из различного рода составных частей. Он взял учение английских экономистов, классиков, исторический опыт французской революции, использовал результаты идейной работы французских утопистов и расплавил их совместно в горне немецкой философии. Вы же знаете, что «бош» никогда не оригинален, он лишь очень хитер, и постоянно, с дьявольским искусством из различных частей чужого изобретения творит что-либо очень полезное «бошистам». Что было дальше с большевистской бациллой, которую произвел «бош» Маркс, что с нею происходило в течение 67 лет со времени ее открытия,—тоже известно. Она мирно жила в книгах и никому не вредила. И только, когда война слишком затянулась и генерал Людендорф не знал, как из нее выбраться, он переправил опасную бациллу в Россию. Правда, он сделал это по настоянию самих этих опасных зверей.

Как известно, в марте 17 года в Петрограде вспыхнула революция. Если вы раскроете теперь «Тан», «Матен» или официальный «Тайме» за те дни, вы увидите, что эта революция не представлялась особенно страшной. Наоборот. Это была совсем, совсем приличная патриотическая революция во благо союзников. Может быть, в действительности, это не соответствовало истине, но, во всяком случае, так сообщалось в тех газетах, которые мы, коммунисты, читали в Швейцарии.

Плохие, как мы есть и были, мы заявили, что существуют и более достойные цели, для которых русские рабочие могут проливать свою кровь, чем интересы мирового капитала и интересы союзников. Русские большевики хотели какой бы то ни было ценой добраться до России для того, чтобы принять участие в революции. Но каким путем могли мы добраться туда? Мы знали очень хорошо, что несмотря на притворно радостные заявления прессы союзников, представления английского и французского правительства о русской революции и об ее победе, разнились от наших представлений о ней. И благодаря этому, проезд через Англию и Францию нам казался чистой утопией. Того же мнения придерживался и дрессированный революционер Мартов, которому принадлежала мысль о том, чтобы Петроградский Совет Р. К. Д. потребовал разрешения от Англии и Франции на наш проезд; а в случае, если бы эта попытка не удалась, попробовать добиться разрешения на проезд от Германии. Ленин, который как всем известно, является скептиком, не верил в получение разрешения ни от союзников, ни от Германии. Он был целиком захвачен мыслью о нелегальном проезде через Германию. Он требовал, чтобы мы достали для него и Зиновьева нелегальные шведские паспорта.

Мы заявили ему, что, ведь, ни он, ни Зиновьев по шведски не говорят. Полный отчаяния, он просил нас достать два паспорта для немых. Но так как нам казалось сомнительным, чтобы мы в шведской партии нашли двух немых, которые к тому же и внешними своими признаками походили бы на Ленина и Зиновьева, то мы решили точно выяснить, нельзя ли осуществить предложения Мартова. Последний телеграфировал Чхеидзе, тогдашнему председателю Петроградского Совета Р. К. Д., а я в присутствии Пауль Леви, который тогда находился в Швейцарии, имел разговор с корреспондентом «Франкфурт Цейтунг», — если память мне не изменяет,—с д-ром Дейнгартом, о том, не может ли он запросить немецкого посланника Ромберга о возможности согласия со стороны немецкого правительства на проезд русских политических эмигрантов через Германию. Когда он нам сообщил, что Ромберг согласен на переговоры с нами, то мы для этой цели уполномочили Роберта Гримма.

Мы дали ему письменную инструкцию. В ней требовали мы пропуска для всех эмигрантов, которые хотят ехать, без отвода со стороны немецкого правительства кого бы то ни было. Мы требовали, чтобы только комитету, выбранному самими от'езжающими, принадлежало право контроля списка от'езжающих, и чтобы немецкое правительство во время нашего переезда не делало попыток вступить с с нами в сношения. Со своей стороны мы обещали сделать все как для облегчения положения немецких военнопленных в России, так и для ускорения в возвращении инвалидов из России. Роберт Гримм имел собеседование с Ромбергом, и сообщил, что хотя Ромберг крайне был удивлен требованиями, выставленными нами, отчаяно, по телеграфу сообщил о них в Берлин. Так как уже и тогда у нас возникали некоторые сомнения на счет Гримма, то мы предложили ему к дальнейшим переговорам привлечь Фрица Платтена. Гримм отсоветовал, ссылаясь на то, что при дальнейших переговорах с Ромбергом дело может касаться и большего, и что Фриц Платтен, хотя и прекрасный революционер, но дипломат плохой. Это замечание заставило нас совершенно отказаться от услуг Гримма, не потому, что мы его считали политически бесчестным человеком, но мы знали, что он очень честолюбив, стремится играть большую политическую роль, и мы боялись, что он может использовать переговоры об условиях проезда также для переговоров и о мире, при чем могло получиться представление, что за его спиной стоим мы. Дальнейшие переговоры вел Фриц Платтен и мы были уверены, что этот «невежливый», прямой, товарищ ни к каким дипломатическим трюкам не прибегнет. Прошло немного времени и Ромберг, от имени немецкого правительства, из'явил согласие на наши требования. Нам, разумеется, было совершенно ясно, что немецкое правительство собирается спекулировать на этой истории, расчитывая, что по приезде в Россию мы будем работать в пользу мира. В своей же собственной стране оно надеялось само справиться с мирными тенденциями.

Эта комбинация нас мало занимала, так как мы знали, что если в России революция примет пролетарский характер, то влияние ее скажется далеко за пределами России.

Таким образом, все было готово к от'езду. Группа Мартова имела принципиальные возражения против поездки, она ждала еще ответа от Чхеидзе, чтобы застраховать себя в будущем от упреков, с чьей бы стороны они ни исходили. Мартов никогда не делает революции без того, чтобы не заручиться нотариальным удостоверением, что иначе он не мог поступить. Так готовились мы к от'езду. Мы знали, что переезд через Германию вызовет целый ряд упреков по адресу большевиков.

Ленин считался даже с возможностью политического процесса, и все участники поездки должны были подписать заявление о том, что им известна возможность такой опасности. Но другого выхода у нас не было. Было ясно, что ни Англия, ни Франция не пропустят нас через свои границы. Это наше предположение подтвердилось. Все попытки Чхеидзе в этом направлении ни к каким результатам не привели и через две недели после нас и группа Мартова проехала через Германию. Нужно было документы, относящиеся к поездке, собрать и копии с них оставить за границей. Легко из Франции, Леви из Германии, Бронский из Польши и Платтен из Швейцарии подписали протокол об условиях нашей поездки. Я говорю—мы, так как также и я, хотя и не русский, а польская овечка из Габсбургского стада, должен был также тайком прошмыгнуть через Германию, для того, чтобы из Стокгольма, откуда сообщения с Петроградом были легче, чем из Швейцарии, позаботиться о том, чтобы большевистская бацилла, транспортированная Людендорфом в Россию, нашла обратно дорогу в Германию.

Легально я не мог проехать, оставалось нелегально вместе с русскими поездом прошмыгнуть через Германию. Закончив наши работы в Берне, мы поехали в Цюрих, где мы приняли последние приветы от наших друзей, последние проклятия патриотов и отбыли в Германию.

II.

Был уже вечер, когда наш поезд прибыл на пограничную станцию. Нас было сорок человек с детьми и багажом. Немецкая пограничная стража встретила нас и отвела в таможню. По условию, ни наши бумаги, ни наш багаж не должны были подвергнуться контролю. Оставалось только пересчитать нас, для какой цели мужчины и женщины сгруппировались в разных углах комнаты. Посреди комнаты, на столе, стоял пятилетний белокурый гражданин Моисеева вероисповедания, составлявший единственную собственность одной товарки из Бунда. Нельзя сказать, чтобы наше настроение в этот момент было особенно приподнятым. Тонкая, нервная система ребенка чувствовала, что происходит что-то необычайное. Осмотрев всех кругом, ребенок спросил на разговорном еврейском языке, от которого, как всем известно, и произошел немецкий язык: «Мамочка, что это тут происходит?»

Этот вопрос, прозвучавший в тишине, рассеял наше напряженное состояние. Мы погрузились в вагоны, при чем организаторские способности русских эмигрантов восторжествовали в полной мере. Прошло довольно много времени, пока каждый нашел свои ноги и пристроился на месте. И тогда поезд тронулся. Нам было предоставлено два вагона; одно купе занимали сопровождавшие нас немецкие офицеры, с которыми Фриц Платтен, как первый дипломатический представитель будущей Советской России, вел сношения. На одной из станций мы получили маленькие котлеты, которые отнюдь не говорили о блестящем состоянии продовольственного дела в Германии, и за которые мы заплатили по две марки, что тогда нам казалось очень большой суммой. Во время поездки среди нас царило большое оживление. Сыпались шутки, велись политические споры, и только один Сокольников сидел в сдержанной позе знатного иностранца.

Вечером водворилось такое веселие, что Ленин, присвоив себе исполнительную власть, пригрозил раз'единить меня с одной товаркой, имени которой я тут не назову,—если смех не прекратится. Большие затруднения вызвал также вопрос о пользовании изолированными комнатами, так как из-за присутствия детей запрещено было курить в купэ, и курильщики всегда мешали тем, кому надо было пользоваться этими комнатами. Наконец, вопрос этот был разрешен созданием карточек А и Б, при которых имевшие карточки А пользовались преимуществом. С исторической точностью трудно установить, кто был великий инициатор этого дела. Рано утром пришел Платтен с известием, что в поезде находится Янсен, который на «немецкой земле» хочет нас приветствовать от имени центральной комиссии немецких профсоюзов. Было ясно, что дело идет о попытке позондировать почву со стороны хитрой лисы Легина, и что Парвус также не совсем непричастен к этому делу, так как Янсен был не только дипломатом при особе Легина, но главным сводником и при Парвусе (во всех отношениях). Мы отказались от разговора, Платтен взял у Янсена газеты для нас и отвел его в офицерское купэ, где он и нашел себе пристанище.

Для меня эта история закончилась очень грустно.

Из опасения, что меня Янсен может узнать, меня спрятали за баррикадой из сундуков, где я пробыл довольно много времени, читая газеты, которые принес нам Янсен.

В Франкфурте-на-Майне немецкие солдаты, находившиеся на вокзале, узнали, что в поезде находятся русские революционеры. Они прорвали кордоны из шпионов и проникли в наши вагоны, каждый с двумя бокалами пива в руках. Пиво оказалось очень плохим. Видно уже было, что немецкому благополучию приходит конец. Но солдаты были добрыми рабочими ребятами и задавали только один вопрос: когда же наступит мир? Из разговора выяснилось, что большая часть из них принадлежит к шейдемановской партии, что было очень печально. В Берлине наш вагон был окружен шпионами, дежурившими до тех пор, пока поезд не тронулся. Наконец, мы на пароходе. Изголодавшиеся, набросились мы на шведские яства. Был прекрасный день, свежий ветерок дул с моря. Ленин бегал по палубе и все время спрашивал, не поспел ли у него нос, что по наблюдению моряков, должно быть признаком близкой внутренней бури. Но все сошло благополучно. Мы получили радиотелеграмму, извещавшую, что в шведском порту нас ожидают Ганецкий и секретарь шведской партии, тов. Штерн. Так это и было в действительности. Но нас ожидало еще большее удовольствие. Шведские товарищи заказали прекрасный ужин, который сорок «бацилл» уничтожили с невероятной быстротой. Кельнеры ресторана смотрели на нас, как на банду варваров. Затем мы отправились на вокзал и утром следующего дня были уже в Стокгольме.

У нас не существовало еще тогда статистического бюро. Потому я не могу сказать, сколько раз мы завтракали. В Швеции вообще завтракают целый день. Я не могу также сказать, сколько раз мы фотографировались. В Швеции фотографируются также при всяком удобном случае, правда, за исключением тех часов, во время которых завтракают и не считают возможным себя беспокоить. В гостинице «Регина», где мы провели почти весь день, было организовано собрание, на котором мы осведомили шведских товарищей об условиях нашей поездки и о полученном нами после приезда в Стокгольм известии, что Парвус, от имени лидеров германской социал-демократической партии, требует официальных переговоров.

Это было отклонено.

Из важных событий этого дня следует отметить, что после больших споров удалось уговорить Ленина купить себе пару брюк и обувь, так как его ботинки были подбиты гвоздями, а, ведь, поблизости Петрограда нет Мон-Блана. Когда я в ноябре 1918 года, после захвата власти большевиками, приехал в Петроград, я увидел на Ленине те же стокгольмские брюки, уже порядочно истрепавшиеся.

В Стокгольме тогда жил Воровский, теперешний советский посол в Риме и Ганецкий, посол в Риге. Я, австрийский подданный, не мог поехать в Россию. Поэтому я вместе с ними был оставлен там в качестве заграничных представителей.

Тут мы получили 300 шведских крон, которые, вероятно, и были той огромной суммой, которая фигурировала во всех рассказах французских патриотов, в виде немецкого золотого фонда, снабжавшего русскую революцию. В течение семи месяцев, которые мы провели в Стокгольме за большой интернационально-пропагандистской работой, мы не получали из Петрограда и не посылали туда ни одной копейки.

Война порождает войну. Мы прилагали все усилия, чтобы сообщения «Правды» и «Вестника Русской Революции» помещались в буржуазной прессе, за что они щедро оплачивались.

Вечером Ленин с товарищами уехал в Россию. Его провожали шведские товарищи. Когда поезд уже трогался, какой-то русский патриот произнес патетическую речь, в которой убеждал Ленина не приносить вреда России. Но Ленин не дослушал конца этой речи, так как поезд уже отходил от станции и поэтому организовал Октябрьскую революцию. Так часто в истории малые причины вызывают большие последствия.

Вот правда о путешествии большевиков по Германии в так-называемом «пломбированном» поезде, который, в сущности, был без пломб.

И если бы я даже предстал перед судом союзников, который все еще ожидает Вильгельма, я не мог бы ничего больше добавить.

КАРЛ РАДЕК.

КО ВСЕМ МЕСТНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ Р. К. П.

Голод охватил в Поволжье и Приуралье более 20 милл. населения, а считая другие места, пораженные неурожаем, более 30 милл. человек. Рабоче-крестьянское государство напрягает все усилия, чтобы придти на помощь голодающим. Оно дало возможность в значительной части обсеменить озимые поля, оно подготовляет весеннюю яровую кампанию, оно перевезло несколько миллионов пудов картофеля для голодающего населения и организует общественное питание в голодающих губерниях для 2—3 милл. человек. Оно организует также общественные работы, усиливает кустарные промыслы для предоставления заработка голодающим. Однако, одной государственной помощи недостаточно. Необходима еще частная помощь всех трудящихся, всех рабочих, крестьян и честных граждан. Чтобы достигнуть цели, эта помощь должна быть постоянной, регулярной, ежемесячной. Каждый трудящийся должен уделить часть своего заработка, часть своего пайка для голодающих. 10 обеспеченных должны взять на себя иждивение одного голодающего.

Коммунистическая партия, передовой отряд трудящихся, рабочих, крестьян, должны взять в свои руки проведение в жизнь этой постоянной помощи голодающим и вовлечь в это дело широкие беспартийные массы. Каждая партийная организация на местах должна повести широкую агитацию среди членов партии и беспартийных за осуществление указанной постоянной помощи голодающим. Для населения, организованного в союзы и общества, эта постоянная помощь должна выразиться в определенном ежемесячном отчислении жалованья и пайка; для части неорганизованной, особенно крестьян, в виде определенного отчисления продуктами. Эти отчисления дадут возможность установить для каждого района определенный «Бюджет голодного Поволжья» и число голодающих, которых данный район может взять на свое иждивение. Этот бюджет передается в распоряжение местных комиссий помощи голодающим, для расходования согласно существующим постановлениям. Партийные организации должны напрячь все усилия, чтобы день 4-й годовщины Октябрьской революции был увековечен памятником великой пролетарской солидарности и чтобы регулярная помощь голодающим с 7-го ноября приняла массовый характер.

Секретарь ЦК РКП **В. Михайлов.**

Зам. заведывающего отделом агитпропаганды **В. Соловьев.**

О „Социал-Демократе" и „Деревенской Правде".

Непрерывные выстрелы: палит у Каменного моста, пулеметная дробь с Остоженки; начали бухать орудия. В Замоскворецком штабе, на Калужской площади, вереница солдат и рабочих. Члены военно-революционного комитета валятся под стул от переутомления и мгновенно засыпают. Слухи о приближении казачьей силы, по Серпуховскому шоссе. А между тем, на душе удивительно спокойно: ни одной минуты колебаний, ни тени сомнения в нашей победе!

Перемирие вызывает раздражение, как досадная и ненужная отсрочка торжества революции.

На Малой Серпуховке, 28 (?), в партийном комитете сошлись члены редакции «Социал-Демократа», жители Замоскворечья: Бухарин, Ив. Ив. Скворцов, Ольминский. Появилась, кажется, из центра и Варвара Николаевна Яковлева.

Нужно печатать «Социал-Демократ». Идем к Сытину.

Здесь настроение меньшевистское: ни туда, ни сюда! Не хотят печатать большевистской литературы.

Горячо говорит Бухарин. Успеха незаметно. Тогда он прибегает к последнему аргументу:

— Что-ж, вы думаете, что если в праздник надеваете штаны, как у хозяина, то у вас и интересы общие с хозяйскими?

Пробил брешь. Засмеялись. С оговорками, но соглашаются печатать.

Тотчас на М. Серпуховке, 28, составляем номер, посылаем в типографию. Кажется, выпустили несколько номеров половинного размера.

Выпускали и листки.

— Что в них писали? Хоть убей, не помню. Если бы взглянуть на эти номера газеты и на листки, то многое и вспоминать не понадобилось бы, а многое другое вспомнилось бы забытое. Но где их взять?

Вот уже больше года и по поручению Московского Комитета, и по поручению Истпарта ищут: пересмотрели библиотеки, обшарили архивы, а драгоценных номерков газеты ни одного не нашли: они сгинули, точно их корова слизнула. И нет возможности достоверно, по документам восстановить исторические дни.

А, может быть, они имеются? Может быть, лежат себе спокойно где-нибудь у замоскворецкого рабочего в сундучке или в хламе и не знают, что их давно ищут по всяким мышиным норкам? Эх, найти бы! Сейчас же сняли бы копии, и книжечкой отпечатали бы их вновь те самые сытинцы, которые когда-то печатали их под грохот выстрелов. А самую газету в музей, под стеклышко, с надписью: «получено от такого то!»

И еще вспоминаю: только что замолкли выстрелы, а тов. Емельян Ярославский уже начал опрашивать у всех: где был в эти дни? Что делал? Что видел? И печатал все записанное в газете «Деревенская Правда».

Помню, как он опрашивал прапорщика тов. Берзина. Его с командой юнкера захватили в Кремле; били, многих расстреляли, кажется, у стены арсенала. Все записал и напечатал тов. Ярославский. Все подробно можно бы узнать из «Деревенской Правды» и хоть доску с надписью, с именами расстрелянных вставить бы в стену арсенала! Но где найти «Деревенскую Правду?» Не сохранилось ее ни одного номерка ни у тов. Ярославского, ни у других. А, может быть, прочтет кто-нибудь эти строки и найдет ее у себя? Вот была бы радость! Поскорей бы списать из нее все, что нужно, и отпечатать вместе с номерами «Социал-Демократа!»

М. ОЛЬМИНСКИЙ.

В тумане.

Хо-до-хо!!. Эка, братцы, проклятая игла!..
[illegible] подберись!... Еще будут дела.
Приготовьтесь, друзья, к неожиданной встрече.
[illegible] мглою, враги стерегут нас кругом.
Мы вчера посчитались не с главным врагом.
Главный враг где-то рядом, от нас недалече.

Хо-хо-хо!... Для уныния нету причин.
Кто сказал, что вчерашняя битва—ошибка?
Это, братцы, была генеральная сшибка.
Генеральный бой — великий почин.
[illegible] мы [illegible] такое начало,
Что бы нас укачало
Мертвой зыбью бездонных пучин.

Капитан на посту. Вкогда осторожен.
Его твердой рукой руль направо положен.
Пусть кричат наши пленники в трюме — «ура!»
Мы их смутили теперь торжеством их поспешным!
Обреченные лестно силам кромешным,
Они были напуганы крепко вчера,
Новый курс окрылил их сегодня надежды.
Лица их и одежды
Окрасят ли нас праздничным видом свиньи?

На постах боевых мы спокойно стоим.
Чуткими слухом мы ловим приказ капитана,
Что ведет наш корабль средь густого тумана,
Средь бесчисленных, явных и тайных, преград,
Средь врагов, притаившихся где-то лукаво:
— «Впе-ре-ед!..» — «На-за-ад!...»
— «На-ле-е-во!...» —«На-пра-а-во!...»
— «Кре-пи-и на-ру-са-а-а!...»

И, певцу, любо мне средь натянутых тросов
Видеть чудо-работу героев-матросов,
Слышать громкие бодрые их голоса:
— «Е-е-е-есть!!...»

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

Симоновка в октябрьские дни.

В прошлом Симоновка, удаленная от буржуазной Москвы и ее громадных домов, блестящих витрин, мощенных улиц, театров, представляла грязную, дымную, обитую кучу заводов и полуразвалившихся хижин, наполненных рабочими, как щели тараканами.

Жизнь в Симоновке была всегда своеобразна: влияние мещанства и буржуазии проникло сюда менее всего; больше всего рождалась ненависть к капиталистическому миру и выковывалась пролетарская солидарность.

В подпольное время, во время февральской революции, не говоря уже об октябрьских днях, наибольшим влиянием среди рабочих масс пользовалась сильная большевистская организация. Характерно отметить, что в моменты разгрома реакцией Симоновки революционные силы ее отливали в Питер и, наоборот, в моменты разгрома питерских организаций не мал был прилив сюда питерских работников.

Поэтому Симоновка имела рабочее движение своеобразного характера. Здесь революционное движение не переставало клокотать. Стачки, политические демонстрации, выступления на отдельных заводах чередовались беспрерывно и в конце-концов вылились в грозную силу, влившуюся в общий революционный шквал, опрокинувший старый мир. Почва для захвата власти рабочими была подготовлена задолго до Октября, когда был создан ревком.

26 октября в ревкоме шла спокойно подготовительная работа. Внезапно около 4 часов вечера под'ехали к пороховым погребам грузовые автомобили и быстро высадилась группа студентов оставив здесь пулемет и часть людей, они под'ехали к зданию ревкома, где в это время находился председатель ревкома и несколько ответственных товарищей. Один из автомобилей здесь остановился; другой отправился на завод «Амо».

Угадав чужих по виду людей, мы сразу определили в них белогвардейцев. В один момент у остановившейся машины собралась небольшая группа рабочих, к которым офицеры обратились с вопросом: «Где у вас тут большевики?» Не получив ответа, выругались: «А, сволочи, все попрятались». Невооруженные и неподготовленные рабочие нервничали; один из товарищей намеревался бросить под автомобиль бомбу без капсуля, не подозревал, что она не взорвется. Благодаря случайному вмешательству другого рабочего это было не сделано. Через несколько минут белогвардейский автомобиль вернулся с трофеем, ведя за собой отобранный на заводе «Амо» автомобиль. Вступать в бой было еще некому. Офицеры, взгромоздясь на автомобиль, быстро повернули обратно на пороховые погреба, где пытались завладеть ими, но, не расчитывая на свою силу и, видимо, боясь наружного спокойствия Симоновки, нагрузили автомобиль патронами и быстро скрылись.

Это было сигналом. Вся Симоновка поднялась.

Возмущение, ропот со стороны рабочих, что им не дают оружия, и досада, что белые ускользнули,—возбудили боевое настроение. Толпы рабочих со всех сторон стекались к ревкому, кое-где появилось оружие и под руководством ревкома были заняты пороховые погреба. Вырыты окопы. В то же время все санитарные автомобили завода «Амо» были взяты, организован Красный Крест и направлен к Московскому Совету.

По дороге из Симоновки в центр находятся Крутицкие казармы, где в то время помещалась школа прапорщиков. Организованный отряд должен был занять эти казармы. При соприкосновении с прапорщиками, последние побоялись вступить в бой и сдались. Путь был очищен. На другой день на железной дороге был найден вагон с винтовками, который немедленно был переброшен в Симоновку, и Симоновка ощетинилась.

Вооруженные отряды пробивались в центр.

Участвуя в последнем кольцевом наступлении на юнкеров, отряды симоновских рабочих довершали победу Пролетарской революции.

К. УХАНОВ.

Буржуазная пресса о признании долгов.

Почти вся французская пресса от 1 ноября высказывается по поводу ноты Чичерина об оплате довоенных долгов. Пресса национального блока, верная лозунгам министерства иностранных дел, все время твердившая, что изменение к лучшему отношений Франции и России возможно лишь в случае признания Советским правительством царских долгов, теперь, когда, повидимому, еще не дано официального лозунга, соответствующего новой ситуации, очутилась в состоянии полной растерянности. Многие газеты на всякий случай, до получения официальной директивы свыше, характеризуют шаг Советского правительства, как простой маневр, к которому Франция должна отнестись с крайней осторожностью. «Советское правительство, пишет «Тан», может говорить о своем желании уплатить долги лишь в том случае, когда оно даст точные доказательства своей действительной способности наладить экономическую жизнь страны и представит основательно разработанную финансовую программу».

«Эко де Пари» видит в предложении России лишь попытку Советского правительства спасти свое существование при помощи кредита. «Голуа» также пытается истолковать предложение России, как признак переживаемого ею тяжелого экономического кризиса. «Журналь де Деба» надеется, что к предложению большевиков отнесутся с должной осторожностью, ибо оно не более, как тактический маневр. «Матэн» напоминает о солидарности Франции с правящей Англией. Оба государства по отношению к Советской России, конечно, поставят первым условием для ведения переговоров признание неприкосновенности частной собственности и свободы труда.

Очень интересны отзывы германской печати.

«Берлинер Тагеблатт» в биржевом обозрении отмечает сильный спрос на русские ценности на берлинской бирже. Газета об'ясняет повышение русских бумаг широкими перспективами, которые открываются для России в связи с заключением итало-русского договора и с переходом ее на новый курс экономической политики.

«Франкфуртер Цейтунг» в передовой статье отмечает, что Советское правительство не было извещено о постановлении брюссельской конференции, но все же оно не остановилось перед обычными дипломатическими формальностями и обратилось к союзникам с нотой, в которой устраняет основной мотив брюссельского постановления. Необходимо принять во внимание,—говорит газета,—что в случае признания Советской России, она будет не только дающей, но и требующей стороной. Недаром кто-то сказал,—продолжает газета,—что Россия вышла из войны победительницей и само собой разумеется, Советское правительство не будет молча признавать решения, которые принимаются помимо его участия. Положение Англии и Франции, в связи с последней нотой, довольно затруднительно, так как западные державы пытались вопросом о долгах замаскировать свое нежелание участвовать в деле помощи России. Теперь московское правительство говорит им: «Пожалуйста, мы готовы признать долги». «Надо признать,—замечает газета,—что деревенская и самобытная советская дипломатия сделала изумительно удачный ход, приводящий в замешательство ее противников».

«Франкфуртер Цейтунг» говорит: «Грядущее признание Советского правительства означает, что так-называемое «моральное возмущение», которое до сих пор старались внушать всему миру против Советского правительства, окажется теперь простым лицемерием. Независимо от этого, признание Советского правительства выдвинет ряд серьезных проблем, настоятельно требующих немедленного разрешения. Эти проблемы коснутся не одной только Франции, как, например, вопрос о проливах, но также и Англии. Россия снова возвысит свой голос в совете европейских народов и потребует себе принадлежащего ей по праву места.

Телеграммы.

Во Франции.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ РАБОЧИХ.

РИГА, 3 ноября. Делегат профсоюза Ламарш, арестованный за произнесение возбуждающей речи на митинге бастующих в Рубэ, приговорен к двум месяцам тюремного заключения. (РОСТА).

ВОЗЗВАНИЕ КОММУНИСТОВ.

РИГА, 2 ноября. «Юманите» накануне недели коммунистической пропаганды, выпустило воззвание от имени президиума коммунистической партии, призывающее весь французский пролетариат сплотиться под красным знаменем. (РОСТА).

ПРИСОЕДИНЕНИЕ К КРАСНЫМ ПРОФСОЮЗАМ.

РИМ, 2 ноября. По словам «Юманите», профсоюз городских рабочих Бреста заявил о своем присоединении к революционным комиссиям. (РОСТА).

ОПРОВЕРЖЕНИЕ ЛЖИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ.

РИГА, 2 ноября. По сообщению «Юманите» от 30 октября, стачечный комитет текстильщиков Северной Франции в своем воззвании опровергает ложь предпринимателей, заявивших о возобновлении работ во всем Рубэ, и призывает к грандиозной демонстрации в будущий забастовочный понедельник, двадцатый по счету. (РОСТА).

В Голландии.

ЗАБАСТОВКА МЕТАЛЛИСТОВ.

АМСТЕРДАМ, 28 октября. Вследствие уменьшения расценок за сдельные работы, металлисты Роттердама, Утрехта и других городов промышленного района, в числе 25.000, об'явили на 31 октября забастовку. (РОСТА).

В Венгрии.

«ТРАУРНЫЙ» ДЕНЬ.

ГАННОВЕР, 4 ноября. (Радио герм. прав. агентства). Венгерский министр внутренних дел издал распоряжение, об'являющее день принятия венгерским национальным собранием закона о лишении Габсбурга прав на венгерский престол, днем национального траура. (РОСТА).

В Чехо-Словакии.

ДЕМОНСТРАЦИИ ПРОТИВ ВОЙНЫ.

ПРАГА, 31 октября. (Через Ригу). В Чехо-Словакии происходят массовые коммунистические демонстрации пролетариата против угрозы империалистической войны. Во всей Словакии об'явлено военное положение. (РОСТА).

В Латвии.

АРЕСТЫ.

РИГА, 3 ноября. «Социал-Демократс» сообщает, что на состоявшемся 30 октября в Риге, по предложению венского Интернационала, международном дне социалистической молодежи, во время концерта-митинга охранной полицией был произведен ряд арестов. Как наиболее неприятный факт, газета отмечает арест председателя митинга с.-д. Зирлита. После двухдневного содержания под арестом Зирлит был освобожден. (РОСТА).

На Ближнем Востоке.

ПОБЕДА ТУРЕЦКОЙ КОННИЦЫ.

ТИФЛИС, 3 октября. По официальному сообщению из Ангоры, турецкая кавалерия атаковала греческую конницу и расстреляла ее в районе станции «Дерут-Паша». Греки подожгли город Афиун-Кара-Гиссар. Издали были слышны взрывы. (РОСТА).

На продовольственном фронте.

ИТОГИ СБОРА.

На 4 ноября, по сведениям Наркомпрода, заготовлено хлебо-фуража в губерниях, благополучных по урожаю, 55,772,124 пуда, в губерниях с низкой урожайностью—1,268,250 пуд., в голодных губерниях—417,791 пуд., в Сибири—9,132,660 пуд., на Сев. Кавказе—4,995,957 пуд., в Крыму—313,526 пуд., в Туркестане—660,607 пуд., в Восточной Киргизии—208,972 пуда.

Всего по РСФСР, без Украины, на 4 ноября поступило хлебо-фуража 76,769,907 пуд., из них в порядке продналога 59,256,780 пуд., от совхозов 822,295 пуд., в возврат семссуды—9,263,955 пуд., и других поступлений 7,438,877 пуд.

Постановление ВЦИК об амнистии.

В ознаменование 4-й годовщины власти трудящихся и в связи с окончанием гражданской войны и переходом к мирному строительству, Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета постановил:

В отношении лиц, осужденных по приговорам народных судов и революционных трибуналов, Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и ее органов, административных отделов управления и иных органов, коим принадлежит право наложения наказания и привлечения к суду:

1. Освободить полностью от отбывания наказания всех, приговоренных с ограничением и без ограничения прав к условному лишению свободы.

2. В отношении лиц, приговоренных к лишению свободы и содержанию под стражей, в тюрьме и в лагерях принудительных работ, либо приговоренных к [illegible], но переведенных затем из работы без содержания под стражей постановлением исправительно-трудовых отделов в губернских распределительных комиссий — сократить сроки наказания, согласно следующим правилам:

а) в отношении лиц, осужденных на сроки до одного года — освободить полностью;

б) в отношении лиц, осужденных на сроки от одного года до 3 лет — сократить наполовину;

в) в отношении осужденных на сроки от 3 до 5 лет — сократить на одну треть.

Примечание: при исчислении срока надлежит принимать в исходный срок подлежащий отбытию совершенным преступлением после применения к нему предыдущих амнистий.

3. В отношении лиц, приговоренных к высшей мере наказания, дела о коих находятся в стадии кассационного разбирательства, обязать кассационные инстанции при рассмотрении дела ставить вопрос о применении к осужденным настоящей амнистии в виде замены высшей меры наказания лишением свободы на пять лет, разрешая его, однако, каждый раз своим постановлением в зависимости от существа дела.

4. Амнистия применяется во всяком случае в виде освобождения от наказания, независимо от сроков в отношении осужденных:

а) сектантов, не связанных с контрреволюционными организациями;

б) осужденных за невыполнение продразверстки, на коих не распространилось постановление Наркомюста от 29 апреля 1921 года о прекращении таковых дел в связи с изменением продовольственной политики;

в) на участников кронштадтского мятежа, рабочих и крестьян, вовлеченных в движение по малосознательности;

г) на дезертиров гражданской войны без исключения.

5. Амнистия не распространяется:

а) на осужденных к высшей мере наказания, коим последняя заменена затем судом, вынесшим приговор, или в силу предыдущих амнистий лишением свободы, независимо от сроков отбытого или подлежащего еще отбытию наказания;

б) на осужденных за бандитские преступления;

в) на осужденных за участие в белогвардейских заговорах, шпионаже и открытых вооруженных выступлениях и на деятелей антисоветских политических партий;

г) на имущественные взыскания, наложенные в виде наказания.

6. В отношении подследственных, если дела о них не подходят под категорию подлежащих прекращению по статье 4-й настоящей амнистии, вопрос об амнистии разрешается судом в момент слушания дела о них, согласно правилам, изложенным в статьях 1—5 настоящего постановления.

7. В отношении подследственных, дела коих не подлежат передаче в суд, числящихся за ВЧК и ее органами и не подпадающих по характеру преступлений под статью 5 настоящего постановления:

а) подлежат полному прекращению дела о лицах, в отношении коих соответствующий орган Ч. К. счел возможным к моменту опубликования настоящей амнистии пребывание их на свободе под расписку или поручительство в виде меры пресечения;

б) в отношении привлеченных к делу и содержащихся к моменту опубликования настоящей амнистии под стражей—максимальный срок наказания подлежит исчислению в один год с момента разрешения дела о них соответствующей чрезвычайной комиссией;

в) в отношении подследственных, содержащихся под стражей более 6 мес. к моменту опубликования настоящей амнистии — максимальный срок наказания подлежит исчислению в один год с момента заключения под стражу.

Примечание: Дела о лицах, подпадающих под действие настоящей статьи, [illegible] разрешению в течение месяца.

8. Предложить ВЧК в месячный срок пересмотреть списки административно-высланных с тем, чтобы освободить от наказания всех тех, чье возвращение не представляет опасности для РСФСР.

9. В отношении лиц, осужденных народными судами и ревтрибуналами, амнистия подлежит проведению в жизнь губернскими распределительными комиссиями в течение месячного срока со дня опубликования акта об амнистии с доведением до сведения соответствующих судебных мест; в отношении же лиц, подпадающих под действие статей 7 и 8, ВЧК и ее местными органами по принадлежности. Жалобы на неприменение или неправильное применение амнистии могут быть подаваемы в недельный срок с момента об'явления жалобщику обжалуемого постановления или по истечении месячного срока со дня опубликования акта об амнистии, если постановление о применении или неприменении амнистии к жалобщику вовсе не было ему об'явлено, и направляются в местный губотдел юстиции. Все такого рода жалобы разрешаются губернским отделом юстиции окончательно, кроме случаев, предусмотренных статьей 3-й настоящего постановления, и аналогичных случаев, могущих иметь место при применении судами статьи 6-й, в каковых случаях никакое обжалование не допускается.

10. Органы, применяющие амнистию, имеют право в отдельных случаях возбуждать перед Президиумом ВЦИК ходатайство о неприменении амнистии по отношению к отдельным лицам, освобождение коих может представить опасность для Республики.

11. Наблюдение за неуклонным проведением в жизнь настоящего постановления и разрешение всех спорных вопросов, могущих возникнуть при его проведении, возлагается на Народный Комиссариат Юстиции.

12. Настоящее постановление вводится в жизнь по телеграфу.

Председатель Всероссийского Центр. Исп. К-та **М. Калинин.**

Секретарь ВЦИК **А. Енукидзе.**

Москва, Кремль.
4 ноября 1921 г.

К октябрьской годовщине.

ПРИВЕТСТВИЕ В. И. ЛЕНИНУ.

(Резолюция общего собрания завода «Электросилы» № 3 (бывш. «Динамо») от 4-го ноября 1921 г.).

В связи с предстоящей четвертой годовщиной Октябрьской революции общее собрание рабочих и служащих завода «Электросилы» № 3 (бывш. «Динамо») не может не вспомнить о том, кто своей непоколебимой верой в силы рабочего класса повел его на штурм капиталистических твердынь.

Шлем тебе, дорогой Владимир Ильич, свой пролетарский привет и заявляем, что при осаде капиталистического мира мы будем одни из первых укреплять участок осады электрификацией страны.

Да здравствует Владимир Ильич!

Да здравствует 4-я годовщина Октябрьской революции!

КОЛОНИЯ ДЛЯ ГОЛОДАЮЩИХ ДЕТЕЙ.

В Сокольниках отделом народного образования 7-го ноября открывается колония для татарских детей из голодающих губерний.

ОТКРЫТИЕ ДЕТСКОГО ДОМА.

Работники Московского Совета Рабочих Депутатов в честь 4-й годовщины Октябрьской революции открывают дом для 50 детей чувашей из голодных губерний. Открытие этого дома состоится в воскресенье, в 7 часов вечера, на 1-й Мещанской улице, д. 20. Дети в этом доме будут содержаться исключительно на пожертвования, отчисляемые работниками Московского Совета.

ОКТЯБРЬСКАЯ ГАЗЕТА.

В Пресненском районе к Октябрьской годовщине выпущена специальная газета. В ней целый ряд статей рабочих района с их воспоминаниями об Октябрьской революции.

ЮБИЛЕЙНЫЕ МАРКИ.

К 4-й годовщине Октябрьской революции Наркомпочтель выпустил юбилейную почтовую марку трех типов: темно-желтую в 100 руб., темно-фиолетовую—в 250 р. и темно-красную—в 1,000 руб. Эти марки скоро поступят в общую продажу.

ОТКРЫТИЕ РАБОЧЕГО КЛУБА.

Рузский исполком приурочивает к 4-й Октябрьской годовщине открытие рабочего клуба в честь этой годовщины.

ОТКРЫТИЕ ОКТЯБРЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ.

В ознаменование 4-й годовщины Октябрьской революции отдел здравоохранения Краснопресненского района открывает 4 новых учреждения: дом для детей рабочих N склада на Красной Пресне, дом матери и ребенка на Петроградском шоссе, д. № 25, детскую амбулаторию на Лесной ул., д. 43, и медицинскую библиотеку-читальню в здании Совета.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ.

Секция показательной работы для детей МОНО в дни 4-й годовщины Октябрьской революции устраивает 6-го ноября:

Для Городского района, в Доме Союзов—детский праздник в 1 ч. дня.

Для Городского района, в помещ. клуба пищевиков (б. Мозя[illegible])—детскую оперу «Кот в сапогах», в 1 ч. дня.

В Хамовническом районе для дефективных детей в санатории б. [illegible]—«Север», в 1 час дня.

Для Бауманского района, в помещ. Хлебн. биржи—«Петрушки», художн. Ефимова, в 12 ч. 30 м. дня.

Для Рогожско-Симон. района, в помещ. клуба 46 [illegible] (Ульяновская, 55)—«Царевна-Лягушка», в 1 ч. дня.

7-го ноября: для МОНО. Большой центральный детский праздник в Доме Союзов, с участием Дурова, с новыми дрессированными животными, других артистов и кинематографа, в 1 ч. дня.

Для больных детей в санатории № 1—«Конек-Горбунок».

Для голодающих детей, в Покровском приемнике—«Петрушки», в 1 час дня.

Для Бауманского района, в помещ. Хлебн. биржи—«Басни в лицах», в 12½ ч. дня.

Для Сокольнич. района, в помещ. «Балкан»—«Простой человек», в 1 час дня.

Для Сокольнического района, в помещ. показательного клуба — Революционное утро, в 1 ч. дня.

Для Замоскворецкого района, в помещ. Коммерческого института—«Италия», в 1 ч. дня.

Для Красно-Пресн. района, в помещ. Петровской академии—«Красная шапочка», в 12 ч. 30 мин.

СЕГОДНЯ В ТЕАТРАХ.

Большой. «Кармен».—Малый. «Собака садовника».—Художественный. Ут. «Синяя птица», веч. «Ревизор».—1-я студия. «Дочь Иорио».—2-я студия. «Узор из роз».—Драматический. «Великая Екатерина».—Т. б. Незлобина. «Иудушка».—Т. б. Корша. «Слуга двух хозяев».—1-й рабочий театр (б. Эрмитаж). «Лена».—Муз. драма. «Кармен».—Б. Никитский театр. «Хорошо сшитый фрак». — Наш театр. «Паяцы», «Аскольдова могила».—Муз. комедия. Славянск. Базар). «Граф Люксембург».—Камерн. «Принцесса Брамбилла».—Детский. «Красочки», «Медведь и паша».—Евр. камерн. «Бог мести».—Студия им. Шаляпина. «Зеленый попугай».—Т. б. Зон. «Дамская война».—Т. б. Корша. «Акробаты».—Т. б. Сретенский. «Ревизор».—Т. им. Сафонова. «Женитьба». (2 спектакля).—Дом нар. им. Каляева. «Гроза». — Летучая Мышь. «Часовщик из Толедо» и др.—1-й гос. цирк. Большое представление.

ЗАВТРА.

1-й рабочий. «Лена».—Муз. драма. «В шляпах». Концерт.—Нар. дом им. Каляева. «Стенька Разин».

„Овца заблудящая".

— Извиняюсь,—говорил церковный староста Антон Михайлыч, входя ко мне,—очень извиняюсь за беспокойство [illegible], что вы человек, можно сказать, занятой общественным, государственным, важным делом не горюсь... Еще раз извиняюсь...

Он помялся на месте, оглядывая переднюю стенку глазами, вероятно, ища образа и, не найдя, сделал на своем лице умильную «слушающую» улыбку и произнес:

— Здравствуйте-с!.. Как ваше „здоровье?".. А я к вам, извиняюсь, по делу.

— Что такое?—спросил я и добавил, разглядывая его: да вы садитесь!..

— Бла-а-годарю вас!..

Он сел и, положив руки на коленки, левую на левую ногу, правую—на правую, уставился на меня маленькими «свиными» глазками и, немного помолчав, опять повторил:

— А я к вам по делу!

— Что такое?

— Да вот-с, извиняюсь, мне сказали, что вы изволили ездить в Москву?

— Ездил. А что?

— Желаю спросить, как теперича цена билету?.. Я слышал, что будто бы она значительно повышена... Будто бы [illegible]... Правда ли это?

— Пока еще нет, цена старая.

— Приятно слушать. А я было, извиняюсь, измучился. Собрался, знаете, в Москву по делам и вдруг слышу—цена [illegible]! На этом вот и пришел к вам [illegible].

Он замолчал, барабаня пальцами по коленкам, и не уходил, чего-то как я [illegible].

— А вам зачем же в Москву-то?—спросил я, не зная, что больше спросить.

— По церковным делам... Приобрести кое-что для храма-с... Масла [illegible], свечей... книги церковного [illegible]... Есть слух—разрешено начать [illegible] торговать. Желательно приобрести для храма... Стараюсь изо всех сил... Не знаю, как православные оценят труды мои... Но я не льщусь, и не для корысти, а об душе... Да и их жалко!..

— Кого это их?—спросил я.

— Православных! Вижу, извиняюсь, вам, может быть, как..., гм!.., как коммунисту, и неприятно это покажется—большое тяготение за последнее время среди них-с к храму господнему! Особое рвение и усердие. И что поразительно-с,—прищуря несколько, как мне показалось, глаз и сделав на своем лице какую-то елейно-наглую гримасу, продолжал он,—что поразительно-с и достойно удивления, это то-с, что люди, со-о-о-вершенно, так сказать, еще недавно отрицавшие и громко об этом об'являвшие на митингах и собраниях существования всемогущего бога, его возлюбленного сына Иисуса Христа, матерь божию, царицу небесную и все святые таинства церкви,—снова пришли на лоно ее и оказали особое рвение и усердие к храму-с.

Он замолчал и, видимо, ждал, что я скажу.

— Что же это за люди?—действительно заинтересовавшись, спросил я.

— Гм! удивительно! — воскликнул он.—Трудно поверить-с, а правда. Например—Илья Захарыч Кобяков-с изволите знать? Да как сам, впрочем, извиняюсь, не знать, коммунист тоже были-с они, из одной с вами шай... извиняюсь,—поправился он, — партии, хы, хы, хы! товарищ ваш... Теперича, как вам, вероятно, известно, их вычистили, уволили из партии недавно. Так вот они-с бо-о-ольшое рвение сердце возымели к храму. Удивительно это для меня и поразительно. Давно ли человек—кто был и кто стал! Дивны дела господни и неисповедимы!.. Удивительную картину представили они, стоя в храме господнем в праздник Покрова пресвятыя богородицы и владычицы нашей, царицы небесной; Я, глядя на них, извиняюсь, прослезился...

Он опять замолчал, пристально глядя на меня и наблюдая, какое впечатление производит его слова.

— А что-ж такое с ним было?—спросил я.

— Поразительное явление-с!.. Верите богу: плакали-с!! Полнейшее раскаяние в своих поступках и заблуждениях в период-с своего пребывания в рядах коммунистов выявили господу вседержителю! Каялись и скорбели-с!! Стояли они на клиросе на левом и пели-с. И сам я видел, как с блюдом ходили во время пения «отче наш», как у них капали слезы умиления на глаза. Поражен я был их видом до глубины души, ей богу-с! Помилуйте, кто был и кто стал?!

— Да-а-а,—согласился я, — действительно чудо!

— После окончания божественной литургии и благодарственного к господу богу молебствия священник наш, пастырь духовный, отец Иоанн вышел на амвон и произнес поучительное и назидательное к православным слово-с и сделал намек и коснулся того, как дивны дела господа, как он всемогущий принимает к себе раскаявшегося грешника. Произнося сии слова, умолк на малое время и, повернув главу, глядел [illegible] образом на левый клирос, на стоявшего там на виду у всех Илью Захарыча, как бы призывая всех православных воочию убедиться в правильности его слов относительно раскаявшихся грешников... И всем был понятен его красноречивый взгляд, а я, извиняюсь, лично рыдал-с, но в глубине своей души ликовал-с и думал: давно ли человек сей был гонитель веры, как Савл, давно ли он первый сделал призыв уничтожать и выкинуть из школ святые иконы, давно ли распространял на собраниях об отцах духовных непотребные и [illegible] слова, давно ли, так сказать, распинался везде и всюду, первый крича об [illegible] злобы пребывающей во тьме, пребывающей будто бы главным образом, как он говорил, от обрядности религиозной, от попов-с и так далее-с. Давно ли-с?! А теперь? Какое они были лицо! Какую имели власть!! Страх наводили на всех и трепет!.. Первое лицо были в исполкоме-с. Ужас бывало, извиняюсь, брал, как приходилось обращаться к ним за чем-нибудь касаемо нашего дела. А женщин, бывало, извиняюсь, баб наших, поражал своим недоступным видом, речью своей строгой приводил их в трепет-с... Бывало,—давно ли?—как сейчас гляжу, сидят в своем земельном отделе в креслах-с, бывших в которых граф [illegible], покойника,—царство небесное!—его сиятельство, владелец сего дома, где в настоящее время исполком-с работают, пишут или бумаги разбирают, а православные крестьяне, граждане и женщины, бабы-с, ждут, глядят с робостью в дверь, боясь обеспокоить их и войти. Умели внушить своим видом почтение и грозность!.. Как сейчас слышу голос их. Подымут глаза, взглянут и грозно: «Тебе чего, а?». Сразу одним взглядом и речью убивали на месте глупую женщину—«Тебе чего? Говори скорей! Мне некогда, я занят».

Ужас, бывало, брал, ей-богу!.. Помилуйте; вся власть их была, что хотели, то и делали. Возвеличил их господь, все дал. Многое они приобрели, окрепли на службе общественной и [illegible]. Хозяйство свое, извиняюсь, в материальном отношении поставили образцово: три коровы-с, две лошади... всего изобилие! Культуру огородную первый развели-с. Все им было доступно. Два поросенка выкармливали, индючек. Упряжка какая! Сани-с! [illegible], скрипы, белье-с... Да и что говорить—купались в достатке и возгордели-с. И вот тут-то явилось для них божие милосердие: сразу, извиняюсь, свергли их с престола и [illegible] в грязь. Вычистили их-с из партии и освободили, смирили... пролежали на полу-с. И они [illegible]-с. Перенесли скорбь и, скорбя, обратились теперича на лоно матери нашей церкви. Надели на себя одежду смирения.

Он опять замолчал и, торопливо облизнув кончиком языка пересохшие губы, воскликнул:

— Овца заблудящая они-с, как сами себя изволили называть. И точно-с, была овца без пастыря, отбилась от стада, а теперича снова в стаде и своем и на своем месте, где ей указано быть.

— Там ему и место, овце этой заблудящей,—не утерпев, сказал я.

— Истинно там,—подхватил он.—Божие это провидение, перст, указующий свыше. Кабы вы могли видеть их-ние раскаяние! Каменное сердце и то должно дрогнуть, не выдержать, глядя на их рыдания и сокрушения—ей-богу-с! Позвал я это их к себе после божественной литургии, — продолжал мой собеседник, волнуясь и ерзая по полу [illegible],—в Покров, хлеба-соли откушать, к себе домой, побеседовать. Пошли. Сели. Главу опустили... Свечи на божие благословение, и лампады—у меня их много-с в переднем углу, я лампада за ера теплится, несмотря на дороговизну масла-с... Не жалею... люблю-с благолепие! Дык вот они смотрят на иконы на эти подольше, а потом уже, как сказало [illegible], сели и главу опустили. Вижу, скорбят они. Я и начал помаленьку им говорить тексты из священного писания подходящие. Вижу — просветлели они!.. По лицу вижу умильное выражение появилось, и улыбка приятная. Выслушали меня и говорят: «Я,—говорят,—Антон Михайлыч, овца заблудящая, скотина! и нет мне пощады. Связался я,—говорит (откровенен буду с вами) с [illegible] и сам об'язычился, потерял. Материальная сторона жизни,—говорит,—заела меня и засосала. А теперича,—говорит,—слава богу, сыт и всего достаточно у меня, излишек, благодаря создателя. Теперь я,—говорит,—желаю об душе об своей поскорбеть, ее пропитать светом истины и правды. Достаточно с меня будет! Исключили меня, уволили... Я—доволен! Мне теперича больше ничего не надо, так как все, что я мог, то сделал... успел! Теперича об душе скорблю: душе моя, куда я тебя, окаянный, уготовал! Овца, — говорят,—я был заблудящая».

Мой посетитель умолк и тяжело вздохнул. Дико было слушать это, но я мысленно махнул рукой: то ли еще приходилось слышать и видеть, мне, просеянному сквозь сито в продолжение трех лет, сидя в деревне, на советской службе.

— Ну, а зачем вы мне это все сообщаете-то?—не утерпев, все-таки спросил я.

— Зачем-с?

Он нервно забарабанил пальцами по коленкам и не сразу ответил:

— Зачем-с?—повторил он. — Интересно мне, извиняюсь, знать — как им, Илье Захарычу, то-есть, раскаявшейся овце заблудящей, не предстоит суда-с, а? Извиняюсь за нескромный вопрос, но, надеясь и зная вас, осмеливаюсь узнать. Жалко их, ей богу-с! Чистосердечно раскаялись с, — он понизил голос,—ихнее усердие к храму достойно подражания. Вклад сделали-с!.

— Какой?

— Денежный. Внесли сумму-с. Пожалеть надо!

Он опять замолчал, вопросительно глядя на меня, и не дождавшись ничего с моей стороны, сказал:

— Так как же-с? Ответьте мне: предстоит им, сей по недоразумению и обуянной страстью к наживе овце заблудящей суд или нет-с?

Мне стало смешно и досадно.

— Никакого суда, скажите вы своей овце заблудящей, не будет ей, и пусть она [illegible] эта, спокойно пасется в своем стаде. А если она вздумает, то скажите ей, что у нас на нее и ей подобных всегда приготовлен короткий кнут. Ну, а если за овцой откроются в прошлом уголовщина по части насилования,—ясное дело, дойдет дело и до суда. Всего хорошего!

Он вскочил, раскланялся и беспрерывно «извиняясь», скрылся за дверью.

С. ПОДЪЯЧЕВ.

ИЗВЕЩЕНИЯ.

Извещения принимаются только до 2 час. дня.

8 ноября, в 4 ч. дня, в Колонном зале Дома Союзов сост. засед. пленума Моск. Совета Р., К. и К. Д. Порядок дня: 1) Доклад [illegible] о топливном положении Москвы (т. Лавров). 2) О продовольственном положении Москвы (т. Вульфсон). 3) Текущие дела.

ПАРТИЙНЫЕ.

— 7 ноября, в 10 ч. у., в кл. 5 уч. Кр.-Пресненск. р. сост. собр. прикреплен. к ячейкам 5 уч. Кр.-Пресненск. р.

— 8 ноября, в 8 ч. в., в астоцен. кл. (Чистые пруды, 17) сост. общее собр. чл. РКП астоцен. Моск. организ.

— Центр. кл. 1 уч. Горрайона просит всех записавшихся на вечерние общеобразоват. курсы, явиться 8 ноября, в 7 ч. в. (Сретенка, 10).

— Хамовнич. р. 8 ноября, в 11 ч. у. сост. засед. секции Коминтерна.

— 8 ноября, в 7 ч. в., в д. им. Каляева сост. собр. бюро яч. 4 уч. Кр.-Пресненск. р. совместно с прикреплен. яч. организаторами женщин в РКСМ.

— Горрайком. 8 ноября, в 5 час. веч., сост. собр. секретарей, прикреплен. организаторов и организат. женщин 2 уч. (Кузнецкий Мост, 15), кв. 10.

— Горрайком. 8 ноября, в 6 час. веч., сост. очеред. собр. делегатов в помещ. райкома (Рождественка, 5), кв. 10.

— 8 ноября, в 6 час. веч. сост. засед. бюро Горрайкома (Кузнецкий М., 15/20).

СОВЕТСКИЕ.

— 8 ноября, в 1½ ч. д. сост. засед. Исполкома Хамовнич. Совета (Плющиха, ком. 100).

ЛЕКЦИИ, КОНЦЕРТЫ И МИТИНГИ.

[illegible]